

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ISSN 0453-8048

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

K-14038

322 88

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ
И КОММУНИКАТИВНАЯ
НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБУЧЕНИЯ

«Выща школа»

1 р. 30 к.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00289756

7

SN 0453-8048. Вестн. Харьк. ун-та. 1988. № 322. Структурно-семантические
прагматические особенности речи и коммуникативная направленность обучения.
133.

66 ГРУ 2005

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

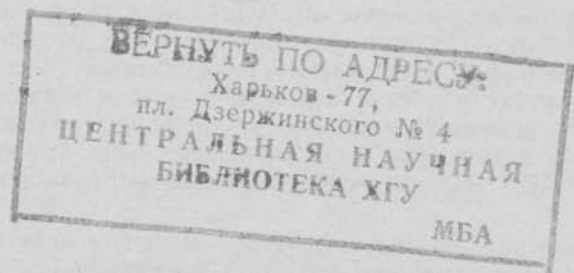

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 322

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ
И КОММУНИКАТИВНАЯ
НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБУЧЕНИЯ

Основан в 1966 г.

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения
«Выща школа»
1988

В статьях вестника освещается ряд актуальных проблем романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков в высших учебных заведениях.

Для научных работников, преподавателей и аспирантов.

Редакционная коллегия: канд. филол. наук доц. Е. И. Морозова (отв. ред.), Л. В. Конопельцева (отв. секр.), канд. ист. наук О. И. Давыдов, доц. А. С. Калинин, канд. филол. наук доц. В. И. Каравашкин, В. А. Кухтенко, канд. филол. наук доц. С. Т. Навальная, канд. филол. наук доц. Э. Г. Паповяц, канд. филол. наук доц. Л. Н. Черноватый, канд. филол. наук доц. Ю. К. Чучко

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков, тел. 45-75-04

Редакция литературы по естественным наукам и филологии
Зав. редакцией *Е. П. Иващенко*

Издано по заказу Харьковского государственного университета

**К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ ВЛИЯНИИ В УСЛОВИЯХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БИЛИНГВИЗМА**

После второй мировой войны английский и русский языки в Европе приобрели высокий юридический и фактический статус в вооруженных силах ФРГ и ГДР. Потребность преодоления языкового барьера в рамках объединенных вооруженных сил соответствующего блока вызвала формирование у военнослужащих ГДР и ФРГ функционального немецко-русского и немецко-английского билингвизма.

Контактирующие языки, вступая во взаимодействие в синхронном плане, оказывают друг на друга вполне конкретное влияние: немецкий язык (А) — на изученный иностранный (Б) в форме интерференции, а иностранный (Б) — на немецкий язык (А) в форме интеркаляции. Под интерференцией понимаем случаи отклонения от нормы, возникающие в речи билингва на языке Б под влиянием языка А, а случаи отклонения от нормы в речи билингва на языке А, возникающие в результате влияния языка Б, называем интеркаляцией [1, с. 26].

Цель данной статьи — обосновать возможность интеркалирования иноязычных терминов или их моделей из языка Б в язык А в условиях искусственного билингвизма.

Факты интеркаляции, проявляясь в речи билингва на А, при определенных обстоятельствах могут проникнуть в компетенцию всех членов данной языковой общности и стать фактом языка, обязательным для его носителей, в том числе и одноязычных. Импортная в результате интеркаляции иноязычная терминологика (ФРГ) или ее модели (ГДР), постепенно распространяясь в условиях группового или массового двуязычия [2, с. 70] в военной терминологии, способствуют ее качественному изменению. Явление интеркаляции наряду с другими интра- и экстралингвистическими факторами повлекло за собой дивергентное развитие ранее единой военной терминосистемы немецкого языка и формирование двух региональных военных терминосистем ГДР и ФРГ [3, 4].

Под билингвизмом понимаем явление двуязычия как результат либо естественно происходящего процесса усвоения второго языка в условиях социального взаимодействия, либо как результат обучения, но только при условии, если язык, изученный в стенах учебного заведения, применяется индивидом в практическом общении [5, с. 89]. Следовательно, понятие билингвизма предполагает 1) способность пользоваться попеременно двумя языками и 2) саму реализацию этой способности, т. е. практику попеременного общения на двух языках.

В зависимости от мотивов, способов изучения языка Б и оценки речевой деятельности на этом языке в пределах двуязычной общности военнослужащих можно различить две группы: 1) изучивших язык Б в военном учебном заведении своей страны при отсутствии контакта или при весьма ограниченном контакте с носителями данного языка и 2) изучивших язык Б в военных учебных заведениях за рубежом в условиях постоянного контакта с носителями изучаемого языка. Как правило, овладение профессиональными знаниями и умениями, повышение квалификации и дальнейшая специализация в условиях вооруженных сил происходит в зрелом возрасте. Слушателю приходится овладевать понятийным аппаратом и специальной терминологией на обоих языках одновременно, а в некоторых случаях — только на иностранном языке. Последнее имеет место в том случае, если подготовка военнослужащего проходит за рубежом.

Получив языковую подготовку, первая группа билингвов в ходе своей профессиональной деятельности впервые вступает в контакт с носителями языка Б, у второй группы продолжается контакт с ними при активном использовании языка Б в целях межгруппового общения. Для реализации такого контакта в ГДР и ФРГ имеются благоприятные условия (наличие контингентов войск других государств, носителей соответственно русского или английского языков, а также смешанных по национальному составу штабов, учреждений, служб и т. д.).

Деление билингвов на две группы носит условный характер, так как только на первых этапах их профессиональной деятельности можно установить качественную разницу между естественным и искусственным билингвизмом. В процессе постоянного общения с носителями языка Б билингвы первой группы повышают степень владения им, развивая навыки и умения практического его использования до уровня владения языком Б билингвами второй группы. Таким образом, различия между обеими группами могут быть нивелированы в результате повышения уровня владения языком Б как следствие постоянного и целенаправленного его использования в сфере профессионального общения в условиях контакта с носителями данного языка.

Постоянно возрастающая степень владения языком Б в пределах специальной тематики по своим характеристикам может сравниться, а в некоторых отношениях даже быть выше уровня владения языком А (например, в случае постоянного общения на языке Б за рубежом или с носителями языка Б из состава находящегося на территории страны контингента войск). Таким образом, социально-политический авторитет языка Б, продолжительность и интенсивность контакта с его носителями в условиях группового билингвизма стимулируют условия, при которых язык Б может оказывать интеркалирующее влияние на язык А.

На основании сказанного выше считаем, что тезис А. Е. Карлинского о том, что «при искусственном билингвизме родной язык билингва односторонне влияет на его речь на языке Б, да и то

лишь в синхронном плане» [1, с. 12] с точки зрения использования языка Б в сфере специального общения нуждается в существенном дополнении.

Учет качественных особенностей искусственного и естественно-го билингвизма, основной смысл которых сводится к оценке степени владения языками А и Б и их функциональной нагруженности в жизни билингвов, будет справедливым, на наш взгляд, в том случае, если он будет учитывать возможность динамики их качественных параметров. В противном случае цитируемый вывод будет релевантным на уровне конкретного временного среза, условно предполагающего некоторую стабильность их качественных характеристик.

Касаясь вопроса незначительной функциональной нагруженности языка Б при искусственном билингвизме, полагаем справедливым вывод о том, что язык А в данном коммуникативном сообществе будет выполнять максимальное количество общественных функций, т. е. характеризоваться максимальной социальной нагруженностью. Практика использования иностранного языка военнослужащими-билингвами показывает, что чаще всего функционирование языка Б ограничивается только узкоспециальной сферой. Если в течение продолжительного времени активное использование иностранного языка замыкается функцией, связанной с профессиональной деятельностью билингвов в пределах специальной тематики, то вполне реально говорить не о функциональном билингвизме вообще, а о профессиональном билингвизме, при котором сфера функционирования языка Б ограничена выполнением определенных профессиональных задач и устойчивость которого определяется степенью владения языком Б, зависящей от продолжительности и непрерывности его использования.

Итак, профессиональный билингвизм потенциально предполагает равноценное владение обоими языками в специальной сфере независимо от того, изучен ли язык Б в ходе естественного контакта с носителями данного языка или в стенах учебного заведения. Рассматриваемый тип билингвизма приобретает в результате длительной и постоянной работы билингвов в специальной области при условии непосредственного контакта с носителями языка Б, в ходе которого приобретенные ранее навыки получают дальнейшее развитие.

Несмотря на то что в условиях профессионального билингвизма, генетически связанного с искусственным двуязычием, язык Б не выполняет обычного количества общественных функций, а постоянно используется билингвом в своей профессиональной деятельности, он в пределах специальной сферы общения приобретает качества социальной полноценности. Профессиональный билингвизм, при котором оба языка обслуживают только одну область профессионального общения с носителями языка Б, по отдельным параметрам приближается к естественному билингвизму. В случае языкового контактирования в сфере специального общения языки А и Б в равной степени могут взаимодействовать и язык

А оказывает на язык Б интерферирующее влияние. Язык Б может и должен оказывать на язык А интеркалирующее влияние, затрагивая прежде всего уровень терминологической лексики.

- Список литературы: 1. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. К., 1980. 48 с.
2. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. К., 1974. 176 с.
3. Адамский В. И. К вопросу о дивергентном развитии военной терминосистемы в ГДР и ФРГ. Л., 1985. 25 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 10.01.85, № 19212.
4. Адамский В. И. Роль двуязычия в дифференциации военных терминосистем ГДР и ФРГ. Л., 1986. 14 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 07.01.86, № 23626.
5. Никольский Л. В. Синхронная социолингвистика. М., 1976. 168 с.

Поступила в редколлегию 30.09.86

Е. И. БЕЙДЕР, канд. пед. наук

ПРОБЛЕМА ОДНОЗНАЧНОГО ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Расширение предмета лингвистической семантики, раздвинувшей традиционные рамки изучения значения слова, взятого вне фразы, вывело проблему однозначного описания значения слова за пределы лексикографии. Исследование этой проблемы направлено на получение достаточно точных представлений о разнообразных возможностях как лексикографических описаний значений отдельных слов, так и описательных возможностей, заложенных в речевых произведениях, и в самом устройстве языка, обеспечивающем его познаваемость. Однако, несмотря на теоретическую и практическую важность данной проблемы, в ней обнаруживаются нерешенные вопросы, связанные с первостепенными, фундаментальными понятиями. Причина такого пробела состоит не в том, что методы описания значения слова не оказались объектом лингвистических исследований. Проблема описания значений составляет существенную часть ряда современных семантических теорий, в основе которых лежат принципиально отличные друг от друга лексикоцентрический и текстоцентрический подходы [1]. Тем не менее нельзя не согласиться с утверждением Ю. Д. Апресяна о том, что «в семантике и лексикографии никогда не ставилась в отчетливой форме проблема метаязыка описания» [2, с. 10]. Очевидно, столь значительное упущение объясняется чрезвычайной сложностью проблемы, проявляющейся прежде всего в нерасчлененности лингвистических и экстралингвистических факторов, обеспечивающих однозначность описания значений слова. Так, например, обстоит дело с исследованием структуры контекста. Значительное отставание в исследовании этого вопроса во многом определяется трудностью преодоления традиции лингвистической семантики, исследовавшей значение отдельного слова, взятого вне речевых произведений. Тем самым исключается рассмотрение проблемы однозначности описаний, значений в речевых произведениях различной длины, начиная с минимальных отрезков, состо-

ящих из двух слов. В таких минимальных отрезках многозначное слово получает нужную однозначность и достаточный контекст благодаря ключевому слову, входящему в данную пару [3, с. 77]. Уже на уровне таких отрезков можно говорить о лексических ограничениях, налагаемых на контекст, в котором может быть реализовано данное значение слова [2, с. 25]. Такие лексические ограничения выступают в данном случае в функции однозначного описания значения многозначного слова. В работе [2, с. 31] содержатся также примеры того, как на уровне минимальных отрезков в подобной функции могут выступать синтаксические ограничения. Синтаксические ограничения отмечаются в толковых словарях и представляют значительный интерес для исследований в области лингвистической теории перевода. В силу достаточной формализации они используются также в машинном переводе для разграничений значений многозначных слов. При этом нельзя не согласиться с замечанием Э. М. Медниковой по поводу того, что подобные модели синтаксической сочетаемости лишь за редким исключением могут служить сами по себе достаточным средством конкретного значения слова [1, с. 95]. К исключениям такого рода принадлежат «конструктивно-обусловленные значения», описанные в работе В. В. Виноградова [4]. Исследования, проведенные нами, показали первостепенную роль синтаксических построений в качестве средства однозначного описания значения слова. Эта роль проявляется, однако, во взаимодействии с лексическими факторами, что подтверждает необходимость учета диалектики синтаксического и лексического [5] однозначного описания значения слова при анализе подавляющего числа случаев. Сказанное делает очевидным то обстоятельство, что сложность проблемы однозначного описания значения слова, проявляющаяся в нерасчлененности лингвистических и экстралингвистических факторов, усугубляется трудностью членения лингвистических факторов уже на уровне минимальных отрезков речевых произведений. Естественно, что на уровне отдельных предложений, взаимосвязанных предложений, абзацев, текстов и даже совокупности текстов, необходимых для однозначного описания значения слова, анализ факторов, определяющих такую однозначность, становится более сложным. Яркий пример использования данных описания, содержащихся в ряде текстов, наряду с использованием словарных описаний, в процессе поиска неизвестного значения слова «bulge» приводится в работе [6, с. 15]. Случай использования текста и совокупности текстов является типичным при определении значений новых терминов или сочетаний терминов в процессе научно-технического перевода. Анализ, направленный на выявление существенных лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих однозначность описаний значений лексических единиц, предпринимался нами в предыдущих работах (см., например, [7]). Один из мотивов выбора текстов делового стиля в качестве объекта такого анализа состоял в том, что в этих текстах контекстуальные связи языковых единиц устанавливаются быстрее, чем в текстах других

стилей [8, с. 65]. Эти тексты обладают достаточной описательной силой для однозначного определения значений слов, еще не зафиксированных в словарях (случай, типичный для научного текста). В процессе исследований особое внимание уделялось словам, не принадлежащим к слою интернациональной лексики и не вызывающим фоносемических ассоциаций, что приравнивает их к случаю пробела в тексте. Пробел или неизвестное слово в описанном выше смысле представляет собой более сложный случай поиска, чем выбор по словарю одного из известных значений, в силу чего в процессе эксперимента факторы, влияющие на однозначность описания, проявляются более отчетливо и полно.

В предыдущих работах (см., например, [9]) упомянутые факторы описывались в терминах, определяющих структуру задачи на нахождение неизвестного (в данном случае — неизвестного значения слова). Последовательности таких задач, называемые нами цепочкой языковых задач, моделируют более сложные процессы поиска неизвестных значений и функций языковых единиц [10]. В частности, анализ факторов, определяющих однозначность описаний с помощью цепочки языковых задач, может быть применен к вышеупомянутому примеру из работы [6, с. 15].

В дальнейшем описания значений через речевые произведения любой длины будем классифицировать как косвенные (или опосредованные) описания. В таких описаниях неизвестное значение слова задается не путем прямого отождествления или «способом идентификации, приравнивания (например, хилый = слабый, болезненный, тщедушный)», а определяется косвенным условием, через которое искомое значение может быть найдено. В роли такого косвенного условия может выступать речевое произведение, обладающее необходимой совокупностью известных данных, поставленных в определенные отношения с неизвестными посредством их грамматического соотношения в пределах данного речевого произведения.

С формальной точки зрения под условием любой задачи на нахождение неизвестного будем понимать всю совокупность данных, т. е. описание известных объектов, описание класса объектов, в котором происходит поиск неизвестного, описание отношений между известным и неизвестным. Задача называется *детерминированной*, если неизвестное однозначно определяется известным. Это однозначное соответствие неизвестных объектов известным есть *оператор* данной задачи. Реализация описанного оператора (т. е. решение задачи) в случае поиска значения неизвестного слова происходит путем смысловой и языковой корреляции между этим словом и контекстом.

Проводимые нами наблюдения свидетельствуют о том, что знание структуры косвенных средств описания и тренировка в решении подобных задач достаточно быстро развивают эту способность.

Очевидно, что однозначные косвенные описания значений слова могут стать эффективным средством, дополняющим прямые

описания словарных статей и содействующими их полноте и точности. Такие дополнения являются необходимостью еще и потому, что в подавляющем большинстве случаев прямые способы описания через дефиниции, синонимы и т. д. не тождественны описываемому значению.

Список литературы: 1. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974. 120 с. 2. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. 138 с. 3. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955. 88 с. 4. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова//Вопр. языкознания. 1953. № 5. С. 20—28. 5. Ахманова О. С., Драздаускас А. А. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации. М., 1969. 150 с. 6. Комиссаров В. Н. и др. Пособие по переводу с английского языка на русский/В. Н. Комиссаров, Я. И. Рещер, В. И. Тархов. М., 1960. 110 с. 7. Бейдер Е. И. Некоторые факторы, определяющие грамматические особенности текстов функционального стиля научной и технической литературы: Первая всесоюз. конф. по теории и практике перевода (функционал. стиль науч. и техн. лит.). Каунас, 1975. С. 10—22. 8. Пиотровский Р. Г. Информационные измерения слова. Л., 1968. 107 с. 9. Бейдер Е. И. Метод языковых задач в системе программированного обучения иностр. языкам//Метод. зап. по вопр. преподавания иностр. яз. в вузе. М., 1967. С. 10—25. 10. Бейдер Е. И. Запоминание в результате решения цепочки задач//Материалы к XIX Междунар. психол. конгр. М., 1969. С. 7—77.

Поступила в редколлегию 30.09.86

А. Л. БЕЛОГУБ, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ ТЕРМИНОЛЕКСИКИ

В современной лингвистической литературе все больше внимания привлекают к себе разнообразные проблемы терминологии, в том числе и вопрос о социальных и культурно-исторических детерминантах научно-технического подязыка [1—5], однако до сих пор недостаточно изучены те движущие силы социального плана, которые вызывают развитие отраслевых терминосистем, в основном путем заимствования нового термина у языка-источника. В этой связи целью данной статьи является попытка раскрыть значение некоторых из экстралингвистических факторов, определяющих движение специальной лексики из терминосистемы одного языка в другую.

Чтобы выяснить степень воздействия некоторых факторов на процесс миграции терминологии, был изучен характер изменения среднего процента иноязычных терминов в одной из отраслевых терминологических подсистем в немецком языке. Эмпирический материал был извлечен из ста однородных выборок объемом 10 000 печатных знаков каждая. Выборки делаются из разных периодических изданий технического профиля через каждые 20 лет, начиная с 1870 г. В связи с тем что выборки в терминологическом отношении неоднородны, для большей достоверности анализа были выделены все термины в форме имени существительного (за исключением сокращений), а затем из их числа производился от-

бор иноязычных элементов, в том числе и гибридных образований. В результате статистической обработки данных был получен ряд показателей, характеризующих средний процент заимствованных терминов в исследуемые периоды времени:

1970 г.	1890 г.	1910 г.	1930 г.	1950 г.	1970 г.
27,1 %	22,6 %	24,6 %	24,5 %	29 %	35,3 %

Количество иноязычных терминов за последние 100 лет значительно возросло. Однако непрерывного возрастания числа иноязычных терминов не происходит. Колебания в их количественном отношении обусловлены разными причинами. Изучение социально-экономических условий Германии за последние 100 лет и количественный анализ полученной выборочной совокупности позволяют установить связь между уровнем развития экономики в стране и интенсивностью заимствования иноязычных терминов. Подъем машиностроения, расцвет экономики тесно связаны с ускоренным притоком новых терминов из других языков. Однако не всегда оправдано устанавливать корреляционную связь между динамикой развития терминологии и экономикой. При этом следует учитывать «искажающее» воздействие государственного вмешательства в языковую политику, социальную обстановку в стране, благоприятствующую или, наоборот, тормозящую процессы миграции терминологии. Например, действие экономического подъема или промышленной революции в стране может «сглаживаться» действием политического фактора, ограничивающего по тем или иным причинам процесс заимствования. Так, наблюдавшееся в 1890 г. некоторое уменьшение количества иноязычных терминов в одной из отраслевых терминосистем немецкого языка нельзя объяснить только исходя из факторов экономического развития страны. Несмотря на частые экономические кризисы, задерживавшие темпы производства продукции, индекс промышленного производства в 1890 г. оказывается выше, чем в 1870 г. Некоторое уменьшение количества иноязычных терминов при общем подъеме экономики Германии можно скорее объяснить политическими причинами, чем чисто экономическими. Проводившаяся в Германии в конце XIX в. националистическая политика активизирует деятельность пуристических организаций, в результате которой уменьшается количество функционировавших в то время иноязычных терминов. В процессе заимствования большую роль играет внутренняя политика в стране, так как правительство может активно вмешиваться не только в хозяйственную жизнь страны, но и в языковую политику. Поэтому уменьшается количество иноязычных терминов даже в период хозяйственного подъема, т. е. влияние одних факторов нередко нейтрализуется действием других, направление их воздействия не всегда совпадает. Например, приоритет Англии в создании строгальных станков с паровым двигателем для привода их в действие (в 1814 г.) приводит к появлению на страницах немецкой технической периодики английского термина *Power-Planer*, где детерминант указывает на характер приводного механизма

станка. Хотя для обозначения старой конструкции станка в немецком языке существует исконный термин, но изменившийся вид привода (с помощью парового двигателя, а не вручную) влияет на заимствование английского термина. Распространение парового двигателя в качестве приводного механизма делает излишней конкретизацию, а сосуществование иноязычного и автохтонного термина приводит к победе исконного слова.

Большую роль в этом вопросе играет и характер взаимоотношений между государствами, внешняя политика страны. Так, чтобы предотвратить утечку научно-технической информации из Англии, экономически более развитой в XVIII в., чем Германия и Франция, в 1785 г. издается закон, запрещающий вывозить машины на континент, а английским специалистам переселяться в другие страны. Поэтому немецкие механики в тот период сами строят машины по образцу английских, снабжая их своими названиями. Влияние Англии в то время выражалось в калькировании английских терминов и терминологических словосочетаний; это, в известной степени, объясняет ограниченный приток англицизмов в немецкий технический подъязык в течение XVIII в. и в первой половине XIX в.

Напротив, более прогрессивный общественный строй Франции сказался в том, что немецкие ученые начинают разрабатывать механику машин под сильным влиянием французских исследователей, перенимая большое количество романских терминов. Приоритет Франции в научно-теоретическом отношении, хорошо поставленная система высшего образования в стране (создание в 1794 г. революционным правительством Парижской Политехнической школы), теоретическое обоснование многих деталей и машин, которое делают французские ученые в начале XIX в., тесные научные контакты между немецкими и французскими специалистами — все это является одной из основных причин влияния французского языка на немецкий научно-технический подъязык. Несмотря на то что Англия имеет в этот период более развитую промышленность, чем на континенте, разработка фундаментальных вопросов машиностроения выпадает на долю Франции. Поэтому в Германии для обозначения новых изобретений, созданных в Англии или Америке, на протяжении XVIII в. и в начале XIX в. французские термины предпочитают английским [5, с. 75]. В этот период в немецкий язык проникают многочисленные заимствования из французского языка, несмотря на то что обозначаемые ими технические реалии создаются в Англии или Америке.

Политическая ситуация в стране, уровень научно-теоретической подготовки специалистов и т. д. оказывают более действенное влияние на процесс заимствования терминологии, чем приоритет страны в создании того или иного изобретения, чем уровень экономического развития страны, т. е. политический и научный факторы оказывают порой сильнее экономического. Указанные факторы, отличаясь друг от друга по своему характеру, по силе

и направлению воздействия, влияют на отраслевые терминосистемы не изолированно друг от друга, а в тесном взаимодействии, создавая определенную тенденцию развития.

Квантитативный анализ заимствованных терминов в научно-технических текстах за сто лет свидетельствует о том, что основной тенденцией развития терминологии является количественное увеличение иноязычных лексических единиц. Однако систематического, неуклонного их увеличения из-за колебаний под воздействием различных факторов не наблюдается: снижение численности заимствованных терминов сменяется их увеличением, за спадом следует подъем, что свидетельствует о неравномерном обогащении отраслевой терминосистемы иноязычными элементами. Если попытаться экстраполировать существующую в настоящее время тенденцию посредством ее усиления, то становится очевидным, что в ближайшем будущем число иноязычных терминов будет возрастать. Проведенный анализ базисных и цепных темпов роста иноязычных терминов свидетельствует об ускорении темпов их миграции. Ускорение темпов миграции терминологии, характеризующее обычно прогрессивную ветвь развития, ведет к возникновению все более сложных форм организации терминологии.

И тем не менее, несмотря на тенденцию к увеличению заимствованных терминологических элементов и ускорение темпов миграции, ограничивающее точное повторение прошлого состояния отраслевой терминосистемы в будущем, трудно однозначно предсказать дальнейший характер обогащения отраслевой подсистемы иноязычными терминами. Здесь возможны два направления будущего развития: либо и дальше будет происходить процесс интернационализации терминологии, либо на определенном этапе развития появится тенденция искусственно ограничить приток иноязычных терминов. И только дальнейшее историческое развитие может показать, к чему приведет рост иноязычных терминов в отраслевых подсистемах.

Список литературы: 1. Александровская Л. В. Семантика термина как члена общелитературной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 24 с. 2. Коробова М. С. Немецкие заимствования в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 24 с. 3. Ланюк Е. Т. К вопросу о становлении отраслевой лексической системы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1971. 21 с. 4. Тимофеева А. И. Источники формирования и специфика структурно-семантической организации немецкой железнодорожной терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1982. 27 с. 5. Белогуб А. Л. Из истории франко-немецких языковых контактов // Отраслевая терминология и ее экстралингвистическая обусловленность. Воронеж, 1966. С. 73—77.

Поступила в редколлегию 30.09.86

АФФИКСАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ИРОНИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ниже в алфавитном порядке представлены коннотативно-ироничные аффиксы немецкого языка в сравнении с русским. Звездочка при русском слове означает коннотативное расхождение с немецким словом в языке (*langue*). Звездочка в скобках — коннотативное расхождение/совпадение в зависимости от речевой ситуации.

Сложный полупрефикс *Allerwelt(s)* существительных, обозначающих лиц: *Allerweltsfreund* — *друг-приятель (со всеми)*; *Allerweltsjunge* — 1) *мастер на все руки*, 2) *тертый калач, стреляный воробей, парень не промах*; *Allerweltsonkel* — *добряк, добрый дядюшка*. В русском языке коннотация передается основами.

Суффиксы *-el(n)*, *-l(n)* некоторых глаголов с денотативным значением действий человека. Определенных соответствий в русском языке нет; коннотация передается основами: *liebeln* — *флиртовать, любезничать*, *fenstern* — *влезать в окно (к девушке)*, *französeln* — *говорить на французский манер*, *üßeln* — «*стрелять*» глазами, строить глазки, подглядывать*. Немецкие глаголы с данным суффиксом часто не находят однословного соответствия в русском.

Префикс *Erz-* отдельных существительных; одно и то же слово может в одном значении иметь один вид коннотации (или не иметь ее), в другом значении — другой вид. Так, приставка *Erz-* в слове *Erzbösewicht* в одном значении денотативно и коннотативно усилительна (*отъявленный злодей**), а в другом — коннотативно проницна: *отъявленный сорванец, страшный шалун; проказник*. В русском языке коннотация выражается при помощи основ: *Erzschalk* — *отъявленный плут, пройдоха*, жулик*, шельма**, *Erzschelm* — *архиплут*, хитрец, проныра*, шельма**.

Полусуффикс *-hase* существительных; коннотация в русском языке выражается основами: *Bühnenhase* — *театрал* (работник театра)*, *Filmhase* — *киношник*, *Angsthase* — *трусика*.

Суффикс *-ikus* существительных; в русском языке коннотация основная: *Luftikus* — *ветрогон*, *Politikus* — *хитрец, пройдоха*; политикан**, *Musikus* — *музыкант**.

Суффиксы *-is*, *-itis* существительных со значением чрезмерного увлечения чем-либо. В русском языке не существует ни коннотативного, ни однозначного (однословного) денотативного соответствия: *Dichteritis* — (болезненная) *страсть к писательству**, *Графомания** (неполное денотативное совпадение), *Kompositivitis* — *злоупотребление сложными словами (в немецком языке)**, *Telephonitis* — *всесие на телефоне*, болезненная страсть к телефонным разговорам**.

Полупрефикс *rudel-* прилагательных в русском языке часто не находит ни коннотативного, ни однозначного денотативного

соответствия: pudelnackt — *совершенно голый**, в чем мать родила, pudelnärrisch — *очень довольный**, pudelnass — *промокший до костей**, мокрый как мышь*.

Полупрефикс Quadrat- существительных: Quadratesel — *круглый дурак* (с коннотацией пейоративности в обоих языках), Quadratschädel — *очень большой череп**, Quadratlatsch — *очень широкий стоптанный шлепанец**.

Ни один из представленных немецких коннотативно-ироничных аффиксов не находит формальных соответствий в русском. Коннотация в русском языке передается основами.

Немецкие ироничные лексемы не находят русских однословных эквивалентов, так как большинство русских коннотативно-ироничных соответствий представляют собой словосочетания.

Отдельные немецкие коннотативно-ироничные слова не находят в русском ни денотативного, ни коннотативного эквивалента.

Значительная часть русских переводов денотативно (или частично денотативно) расходится с немецкими словами при частичном или полном коннотативном расхождении.

Как в немецком, так и в русском языках коннотация ироничности в отдельных случаях обусловлена конституциями, т. е. является речевым феноменом.

Summa summarum: ирония в большинстве из проанализированных немецких слов не имеет соответствия в русском ни в одном из языковых аспектов: ни в морфологическом (структурном), ни в семантическом (содержательном), ни в коннотативном (стилистическом).

Поступила в редколлегию 28.08.85

О. И. ДЕНИСОВ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕННЫХ ФРАЗ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Материалом данного исследования послужило изучение многокомпонентных препозитивных атрибутивных словосочетаний (именных фраз) в 12-ти романах английских и американских писателей XX в.: G. Greene: «The Quiet American» (I), «The Comedians» (II); W. S. Maugham: «The Painted Veil» (III), «The Moon and Sixpence» (IV); I. Murdoch: «The Black Prince» (V), «The Nice and the Good» (VI); I. Shaw: «The Troubled Air» (VII), «Two Weeks in Another Town» (VIII); E. Hemingway: «To Have and to Have not» (IX), «Across the River and into the Trees» (X); F. Scott Fitzgerald: «The Great Gatsby» (XI), «Tender Is the Night» (XII).

В задачи исследования входило определить основные структуры и объем именных фраз, а также проследить некоторые тенденции их употребления в художественном тексте в плане использования как одного из способов передачи эмоционального воздействия на читающего.

В табл. 1 приведены широко представленные (не менее чем в 9-ти произведениях) структурные типы именных фраз с указанием частотности их употребления. В зависимости от наличия/отсутствия запятых и союзов именные фразы подразделяются на

Таблица 1

	AAN	AAAN	DAN	ADAN	DAAN	AAAAAN	A,AN	A,A,AN	A and AN	A and AAN	AA and AN	A,AAAN	AA,A,AN	A or AN
I	299	30	38	1	5	2	3	3	14		3			1
II	529	63	118	3	20	8		1	21					4
III	303	21	80	2	6	2	112	2	51		12	2	14	17
IV	286	15	99	1	1		50	4	19		1	1	4	15
V	1068	180	212	38	37	38	4	1	61	15	12		1	10
VI	963	176	138	41	26	16	4	4	48	6	13	1		4
VII	464	70	42	5	12	11	206	51	52	4	7	21	19	2
VIII	749	109	27	6	8	7	156	47	44	3	4	15	5	4
IX	261	41	23	1	3	2	14	7	4	1	1	2	1	1
X	426	60	88	13	13	1	39	10	15	4	3	3	2	6
XI	339	28	41	7	3	3	83	3	14	1	1	6	7	5
XII	689	64	65	8	20	4	52	10	30	4	4	9	1	3

«слитные» и «неслитные». Всего отмечено 29 «слитных» структур и 146 «неслитных». На не указанные в табл. 1 23 структурных типа «слитных» и 138 типов «неслитных» именных фраз приходится 104 и 346 случаев употребления. Среди «слитных» именных фраз зафиксировано по одному примеру структур AAAAAAN и AAAAAAAN. Среди «неслитных» препозитивных атрибутивных словосочетаний мы насчитали 9 шестикомпонентных (9 структурных типов), а самой объемной оказалась следующая фраза: «...a very young, very undereducated, very inexperienced, and in many ways very silly girl» («The Black Prince»).

Как известно, в основе художественно-беллетристического стиля лежит функция воздействия, которая характеризуется тем, что говорящий/пишущий не ограничивается просто сообщением интеллективного содержания или собственно «информацией», а стремится так представить сообщаемое, так выбрать и соединить между собой слова, чтобы у слушателя или читателя возникли определенные эмоции, определенное оценочное отношение к сообщаемому. Обратимся к табл. 2, в которой показано количество типов структур именных фраз, используемых в анализируемых романах (в скобках приводятся данные по диалогической речи).

Таблица 2

	I	II	III	VI	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
„Слитные“ ИФ	11 (6)	9 (7)	8 (7)	9 (3)	16 (8)	17 (10)	11 (10)	9 (8)	9 (8)	12 (11)	9 (6)	8 (7)
„Неслитные“ ИФ	11 (1)	6 (1)	30 (8)	21 (7)	48 (11)	32 (3)	35 (14)	32 (10)	23 (2)	44 (17)	19 (8)	32 (10)

Анализ осуществляется исходя из предположения о том, что наличие/отсутствие большого разнообразия структурных типов именных фраз в той или иной степени способствует созданию

особой «эмоциональной картины» каждого романа. Например, роман «Комедианты» больше в полтора раза по объему, чем «Тихий американец», однако количество типов «слитных» и «неслитных» фраз в нем меньше, причем вторых — в два раза. Аналогичное явление можно проследить и в романах С. Мозма (см. табл. 1 и 2). Нетрудно заметить, что объемные и «редкие» именные фразы появляются, как правило, при описании переживаний героя и его восприятия различных событий в крайне эмоциональном состоянии.

Среди других способов воздействия на читающего отмечаются случаи перевода именных фраз из разряда «слитных» в разряд «неслитных» и наоборот, а также перестановки атрибутов и частичного изменения структуры многокомпонентного словосочетания: «...he moved a *broad flat* hand...» («The Great Gatsby», p. 11); «He put out his *broad, flat* hand...» (ibid., p. 16); «...you walk as well as a wolf, or an *old, big* coyote...» «I'm not sure I wish to be an *old big* coyote» («Across the River and into the Trees», p. 221); «She is your *last and true and only* love» («Across the River and into the Trees», p. 68); «My *last and only and true* love» (ibid., p. 75), «...My *best and last and only and one true* love» (ibid., p. 87).

Обратимся теперь к диалогической речи. Анализ показывает, что самыми распространенными в речи персонажей являются «слитные» именные фразы структур AAN, AAAN, DAN, ADAN, DAAN (более 98 % отмеченных примеров). Наиболее употребляемыми «неслитными» структурами являются A, AN, A and AN, A or AN (более 67 %). Здесь можно также говорить и о резком снижении разнообразия «неслитных» именных фраз, которое происходит за счет отсутствия многих типов атрибутивных словосочетаний большого объема. Наиболее объемные именные фразы характерны только для речи персонажей, находящихся в чрезвычайно эмоциональном состоянии и практически исключительно в тех произведениях, где отмечается наибольшее количество случаев употребления объемных и разнотипных именных фраз в тексте авторского описания. Иными словами, такие фразы используются в диалогической речи, хотя, разумеется, и в меньшей степени, чем в авторском описании, для создания общей картины эмоционального воздействия. Поэтому речь персонажей художественных произведений в плане разнообразия структур именных фраз, очевидно, превосходит неподготовленную устную речь. По крайней мере, в трех британских пособиях, в которых приводятся тексты спонтанных диалогов и рассказов (Viewpoints, What a Story! Advanced Conversational English), представлены 12 типов «слитных» и 24 типа «неслитных» именных фраз. Соответствующие цифры для речи персонажей анализируемых романов — 18 и 41.

Итак, наиболее распространенными в стиле художественной прозы являются двух- и трехкомпонентные именные фразы. Использование большого числа именных фраз (в том числе боль-

шого объема) характерно при описании хаотичности восприятия событий и внутренних переживаний героев. Прямая зависимость наличия/отсутствия разнотипных и объемных именных фраз в диалогической речи — от наличия/отсутствия подобных словосочетаний в тексте авторского описания. Число именных фраз, разнообразие и варьирование типов их структур зависит от индивидуального стиля пишущего и мотивировано его целевой установкой.

Поступила в редколлегию 30.06.86

П. В. ДЖАНДОЕВА

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ДЛИНЫ ТЕРМИНА, ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЧАСТОТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ЧИСЛА ЕГО ЗНАЧЕНИЙ

Известно, что связь, существующая между длиной слова и частотностью его употребления, впервые была замечена зарубежными лингвистами А. Мартине и Ж. Ципфом. Так, А. Мартине отметил, что «часто встречающиеся слова будут, в среднем, более короткими, чем редкие слова» [1]. Исследуя зависимость между числом морфем в слове и числом его значений, Ж. Ципф установил, что с увеличением длины слова уменьшается число его значений [2].

Зависимость между числом слогов в слове, частотностью его употребления и семантикой исследовал И. С. Тышлер на материале английской общеупотребительной лексики [3].

Наличие «Частотного французско-русского словаря-минимума по электронике» [4] позволяет исследовать зависимость на материале французской терминологической лексики. Это позволит установить, имеют ли место отмеченные явления только лишь в процессе развития общелитературного языка или же они наблюдаются при становлении и развитии конкретных терминологических систем?

Для выявления связи между длиной термина и числом его значений представим исследуемый массив полисемантических однословных терминов-существительных общим объемом в 662 единицы, отобранных методом сплошной выборки из частотного словаря по электронике, с точки зрения их слоговой структуры. В результате подсчета было установлено, что максимальное число полисемантических терминов приходится на долю двусложных (22,5 % от указанного числа), минимальное — на долю шестисложных (0,9 %) и семисложных (0,2 %). В сумме односложные и двусложные полисемантические термины составляют более половины всего исследуемого массива терминов (381 единица, или 57,5 %). Таким образом, подтверждается обратная зависимость между числом слогов в структуре термина и вероятностью полисемии: у пятисложных, например, полисемия в 7, а у шестисложных — в 39 раз меньше, чем у двусложных терминов.

Для установления зависимости между фактором частотности употребления термина и его семантикой проанализируем распределение исследуемого массива терминов в порядке убывания частоты их употребления. Из выделенных для исследования 662 полисемантических однословных терминов-существительных 347 единиц (т. е. 52 % исследуемого массива) входит в первую тысячу слов «высокочастотной зоны»*, составляющей менее 1/3 части всего словарного состава. Это свидетельствует о зависимости полисемии термина от частотности его употребления: чем частотнее термин, тем больше вероятность развития его многозначности.

Разобьем первую «высокочастотную» тысячу слов на 5 рангов по 200 слов в каждом. В результате подсчета было установлено, что с уменьшением частотности употребления удельный вес односложных и двусложных слов падает соответственно с 45 и 75 единиц в первом ранге до 28 и 59 единиц в последнем пятом ранге, т. е. уменьшается соответственно в 1,6 раза для односложных и в 1,3 раза для двусложных слов. Количество трехсложных единиц возрастает с 46 в первом ранге до 66 единиц в последнем, т. е. в 1,4 раза. В равной степени это относится и к 4-х и 5-тигласным словам, так как их число соответственно возрастает в 1,3 и 1,4 раза. Кроме того, в основном в двух последних рангах появляются 6- и 7-сложные слова, полностью отсутствующие в первом ранге. Из этого следует, что наиболее частотные термины являются более короткими, чем редко употребляемые.

Сравним общее число значений исследуемых полисемантических однословных терминов-существительных, вошедших в первый ранг «высокочастотной» зоны, с общим числом значений подобных терминов, вошедших в пятый ранг. В первый ранг вошло 65 полисемантических терминов с общим числом значений 193. В пятом ранге содержится 43 полисемантических термина с общим числом значений 116, т. е. в $193:116=1,7$ раза меньше. Таким образом, можно заключить, что термины с наибольшей частотностью употребления обладают наибольшим числом значений.

Наличие частотного словаря по электронике позволяет, кроме того, выявить приемлемость формулы Ж. Ципфа, посредством которой он сформулировал закон соотношения относительной частоты употребления слова и числа его значений, к французской терминологической лексике. Закон Ципфа выражается формулой $M=\sqrt{F}$ [5], где M — число значений полисемантического слова и F — относительная частота встречаемости слова. Известно, что в лексической статистике термины «частота» и «относительная частота» обозначают разные понятия. Термин «частота» обозначает определенное число встречаемости слова в выборке определенной длины. Термин «относительная частота» обозначает отношение числа встречаемости слова к общему числу словоупотреблений в выборке. Например, если согласно частотному словарю

* Термины «высокочастотная» и «частотная» зоны и методика исследования заимствованы у И. С. Тышлера (см. цит. работу).

частота употребления термина $tri(m)$ в выборке объемом в 200 000 словоупотреблений равна 3, то относительная частота употребления в данной выборке составляет 0,000015 (15 в пересчете на 200 000 · 10⁶).

Анализ исследования показал, что закономерность, выведенная Ж. Ципфом на материале английского общелитературного языка, неприемлема для французской терминологической лексики, так как она подтверждается лишь на незначительном числе полисемантических терминов, что не дает оснований для обобщения. Однако в процессе подсчета было установлено, что средняя относительная частота употребления французских полисемантических терминов-существительных, имеющих от двух до шести значений, колеблется в пределах от 105 до 118 и является величиной практически постоянной, что подтверждается данными, приведенными ниже.

Количество значений полисемантических терминов M	Количество терминов с данным числом значений n	Суммарная абсолютная частота употребления термина (20 на 200000 слов) $\Sigma F_{абс}$	Суммарная относительная частота употребления терминов		Средняя относительная частота употребления терминов	
			на 200000 слов $\Sigma F_{абс} = \frac{\Sigma F_{абс}}{200000}$	на 1000000 слов $\Sigma F_{отн} = \frac{\Sigma F_{абс}}{1000000}$	$F_{отн}^{ср} = \frac{\Sigma F_{отн}}{n}$	$\sqrt{F_{отн}^{ср}}$
2	315	6634	0,03317	33170	105,3	10,26
3	201	4580	0,0229	22900	113,93	10,67
4	60	1358	0,00679	6790	13,17	10,63
5	23	551	0,002755	2755	113,78	10,66
6	5	118	0,000592	592	118,4	10,88

В таблице дан количественный анализ соотношения относительной частоты употребления полисемантических терминов и количества их значений.

Отсутствие подобных исследований на материале других терминологических систем не позволяет судить о том, насколько выявленная закономерность носит общий характер для французских полисемантических терминов в целом.

Список литературы: 1. Мартин А. Основы общей лингвистики//Новое в лингвистике, 3. М., 1963. 120 с. 2. Zipf G. K. The Psycho-Biology of Language. Cambridge (Mass), 1965. 123 p. 3. Тышлер И. С. О количестве слогов в слове, его частотности и семантике//Уч. зап. Башкир. ун-та, серия филол. наук. 1964. Вып. XXI, № 9. С. 211—216. 4. Кочеткова В. К. Частотный французско-русский словарь-минимум по электронике. М., 1975. 158 с. 5. Dubois I. Dictionnaire de linguistique. Paris, 1980. 516 p.

Поступила в редколлегию 30.09.86

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ
В ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВАХ СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

До недавнего времени сложные синтаксические конструкции (ССК) изучались изолированно от контекста, что лишало исследователя возможности дать всесторонний анализ данных построений. Кроме того, обращалось внимание лишь на их синтаксическую структуру, в то время как их семантические отношения практически не подвергались специальному анализу.

Предлагаемая статья посвящена исследованию некоторых специфических особенностей ССК — сложносочиненных предложений (ССП) и присоединительных конструкций (ПК) в рамках диалогических единств (ДЕ).

Следует отметить, что присоединительные и сочинительные связи существуют объективно и выполняют в языке определенные функции. ССК представляют собой форму компонентов ДЕ, так как характерны для разговорной речи. Они могут быть синонимичными, но не полностью тождественными друг другу: каждая из них выполняет в тексте определенную прагматическую задачу. Например, не всегда можно заменить точку, отделяющую присоединяемую часть от основного предложения запятой, такая замена приведет к тому, что ПК превратится в лишнее смысла сочетание предложений, связанных исключительно формально:

— The Christian Scientists let their patients cure themselves.

Why don't you?

— I do. But I help them. (B. Shaw)

Связь между двумя сочиненными компонентами более тесная, чем между основным предложением и ПК, которая может относиться не непосредственно к ней, а к более отдаленному отрезку ДЕ:

— You must not mind what a sick person says, madam. You had better go to bed and leave the patient to me.

You are worn out.

— I know I am: «I am ready to drop. How sympathetic of you to notice it. But how can I leave her at such a moment». (B. Shaw)

В данном примере основное предложение «You had better...» и ПК расположены дистантно. Логическая смысловая связь между предыдущим высказыванием («How sympathetic of you...») и ПК отсутствует, так как восклицание героини (ПК) относится ко второму предложению ДЕ. Более того, ПК звучит здесь более выразительно и убедительно, она появляется неожиданно и не «предусмотрена» структурой основного предложения. Отдельность ПК позволяет сделать мысленный скачок, сопоставляя ее содержание не столько с соответственным содержанием предыдущего

предложения, сколько с логическим следствием из этого предложения.

Часто в рамках ССП трудно отграничить предложения однородного состава от предложений неоднородного состава с причинно-следственной связью:

- My real name is Hector Hushabye. I have been away for nearly a month and I had no idea you knew my wife, or that you were coming here. I am none the less delighted to find you in our littlehouse.
- I don't know what to do. Do leave me, i can bear it. (B. Shaw).

Предложение «I have been away...» может быть интерпретировано и как конструкция однородного состава («Меня не было около месяца, и я представить не мог, что вы знаете мою жену»), и как предложение с причинно-следственной связью («Меня не было около месяца, и *поэтому* я не знал, что вы знакомы с моей женой и собираетесь сюда приехать»). Таких примеров немало. И здесь адекватное понимание смысла структуры дает только контекст. Это еще одно из подтверждений того, почему так важно изучать языковые единицы в рамках текста. Иная картина наблюдается в текстовом фрагменте, содержащем ПК. Возьмем то же ССП и трансформируем его в две ПК:

«I have been away for nearly a month. And I had no idea you knew my wife. Or that you were coming here».

Во-первых, сразу меняется смысл. У мужа постепенно закрадывается подозрение о неверности жены. Во-вторых, причинно-следственные отношения уже отсутствуют, т. е. за счет другой коммуникативной установки неоднозначность семантико-синтаксических отношений снимается. Этот факт также свидетельствует о невозможности полного отождествления ССП и ПК. Каждая из этих конструкций является средством выражения *прагматической установки автора*. Следует указать на более «разговорную» природу ПК по сравнению с ССП. ПК выступает как одно из средств передачи колорита живой речи с ее нюансами и разнообразными интонациями. Возьмем еще пример:

- Can you guess what Sweetie said to me as she gazed at the soft majesty of the mountains and bathed her soul in the beauty of the sunset?
- Yes, she said: «Popsy, we must pinch that necklace»
- Exactly, word for word. But how can you guess what I said? (B. Shaw):

В предпоследней реплике «Точно. Слово в слово» звучит растерянность, недоумение, даже недоверие к тому, что было сказано ранее. И вдруг, неожиданный всплеск в виде эмфатического вопроса, выражающего крайнее изумление: «Но как же вы догадались, что я сказал?» Здесь ПК служит средством усиления значения. Думается, что ССП не может выразить такое многообразие красок, интонаций, широкий диапазон чувств и эмоций. Можно превратить последнюю реплику примера в ССП:

— Exactly, word for word but how can you guess what I said?

Здесь вторая часть выражает простое любопытство и несет скорее информативную нагрузку, чем эмфатическую. Здесь меньше чувства, больше логики в вопросе. И в первой части предложения нет уже растерянности и недоумения. Это скорее уже констатация факта, резюме того, что произошло. Смене значения способствует и отсутствие длительной паузы между частями ССП.

Формальным показателем данных конструкций являются союзы, которые «связывают компоненты предложения, выражая отношения. Выражая отношения, они одновременно подчеркивают, активизируют то сходные, то несходные стороны содержания одного и другого компонента»*. Мы относим союзы в сложных синтаксических конструкциях к своеобразным средствам связи компонентов текста. При этом следует отметить принципиальное различие между сочинительной и присоединительной связью: сочинительная связь соединяет части сложного предложения, а присоединительная — предложения друг с другом. Частота употребления одного и того же союза в ПК и ССП различна:

ССП, %	ПК, %
but — 26	but — 54
and — 67	and — 43
so — 5	so — 2
or — 2	or — 1

Мотивацию этого явления в тексте, очевидно, следует искать в семантике союзов и в различии коммуникативных функций ССП и ПК. В группе ПК союз *but* является наиболее употребительным, его частотность выше по сравнению с употреблением этого союза в группе ССП. Союз *and* чаще встречается в ССП, реже — в ПК. Это, вероятно, связано с тем, что ПК является носителем модальности — она выражает личное отношение говорящего к сказанному им ранее, его субъективно-эмоциональную оценку происходящих событий.

В ходе исследования была также выделена группа общих и некоторых специфических значений в ПК и ССП неоднородного состава. К общим значениям, встречающимся у ССП и ПК, относятся значения дополнения, уточнения, пояснения, вывода, заключения и возражения. Причем примерно одинаковое количество ССП и ПК выражают значение простого, не окрашенного эмоционально добавления и значения вывода, которое передает логическую связь с предыдущим высказыванием. В группах значений пояснения и возражения наблюдаются существенные количественные различия. Они являются, на наш взгляд, следствием качественных несоответствий между ССП и ПК. В рамках значений

* Холодов Н. Н. Проблема отношений аналогичности и неаналогичности в синтаксисе // Вопр. языкознания. 1985. № 5. С. 48—57.

пояснения, например, ПК имеет ярко выраженный аффективный характер, особенно в вопросительных и восклицательных формах. ПК вводит новую (рематичную) информацию, логически связанную с предыдущим контекстом, мысль, зачастую высказанную неожиданным ее поворотом в поисках убедительности своего высказывания.

Мы постарались выяснить, в какой мере ССП и ПК могут определять границы ДЕ, компоненты которого, как известно, занимают три позиции: начальную (н), срединную (с), конечную (к). ССП чаще занимает срединную позицию (40 %), однако нередко может и начинать ДЕ (35 %). ПК же обычно заключает ДЕ (89 %). Следовательно, можно заключить, что ПК занимает более устойчивую, чем ССП, позицию в рамках ДЕ, и местоположение этой конструкции может служить ориентиром в определении границ ДЕ.

Таким образом, возможности для изучения данных ССК в сопоставлении и главное — в тексте позволяет открыть их новые признаки и способствует более полному и глубокому их описанию.

Поступила в редколлегию 26.09.86

А. И. ДОРОДНЫХ, канд. филол. наук

О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ ТЕКСТОМ И ДИАЛОГОМ

Речевое поведение в любом процессе коммуникации определяется в основном следующими факторами: 1) говорящий или пишущий; 2) слушатель или читатель; 3) знаковая система языка; 4) предмет сообщения; 5) форма сообщения (устная или письменная); 6) способ общения (монолог или диалог); 7) ситуация общения (общественная среда и особые окружающие обстоятельства) [1, с. 287].

Поиск общих закономерностей, проявляющихся во всех формах коммуникации, является теоретически оправданным. Чрезмерное увлечение обобщениями может привести к нивелированию различий между письменной и устной формами речи. Терминами «текст» и «дискурс» большинство исследователей обозначают любое крупное законченное речевое произведение. Более того, разновидностью текста называют и диалог [2, с. 5—6].

Преодолев некоторые трудности, можно зафиксировать отрезки устной речи в письменном виде. Однако «бумага бессильна передать самый спектакль, игру, тембр голоса, манеру произношения, мимику, жесты, а главное — интонации» [3, с. 21]. Таким образом, при полной передаче пропозиционального компонента большая часть прагматического смысла высказываний будет утеряна. Кроме того, в лексике и синтаксисе устной и письменной речи также обнаруживаются значительные расхождения. В качестве свидетельства можно привести данные Е. А. Земской и ее соавторов [4, с. 37]: «...все владеющие разговорной речью используют своеобразные разговорные единицы и формы речи... написанные

на бумаге, зафиксированные в непривычной письменной форме эти единицы и формы вызывают удивление, а иногда возмущение» тех же информантов, в речи которых они были зафиксированы. Экспериментальные данные по английскому языку также свидетельствуют о различиях между письменной и устной речью [5].

Письменная и устная формы реализации языка могут быть представлены в виде пересекающихся множеств с полевой организацией их компонентов, что объясняет полярные отношения между ядрами данных полей (ср. официально-деловой стиль письменной речи и бытовую разговорную речь) и чрезвычайную близость периферийных участков (ср., неофициальную переписку, сближающуюся по своим лексико-семантическим характеристикам с устной и даже разговорной речью, и публичное устное выступление, которое зачастую готовится заранее, в письменной форме).

Определяющим фактором, отличающим устную речь от письменной, является непосредственность общения. Благодаря непосредственности контакта коммуниканты способны подвергнуть проверке адекватность формы выражения содержанию сообщения (адресант) и правильность интерпретации пропозиционального и прагматического содержания высказывания (адресат). Кроме того, коммуниканты имеют возможность менять речевую тактику соответственно реакциям партнера.

Автор текста как явления письменной речи обычно ориентируется не на отдельного индивида и даже не на определенную социальную группу, а на широкую читающую публику, поэтому вынужден делать свою речь по возможности более эксплицитной. Но и тогда полная адекватность интерпретации текста (особенно в художественной литературе) не всегда возможна, потому что «читатель, как правило, обладает другим умственным горизонтом и другим тезаурусом знаний, чем автор, и часто недопонимает текст или вкладывает в него измененное содержание. Чем дальше историческая дистанция, тем больше такое непонимание или переистолкование текста» [6, с. 67].

Устная речь, особенно ее разговорная разновидность, — ситуативна, т. е. использует дополнительный внешнелингвистический контекст, а это так же, как и непосредственность общения, обуславливает ее эллиптичность, имплицитность. Высказывается даже мнение, что употребление «полных» форм в разговорной речи следует считать противоречащим «норме» [7, с. 98]. Но ограничиться этим утверждением нельзя, ибо употребление полных и эллиптических форм выполняет и определенные стилистико-прагматические функции: 1) в официальных ситуациях непосредственного общения доля полных форм возрастает, так как они воспринимаются как более вежливые по сравнению с эллиптическими [8, с. 341]; 2) в неофициальных ситуациях общения полные формы воспринимаются как сигнал отчуждения [9, с. 75].

Интонация также может быть названа как признак, дифференцирующий письменную и устную речь. Применительно к предложениям в тексте об интонации можно говорить лишь условно,

поскольку она придается предложению не автором текста, а читателем, поэтому интонация в значительной степени предопределяется синтаксической организацией предложения, что, однако, не исключает вариативности ее воспроизведения. В устной же речи структурно-синтаксический компонент высказывания зачастую нейтрализуется просодическими средствами. Например, повествовательное по структуре предложение может с помощью интонации превратиться в вопрос, вопросительное предложение — в побудительное высказывание и т. д.

Некоторые лингвисты, справедливо отмечая, что роль порядка слов как выразителя актуального членения в устной речи заметно падает, считают, что рема в устной речи выделяется логическим ударением [3, с. 146]. Представляется, однако, что функцию логического ударения следует связывать не с обозначением ремы, а главным образом с выделением информационного фокуса [10, с. 171—175], что, по-видимому, не одно и то же. Как показывает эксперимент с англоязычными информантами, в разных ситуациях в одном и том же предложении в качестве информационного фокуса может выступать практически любой его элемент:

Ср.: *I didn't take your pen.*

I didn't take your pen.

I didn't take your pen.

I did not take your pen.

Наиболее типичным видом устного общения является диалог, но и он, как уже упоминалось, часто рассматривается как текст, хотя и отмечается, что диалог состоит из реплик, принадлежащих разным авторам. Между тем этот факт позволяет еще раз подчеркнуть различие между диалогом и текстом как явлением письменной речи. Текст творит один автор, а если даже и несколько, то они выступают в роли одного коммуникатора. Диалог — это результат речевого взаимодействия двух коммуникантов, причем каждый преследует свою цель и строит речевую тактику в соответствии с этой целью, хотя оба, конечно, вынуждены следовать известным правилам, регулирующим процесс общения. Наличие двух коммуникантов влияет и на структурно-семантические связи между высказываниями, хотя в общем в этой сфере между текстом и диалогом различий меньше. Например, в диалоге идентичные личные местоимения в смежных репликах-высказываниях коммуникантов соотносятся с разными референтами:

A. *You didn't take any apples.*

B. *You didn't either.*

И, наоборот, один референт может обозначаться разными местоимениями:

A. *You didn't take any apples.*

B. *I knew they were rotten* [11, с. 3—4].

В тексте и даже монологе такие вариации недопустимы.

Успешность коммуникации, осуществляемой в виде диалога, зависит не только от «текстуальных» связей между высказываниями коммуникантов. Высказывания в диалоге содержат управляю-

щие речевые действия, регулирующие смену говорящего, введение новой темы, а также направленные на проверку эффективности речевого взаимодействия. Все они носят явно метакоммуникативный характер [2, с. 84], отсутствуют в монологической устной речи и невозможны в тексте как феномене письменной речи [12, с. 207].

Примечательно, что при изучении диалогической речи в советской англистике интеракционному характеру диалогической речи почти не уделялось внимания, за исключением, пожалуй, работы Л. В. Правиковой [13]. Например, при классификации диалогических единств выделяют такие типы, как диалог-повествование, диалог-извещение, диалог-побуждение, правда с той оговоркой, что рассматриваются диалогические единства с односторонней организацией [14]. Нетрудно убедиться, что такой подход опять-таки объясняется стремлением рассматривать диалог как разновидность текста.

Рассмотрим «диалог-побуждение». Во многих случаях побудительное высказывание как успешное речевое действие сопровождается невербальной ответной реакцией, и тогда диалога, собственно, нет. Вербальная же ответная реакция сигнализирует о пропозициональной или прагматической неадекватности побудительного высказывания, и диалог, таким образом, является не диалогом-побуждением, а примером несостоявшегося побуждения.

Исследования англоязычной диалогической речи проводятся в основном на материале диалога в художественной литературе. Бесспорно, что современные писатели и драматурги довольно точно отражают особенности устной и даже разговорной речи в своих произведениях, но полного тождества здесь быть не может, потому что это — незвучащая речь. Кроме того, диалог в художественном произведении отражает не только интенции коммуникантов, но и, в конечном счете, интенцию автора.

Сравнение художественного диалога и магнитных записей диалогической речи позволило сделать такие наблюдения. В репрезентированном художественном диалоге смена реплик носит упорядоченный характер, в реальном же диалоге наблюдается следующая закономерность: если диалог протекает в официальной обстановке, то реплика одного собеседника, как правило, не вклинивается в реплику другого (возможны, правда, шумы типа «Мм», «Мhm», «Yes», выполняющие контактную функцию); в непринужденном общении возможны перебивы, вклинивание одной реплики в другую, а в полилоге реплики нескольких участников могут звучать одновременно.

Анализ реальной диалогической речи не должен сводиться к анализу структурно-семантических связей между высказываниями в репликах, так как подобный анализ не выявляет особенностей, отличающих диалог от текста. Описание диалога должно основываться на интеракционных моделях типа модели Синклера—Култарда [15]. В отличие от этих авторов, такие понятия, как «акт» (действие), «ход», «обмен», «транзакция», следует не

изолировать от языковых форм, а наоборот, интегрировать языковые формы в модель речевого взаимодействия, поясняющую стратегию и тактику ведения диалога.

Список литературы: 1. *Михель Г.* Основы теории стиля//Новое в заруб. лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика. М., 1983. С. 271—279. 2. *Девкин В. Д.* Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М., 1981. С. 30—37. 3. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 27—40. 4. *Русская разговорная речь*/Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973. С. 55—82. 5. *Flint E. H.* A comparison of spoken and written English. Capberga, 1970. P. 161—187. 6. *Адмони П. Г.* Грамматика и текст//Вопр. языкознания. 1985. № 1. С. 63—70. 7. *Вейхман Г. А.* К вопросу о синтаксических единицах//Вопр. языкознания. 1961. № 2. С. 97—105. 8. *Tyler S. A.* The Said and Unsaid. N. Y., 1978. P. 11—18. 9. *Donnel W. R., Todd L.* Variety in Contemporary English. London, 1980. P. 50—80. 10. *Leech G., Svartvik J.* A communicative grammar of English. London, 1975. P. 32—39. 11. *Fillmore C. J.* A grammarian looks to sociolinguistics//Sociolinguistic aspects of language learning and teaching. Oxford, 1981. P. 2—17. 12. *Ringle M. H., Bruce B. C.* Conversation failure//Strategies for natural language processing. London, 1982. P. 203—221. 13. *Правикова Л. В.* Прагматические свойства глаголов коммуникативной деятельности современного языка в актуальной и репрезентной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1985. 24 с. 14. *Поляков С. М.* Сложное диалогическое единство с односторонней организацией: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 77 с. 15. *Sinclair J. McH., Coulthard R. M.* Towards an analysis of discourse. The English used by teachers and pupils. London, 1975. P. 77—87.

Поступила в редколлегию 01.01.86

Г. В. ЕЙГЕР, канд. филол. наук

О СТРУКТУРЕ ОЦЕНОЧНО-РЕГУЛЯТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обобщая психологические исследования деятельности в отечественной психологии, И. А. Зимняя подчеркивает трехфазность или трехуровневость любой деятельности. Первый уровень — мотивационно-побудительный характеризуется сложным взаимодействием потребностей, мотивов и цели действия, его будущего результата. Мотив деятельности входит во внутреннюю структуру деятельности, определяя и направляя ее. Вторую фазу деятельности составляет ее ориентировочно-исследовательская (аналитико-синтетическая) часть, которая предполагает выбор и организацию средств и способов осуществления деятельности. Третья фаза всякой деятельности — исполнительная, реализующая [1, с. 45—47].

Оценочно-регулятивная деятельность является сложным психическим процессом, который непосредственно проявляется только в метакоммуникативных высказываниях. Ниже рассматриваются особенности первых двух фаз этой деятельности на основе анализа ортологических вопросов.

За период 1957—1958 гг. в «Шпрахпфлеге» было опубликовано около 2000 вопросов читателей. После исключения вопросов, связанных с проблемами орфографии, стилистики, происхождения

слов и др. было отобрано для анализа 970 вопросов. Из них примерно 70 % составляют вопросы о значении и употреблении отдельных лексических единиц и (значительно реже) устойчивых словосочетаний. Такое соотношение между лексическими и грамматическими трудностями объясняется следующими причинами. Грамматические правила в отличие от правил лексической сочетаемости в значительной мере кодифицированы, более просты, медленнее изменяются, им уделяется больше внимания в школьном обучении. Кроме того, лексические ошибки больше сказываются на эффективности коммуникации*

Языковой материал, которым оперируют читатели, взят преимущественно из газет, реже содержатся ссылки на художественную литературу, радио- и телепередачи; фигурируют также случаи из собственной практики авторов в устной или письменной коммуникации.

1. Цели и мотивы вопросов.

Выделяются следующие цели:

А) Установление правильности (неправильности) употребления данной структуры в формальном или семантическом плане, например: «In einer Zeitungsnotiz wurde die Fügung «zum 80. Jubiläum» verwendet. Ist diese Fügung korrekt?»**

Здесь содержится лишь вопрос о нормативности структуры читатель не предлагает свой вариант и не противопоставляет другой, известный ему. Нередки, однако, случаи, когда в вопросах имплицитно или эксплицитно содержится противопоставление: «Sagt man in gutem Deutsch «er kaufte eine Tüte gebrannter Mandeln oder»... eine Tüte gebrannter Mandeln?» Особенно часто приводятся варианты, если их несколько; «Wie muss es heißen: a) Nach des bekannten Professor Müllers Meinung...».

b) Nach des bekannten Professors Müller Meinung...

c) Nach des bekannten Professors Mullers Meinung...

«Wie lautet die Mehrzahl von Forum» — Fora, Forums oder Form?»

Интересно отметить, что авторы писем обычно отмечают в предложении одно, по их мнению, сомнительное звено; наличие других ошибок не замечается: «In Todesanzeigen schreiben die Einsender neben «Wir werden sein Andenken in Ehren halten» auch «sein Gedenken». Was ist richtig?»

Здесь правильно «das Andenken an ihn», поскольку *sein* соотносится с понятием *Verstorbener*.

* Эти данные интересно сопоставить с данными, полученными Г. Аугстом, который провел большое экспериментальное исследование метакоммуникации между детьми и взрослыми. Он установил, в частности, что больше всего вопросов дети задают относительно семантики, прагматики и мотивированности словообразовательной структуры; автор считает, что овладение семантикой и словарем в целом через метакоммуникацию — самый прямой и успешный путь. Остальным ребенок овладевает имплицитно — через абстрагирование правил [2, с. 328—339].

** Все приводимые примеры взяты из журнала «Sprachpflege» за 1957—1982 гг.

Б) Цель вопроса — установить отношения синонимичности или вариантности «Sagt man «Der Kecks schmeckt *widerwärtig*» oder «Der Kecks schmeckt *widerlich*?». Kann man auch sagen «Der Kecks schmeckt *widerwillig*?». «Besteht zwischen den Zeitwörtern «verschönen» und «verschönern» ein Bedeutungsunterschied? Wenn ja, welcher? Man muss schreiben «Ein Buch verschönt den Urlaub» oder «Ein Buch verschönert den Urlaub?»».

В последнем примере содержится не только вопрос о сходстве или различии, но и приводятся два противоположных предложения. Приведение этих иллюстраций представляется избыточным: для получения достаточной информации сам вопрос содержит необходимые сведения. По-видимому, при возникновении сомнений вообще требуется повторение или противопоставление конструкций, чтобы попытаться самому ответить на вопрос.

Рассмотрим теперь мотивы читателей, посылающих вопросы в Sprachpflege.

Поскольку эти мотивы связаны с познавательной деятельностью, то можно использовать классификацию видов мотивации познавательной деятельности [3, с. 35], разработанную психологами Ю. Н. Кулюткиным и Г. С. Сухобской:

Потребности, удовлетворяемые на основе познава- тельной деятельности	Характер мотивации	
	непосредственный	опосредственный
Специфические (потребность в информации)	Эпистемическая любознательность, интерес к новому, ориентировочная активность	Использование информации для решения практических задач
Неспецифические (потребность в достижении личностью результатов определенного уровня и качества)	Проявление творческих сил и способностей, выражение себя при самостоятельном поиске решения	Самоутверждение в глазах окружающих, признание, честолюбие, престиж и т. п.

В вопросах потребность в ценностно-ориентационной (нормативной) языковой информации объективирована в качестве специфической, отвечающей необходимости консолидации общества едиными идеалами, оценками, нормами*. Отсюда следует, что мотивация носит в данном случае опосредственный характер. Однако полностью исключить во всех случаях эпистемическую любознательность было бы неверным. Надо также учесть, что у читателя может быть потребность в достижении определенного уровня языковых знаний и навыков (или просто потребность в постоянном их совершенствовании). Они могут стремиться к самоутверждению в глазах окружающих. Любопытен следующий пример:

* О роли ценностно-ориентационной функции в структуре культуры [4, с. 234—236].

«In einer Stadt fand ich den Strassennamen «Karl-Marx-Stadt-Strasse». In derselben Stadt ... las ich ein anderes Strassenschild mit der Aufschrift «Annaberger Strasse». Da stimmt doch etwas nicht. Entweder muss es Karl-Marx-Städter-Strasse oder Annabergerstrasse heissen. Wenn einer der beiden Fügungsweisen falsch ist, so würde mich weiter die Frage interessieren, wer für Strassennamen verantwortlich ist und wer bei falschen Formulierungen dafür sorgt, dass sie durch richtige ersetzt werden». Здесь автор вопроса обнаруживает надситуативную активность — активность, избыточную по отношению к исходной деятельности. «Субъект как бы выходит за рамки исходной ситуации, действует «поверх барьеров» [5, с. 71].

Рассмотрим еще один пример: «Warum heisst es «der Staatssäckel?» In der Umgangssprache sagt man doch meist «das Staatssäckel». Ist das Neutrum auch richtig? Wenn nein, wie lässt sich der männliche Artikel begründen?». Здесь читатель не будет удовлетворен простой констатацией правильности одной из форм, он хочет получить также мотивировку, т. е. проявляет эпистемическую любознательность.

Наиболее полно непосредственный характер мотивации проявляется в письмах читателей, не требующих ответа (рубрика «Die Meinung des Lesers»). В этих письмах читатели полемизируют с некоторыми ответами редакции, сообщают о своих наблюдениях, отмечают различного рода отступления от норм. Ясно, что здесь проявляется интерес к языку, забота о его чистоте, развитии и т. п. Непосредственно практических целей авторы не преследуют. Здесь мы имеем дело именно с «надситуативной активностью», которая, возможно, возникла на основе стремления получить ценностно-ориентационную языковую информацию.

Многие из таких писем эмоциональны, юмористичны.

2. Причины вопросов.

а) Незнание правил (от самых простых до сложных) или предела применимости данного правила:

«Schreibt man: Die Preise waren niedriger, wie es vorgesehen war» oder ... als es vorgesehen war?». «Ich erbitte Auskunft über folgende Wendung: «Für gute Leistungen, übermittelt vom Volkseigenem Gut K.», oder «...übermittelt vom Volkseigenen Gut K.?» «Deshalb informieren der Futterökonom die Leitung der KAP und die Brigadiere die Leitung der LPG auf deren wöchentlichen Sitzungen»... (Singular oder Plural?).

Незнание или неточное знание правил иногда приводит к тому, что читатель пытается установить «свое» правило и спрашивает, справедливо ли его обобщение: «Stimmt es, dass die Präposition «entsprechend» mit dem Genitiv verbunden wird, wenn sie *vor* dem Substantiv steht, dagegen mit dem Dativ, wenn sie *hinter* dem Substantiv steht?»

б) Изменение правил в связи с развитием языка или изменением значения слова:

«Wie ist es richtig: Es kostet *mir* einige Mark oder «Es kostet *mich* einige Mark?». Раньше был возможен только аккузатив, теперь возможно в связи с тенденцией не употреблять подряд два одинаковых падежа и датив. При наличии двух вариантов у реципиента возникает сомнение в правильности одного из них. И хотя в ряде случаев читатель, спрашивая, допускает возможность употребления нескольких вариантов, все же явно обнаруживается тенденция к предпочтению моновариантности.

Слово «Untiefe» имеет в современном языке значение «мелкое место»; малоупотребительно уже значение «большая глубина». Читатель, встретив слово в устаревшем значении, выражает сомнение в правильности употребления. Сомнение может возникать также, если реципиенту известно только одно значение слова — общеупотребительное, а профессиональное — неизвестно: «Im Betrieb hatten wir einen Streitfall; ich hatte geschrieben: «In der Anlage übersenden wir Ihnen...» Mir wurde gesagt, so etwas gäbe es nicht mehr; man kann z. B. nur noch sagen: «In der Anlage steht eine Bank».

Многочисленная группа вопросов связана с расширением значения слова и различного рода переносами, что ведет к изменению сочетаемости лексических единиц, изменению правил «сочетаемости смыслов»; таковы, например, вопросы о правильности сочетания «nachdenklicher Film», предложения: «Am 9. Mai 1979 startete die 32. Friedensfahrt».

Появление новых устойчивых словосочетаний и предложений, семантика которых недостаточно прозрачна, также вызывает сомнение в их правильности, например, предложение: «Sie können gern kommen» означает: «Мы будем рады Вашему приходу». Читателю такое предложение кажется странным; ему знакомо только другое употребление:

Ich komme gern.
Sie kommen gern.

— Я охотно приду.
— Они охотно придут.

Для понимания устойчивого предложения требуется соотнести gern не с подлежащим предложения, а с лицом, который произносит данную фразу.

в) Редкое употребление конструкции в определенной форме: «Das geht mich nicht an ... Perfekt mit haben oder mit sein?»

Ср.: также вопросы о том, употребляется ли слово «Blutdruck» в множественном числе.

г) Противоречие между узусом и кодификацией:

«Mehr-mals hörte ich als Perfektpartizip von «scheinen» «gescheint». Ist es möglich, das Wort «gescheint» zu gebrauchen?» Ответ редакции отрицателен — здесь побеждает кодификация. Возможен и обратный случай: «Meines Erachtens wird der Mast im Plural fast nur noch schwach dekliniert. Der grosse Duden führt jedoch an erster Stelle den starken Plural «die Maste» an. Was ist richtig? Antwort: «Das Substantiv «der Mast» wird im Plural *tatsächlich*

häufiger schwach (die Masten) als stark dekliniert. Bei einer Neubearbeitung des «Grossen Dudens» soll das Stichwort daher in folgender Form aufgenommen werden: Mast, der, -es, Pl.-en, seltener e...»

Здесь читатель обнаружил тонкую наблюдательность.

д) Логизация языка:

«Man hört sehr oft Sätze wie «Ich fahre in Urlaub». Grammatisch richtig müsste er meiner Meinung nach «Ich fahre *in den* Urlaub heissen. Logisch ist das aber auch nicht; man müsste deshalb korrekt sagen «Ich habe Urlaub oder etwa «Ich fahre in den Harz». Antwort: Trotz aller hier geäusserten Bedenken ist der Satz «Ich fahre in Urlaub» als normgemäss zu beurteilen».

Еще один пример:

«Man hört oft, dass jemand sagt: «Ich halte das für richtiger». Nach meiner Meinung ist das unlogisch. Und deshalb sprachlich falsch. Denn eine Rechenaufgabe, eine Feststellung, eine Meinung kann doch nicht richtiger als eben richtig sein. Also, darf das Eigenschaftswort «richtig» nicht gesteigert werden. Trotz des Hinweises im Leitfaden des Grossen Dudens (S. 346), dass «Eigenschaftswörter, deren Bedeutung die Vorstellung eines Mehr oder Minder ausschliesst» nicht gesteigert werden, befindet sich im Wörterverzeichnis auf S. 54 das Beispiel: «Ich halte das für richtiger». Meine Meinung ist: «Ich halte das für *daseinzig* Richtige».

Здесь читатель также неправ: richtiger — «правильнее» может иметь значение «более точно» и употребляется в ситуациях, где требуется выбор из нескольких возможностей. Ссылка на авторитетный словарь Дуден также лишена оснований, ибо понятие о «большем—меньшем» носит расплывчатый характер и не может быть здесь использовано.

У некоторых читателей обнаруживается стремление к «гиперточности», например, форма *alle beide* рассматривается как содержащая избыточный элемент (*alle* или *beide*). Здесь не учитывается стилистическая роль избыточности — коммуникативное выделение.

е) Неполнота, неточность или отсутствие кодификации. Приведем следующий пример: в соответствии с правилами употребления инфинитивной конструкции требуется определенная корреляция между семантическими субъектами в основной части и инфинитивном обороте; допустимость употребления последнего определяется также возможностью трансформации инфинитивной конструкции в придаточное с *man* [6]. Все эти требования не выполняются в следующем предложении: *Solche Messungen sind notwendig, um aus ihnen das Alter bestimmen zu können*. Это и вызвало сомнение у читателя, который считает, что здесь требуется придаточное с *damit*. Между тем такое употребление не противоречит норме: в основной части предложения и в обороте семантические субъекты *вообще* не представлены.

Естественно, что кодификацией не могут быть охвачены *все* возможности употребления языковых форм, поэтому при наличии

нескольких возможностей, которые представляются носителю языка одинаково приемлемыми, возникает потребность получить однозначную информацию: «Sagt man und schreibt man: «Nehmen Sie's mir nicht übel?» oder «Nehmen Sie mir's nicht übel?».

3. Выражение отношения к правильности (неправильности) языковой формы.

Вопросы могут носить более или менее развернутый характер. В них может быть выражено предположение относительно правильности данной структуры. Здесь можно выделить следующие случаи: а) Читатель смутно ощущает, что в приводимой им конструкции что-то неверно, сомнительно, противоречит его чувству языка, но ничего более конкретного сказать не может: «Ich halte die Fügungen «seinen sich zugezogenen Verletzungen» und «ist bei sich zu tragen» in den folgenden beiden Sätzen falsch, kann meine Meinung aber nicht begründen. Die Sätze lauten: «Er war so schwer gestürzt, dass er seinen sich zugezogenen Verletzungen erlag», «Der Personalausweis ist ständig bei sich zu tragen». Оба предложения действительно неправильны. В обоих случаях ошибка заключается в неправильном употреблении sich. В первом предложении — в сочетании с партиципом, а во втором — в соотношении с подлежащим. Это совершенно разные случаи; интересно, что в сознании читателя они оказались объединенными.

Более определено мнение читателя в следующем примере:

«Ich stiess auf den Satz: «Eine Stunde, ehe wir uns begegneten...» und mir war dabei etwas unbehaglich zumute. Ich meine, dass es nicht «ehe», sondern «bevor» heissen muss, kann aber nicht sagen, warum». Здесь автор уже приводит вариант, который представляется ему правильным, но обосновать его не может.

б) Читатель аргументирует свою точку зрения, ссылаясь на данные словарей и грамматики:

«Gibt es den Plural «Verbräuche»? Mir ist es in dem Wort. «Monatsenergieverbräuche» begegnet. Da ich ihn aber in keinem Wörterbuch gefunden habe, halte ich ihn — jedenfalls was die Allgemeinsprache angeht, für unüblich». «Was sagen Sie zum Satz «Zwölf Länder bei «Blaue Schwerter». Der Verzicht auf die Flexion kann doch nicht korrekt sein. Ich würde nach Kennzahl 326 im Leitfaden des «Grossen Dudens» verfahren und «...bei den «Blauen Schwertern» schreiben».

Читатель, высказывая свое отношение к правильности, пользуется не только оценками «правильно» — «неправильно», но и оценками «лучше» — «хуже». Так, приводя два синонимичных предложения: «Da du dir längere Zeit keine Bücher mehr geliehen hast» и «Da du längere Zeit dir keine Bücher mehr geliehen hast...», он считает, что первое предпочтительнее. Исполнительная, реализующая фаза, связанная с применением решения, не раскрывается в метакоммуникативных вопросах.

Большинство ортологических вопросов в «Шпрахпфлеге» — вопросы о значении и употреблении, сочетаемости лингвистических и реже — фразеологических единиц, что объясняется большой изменчивостью лексического состава по

сравнению с грамматическим инвентарем, большей сложностью правил употребления и «сложения смыслов», а также слабой кодифицированностью лексических норм.

Цель вопросов — получить информацию о нормативности (ненормированности) конкретных языковых норм или моделей, представленных в виде образца, установить отношения синонимии и вариантности, конкретных правил выбора синонимов, определить ситуации их употребления.

Виды мотивации у авторов — потребность в ценностно-ориентационной (нормативной) языковой информации и реже — стремление к самоутверждению, а также эпистемическая любознательность.

Причины вопросов: полное или частичное незнание правил (лексических или грамматических), изменение правил, значений языковых единиц, их дистрибуций в связи с развитием языка, редкое употребление данной языковой формы вообще или в определенных условиях, логизация языковых фактов, неполнота, неточность или противоречивость кодификаций.

Ортологические вопросы могут носить альтернативный характер, быть краткими или развернутыми, в последнем случае — отражать представление авторов о нормативности языкового факта — от случайного представления «здесь что-то не так» до аргументированного высказывания своей точки зрения.

Список литературы: 1. *Зимняя И. А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978. С. 45—47. 2. *August G.* Grundlagen einer Theorie des Kommentierens. Tübingen, 1976. 351 S. 3. *Кулюткин Ю. Н., Сухобская Г. С.* Исследование последовательной деятельности учащихся вечерней школы. М., 1977. 152 с. 4. *Каган М. С.* Человеческая деятельность. М., 1971. 234 с. 5. *Асмолов А. Г., Петровский В. Н.* // *Вопр. психологии.* 1978. № 1. С. 70—80. 6. *Helbig G., Buscha I.* Deutsche Grammatik. Leipzig. 629 S.

Поступила в редколлегию 01.01.86

В. Л. ЗИНОВЬЕВА

МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ СМЫСЛОВ ГЛАГОЛА

Смысл слова — это результат творческого акта мышления, в ходе которого происходит объединение двух разноплановых семантических компонентов: переменного маркированного члена семантической оппозиции из синтагматического плана и его маркера — относительно инвариантного семантического дифференциального признака (СДП) из парадигматического плана [1].

Парадигматическое значение слова содержит в себе только несколько инвариантных семантических компонентов — сем, но в результате их актуализации или нейтрализации при соединении с переменными компонентами в различных высказываниях возникает огромное количество смыслов, обобщенные типы которых, а иногда и отдельные смыслы, традиционно рассматриваются в словарях как разные значения одного и того же слова. Актуализироваться дифференциальные семы могут в разных количественно-качественных комбинациях, что приводит к образованию необходимых автору речи смыслов.

Чтобы выявить факторы, влияющие на порождение смыслов статических глаголов, следует иметь в виду, что основу их семантической оппозиции составляют способы существования одного

и того же субъекта в смежные единицы времени. Следовательно, разные смыслы порождаются, если субъекты действия глагола разного типа, например люди, животные, конкретные неодушевленные предметы, абстрактные понятия; если способ существования однотипных субъектов разный, на что в первую очередь указывают характеристики позиции субъекта в пространстве или состоянии во времени. В сочетаниях с различными субъектами актуализация или нейтрализация разных сем глагола также обуславливает образование разных смыслов [2].

Рассмотрим образование разных смыслов при однотипных глагольных субъектах. На различия в способах существования таких субъектов автор речи указывает, используя необходимые переменные компоненты синтагматического плана, при этом семы глагола актуализируются или нейтрализуются в разных комбинациях, например: 1) *She stood still* (Maugham). 2) *They walked in step, sauntering and smiling like happy young lovers, and they stood out from the huddling line of passengers* (Wilson). 3) *The OPEC nations were standing firm in their demand* (Hailey). 4) *«Do you think I'll be able to stand by and watch and do nothing to help?»* (Wilson). В первом предложении актуализируются семы «неизменность положения в пространстве» и «вертикальность». Субъект, как и во всех остальных предложениях, относится к человеческим существам. Порождается смысл *to support oneself on the feet upright* [3, с. 1086]. Во втором предложении глагол передает следующие СДП субъекта: «неизменность состояния во времени» и «заметность». Признак «вертикальность» становится в данном высказывании нерелевантным; ее актуализация необязательна. Образуется смысл *to be easily seen among others* [4, с. 337]. В третьем предложении сема «вертикальность» нейтрализуется, актуализируются семы «неизменность состояния» и «стойкость». Смысл: *to remain resolute or firm* [5, с. 1420]. В последнем предложении актуализируется сема «неизменность», актуализация семы «вертикальность» факультативна. Переменные синтагматические компоненты позволяют автору речи в данной вопросительной конструкции передать посредством глагола гипотетическое состояние бездействия субъекта. Порождается смысл: *to remain unmoving, idle* [3, с. 1086].

Употребление в глагольных сочетаниях слов, обозначающих однотипных субъектов, и актуализация одних и тех же сем глагола не всегда приводит к порождению одинаковых смыслов. Нередко в таких случаях образуются смыслы, значительно отличающиеся друг от друга. Сравним, например, следующие предложения с глаголом *stand*: 1) *Brett came out with Bill and joined us. We stood in the crowd and watched Don Manuel Orquito...* (Hemingway). 2) *We went inside the station and stood with a crowd of people just back of the gates...* (Hemingway). В обоих предложениях субъект действия глагола один и тот же, адвербиальные адьюнкты однотипны, актуализируются одинаковые глагольные семы («неизменность» и «вертикальность»), однако смыслы образу-

ются разные: в первом предложении — «стояли», во втором — «стояли». Разница в смыслах обуславливается следующими факторами. В первом высказывании автор речи сообщает о неизменном вертикальном положении субъекта безотносительно к предыдущему периоду времени, во втором — сообщается, что субъект сначала двигался, а затем в результате прекращения движения оказался в неизменном вертикальном положении, т. е. здесь в смежные единицы времени способ существования субъекта изменился. В этом последнем случае смысл глагола можно назвать результативно-статическим. Такие смыслы порождаются тогда, когда автор речи информирует реципиента речи о принятии субъектом неизменного вертикального положения вследствие изменения его антериорного способа существования или позиции.

Результативно-статические смыслы особенно часто наблюдаются в глагольных конструкциях, содержащих релятивы типа *up*, *down*, *back* и т. п., хотя, как видно из приведенных выше примеров, употребление релятивов не является обязательным условием порождения результативно-статических смыслов. Автор речи может использовать любые переменные компоненты синтагматического плана, которые в сочетании с соответствующими компонентами парадигматического значения глагола позволяют сообщить, что субъект принял стоячую позу в результате изменения своего антериорного положения/состояния. Главным здесь является сопоставление положений или состояний субъекта в смежные единицы времени, которое может осуществляться различными способами, в равной мере обеспечивающими образование результативно-статических смыслов. Однако релятивы, передающие пространственно-временные отношения между предметами, по своей семантической природе часто оказываются весьма подходящими словами, помогающими формировать в высказывании результативно-статические смыслы. Однако наличие в предложении релятива не является несомненным признаком результативно-статического смысла глагола. Более того, в сочетаниях с релятивами были зарегистрированы только статические смыслы, как в предложении: «If physically Fleur stood up straight, was she morally as erect?» (Galsworthy). Причина частого употребления слов *up* и *down* в сочетаниях глаголов с результативно-статическим смыслом заключается в том, что данные релятивы обычно обозначают отношения между предметами, расположенными в вертикальной плоскости, а именно — перемещение человеческого тела или его частей по вертикали, как правило, приводит к тому, что человек в результате занимает стоячее, сидячее или лежащее положение.

Особый вид результативно-статических смыслов образуется в сочетаниях, где глагол вступает в связь с объектным адьюнктом. Это каузативные смыслы. Главная семантическая особенность каузативных конструкций статического глагола заключается в том, что они обозначают переход в стоячее положение не самого субъекта, а объекта под воздействием субъекта, например:

«I stood her against the wall so that if the door opened she would be behind it» (Chase). «The excitement, and everybody standing him drinks, and wanting to hear about it» (Christie).

В таких объектных конструкциях актуализируются те же дифференциальные семы, что и в соответствующих безобъектных: «вертикальность», «неизменность», но указанными СДП автор речи здесь характеризует объект, способ существования которого меняется в смежные единицы времени из-за действия или под влиянием субъекта.

Следовательно, разные смыслы порождаются при сочетании постоянных компонентов парадигматического значения глагола и переменных компонентов синтагматического плана в следующих комбинациях:

- разные основы семантической оппозиции + те же семы;
- разные основы семантической оппозиции + разные семы;
- однотипные основы семантической оппозиции + разные семы.

Список литературы: 1. Гурський С. О. Нейтралізація опозицій у семасіології// Іноземна філологія. 1981. Вип. 63. С. 50—56. 2. Зиновьева В. Л. Семантическая структура глаголов stand, sit, lie//Вестн. Харьк. ун-та. 1984. № 258. Методол. и метод. вопр. изучения герм. и роман. яз. С. 47—53. 3. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978. P. 1086. 4. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1982. P. 337. 5. Webster's New World Dictionary. London, 1962. P. 1420.

Поступила в редколлегию 23.09.86

Л. А. КЕДОВА

К ВОПРОСУ О ПОЛИНЕГАТИВНОСТИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Хотя полинегативности древнеанглийского языка посвящено большое количество исследований, этот вопрос все еще требует дальнейшего изучения по целому ряду причин.

Большую часть работ можно приблизительно разделить на две основные категории: 1) работы, в которых имеется простая констатация самого факта древнеанглийской полинегативности и объяснение причин ее исчезновения в современном английском [1—3]; 2) работы, в которых приводятся объяснения древнеанглийской полинегативности [4—6].

Поскольку объем данной статьи не позволяет подробно остановиться на достоинствах и недостатках всех этих работ, мы хотели бы отметить, что объединяющим слабым местом является недостаточный объем проанализированных примеров, чего мы и постарались избежать.

Для удобства исследования мы расположили все проанализированные памятники древнеанглийской литературы хронологически: 1. Предсмертная песнь Беды (Bede). 2. Цикл поэм Кэдмона (Cædmon) — 670—740 гг. н. э. 3. «Widsith» — начало 7 в. н. э.

4. Гномические стихи (Gnomic Verses) — начало 8 в. н. э. 5. Цикл поэм Киневульфа (Cynewulf) — 750—825 гг. н. э. 6. «Беовульф» (Beowulf) — конец 7 в. — начало 8 в. н. э. 7. Лирика — вторая половина 8 в. — начало 9 в. н. э. 8. Загадки. 9. Проза Альфреда (Alfred) — 849—901 гг. н. э. 10. Проза Эльфрика (Alfric) — 1008 г. н. э. 11. Проза Вульфстана (Wulfstan) — 1023 г. н. э.

В «Предсмертной песне Беды» и в поэме «Widsith» есть только по одному интересующему нас примеру, и оба они монологативны. В Гномических стихах имеется восемь предложений, и все они монологативны.

Загадки (по изданию: Р. Krapp «The Exeter Book», 1932): из 13-ти предложений полигативно лишь одно (№ 39, 7). Цикл поэм Киневульфа: «Juliana» — всего 10 предложений: 9 — монологативны, 1 — полигативно. «Christ» — всего 18 предложений: 17 — монологативны, 1 — полигативно. «Phoenix» — всего 10 предложений: 9 — монологативны, 1 — полигативно. «Guthlac» — всего 4 предложения: все монологативны. «Беовульф» — всего 38 предложений: 36 — монологативны, 2 — полигативны.

Что касается прозаических произведений, то здесь картина представляется совершенно иной: у Эльфрика вообще, по-видимому, нет примеров монологативных предложений. У Альфреда они есть, но их число крайне незначительно. По данным О. Есперсена, во всем Апполонии есть только один такой пример.

Прежде чем приступить к анализу примеров, мы хотели бы отметить, что в приведенной статистике удивляет неявное преобладание монологативных предложений в поэзии. Все названные поэтические произведения старше прозаических и продолжают первоначальный индоевропейский тип, о котором говорилось выше. Удивляет нагромождение отрицаний внутри одного предложения, которое становится нормой для прозы, но и здесь есть интересные отклонения, по-видимому, объясняющие это явление. В анализе в первую очередь нас будут интересовать предложения с местоимениями «xnig/xnig», «pan», а затем уже с «pxfre/xfre». Как уже говорилось, все восемь предложений в Гномических стихах монологативны. В трех предложениях употреблено xnig, в двух — xnig (при отрицании с глаголом, т. е. в виде ne v...xnig); в трех — pxfre. Загадки: в одном предложении — xnig; в шести — xnig (ne v...xnig); в двух — pxfre; в трех — xfre (ne v...xfre); в одном — powiht. Поэмы Киневульфа: в пяти предложениях — xnig; в 21-м — xnig (ne v...xnig); в 11-ти — pxfre; в семи — xfre, в двух — pan.

Обратите внимание: из всех предложений четырех поэм монологативны все, кроме двух, и в них употреблено местоимение «pan» e. g. Juliana, 516. ... heah fx dra pan ne witgena; Christ, 290. pan swylc ne swom xnig other ofer ealle men. Но даже это последнее предложение подтверждает закономерность: ведь здесь имеется форма «xnig», а не «pxnig». «Беовульф»: в восьми предложениях — xnig, в 24-х — xnig, в восьми — pxfre, в двух — xfre,

в двух — пап. Итак, в «Беовульфе» есть всего два примера с «пап». 1460 *pxfre at hilde ne swac manna xngum*; 798 *pone synsathap xpig ofer eorpan irrena cyst, guthbilla pap, gretan nolde*. Но в первом предложении мы также имеем все-таки «xngum», а не «pxngum», а во втором — появление «nolde», а не «wolde» объясняется требованиями аллитерации, в то время как «guthbilla ag» не дало бы нужного смысла.

Теперь несколько общих замечаний о местоимениях «pxpig»/«xpig» и «пап». В синтаксическом плане разницы между этими местоимениями практически нет. Важным различием между ними является их диалектное распределение: «xpig» в функции только неопределенного местоимения (т. е. «ne v...xpig») обычно как в западно-саксонских, так и в английских текстах «pxpig» (и «ne v...xpig») является же чисто английской формой, которую избегали все западно-саксонские писатели, включая Альфреда и Эльфрика. Во всей «Хронике» есть всего три примера с «pxpig». У Альфреда «pxpig» встречается один раз. Эльфрик, известный своей склонностью к нагромождению отрицаний в одном предложении, ни разу не употребил «papig», т. е. все западно-саксонские авторы использовали только «пап» — стянутую форму (contracted form), не употребляющуюся в отличие от «pxpig» в нестянутом виде (*nev...ap). Общеизвестно, что негативное стяжение (negative contraction) в доударных слогах свойственно не только местоимениям и наречиям, но также глаголам. Среди германских языков древнеанглийский и древнефризский имеют самую высокую степень стяжения. По данным P. Levin [5] («Negative Contraction: an Old and Middle English Dialect Criterion». JEGP 57, 1958), западно-саксонский предпочитал стянутые формы, в то время как английский диалект явно склонялся к употреблению нестянутых форм. Например, в выборке из Эльфрика им было найдено только четыре нестянутых и 477 стянутых форм. Совершенно обособленно стоит на этом фоне Вульфстан. Он был современником Эльфрика, но у него есть лишь 17 стянутых и 281 нестянутая формы (по данным того же автора). И если западно-саксонские авторы практически не употребляют местоимение «pxpig» (ne v...xpig), то у Вульфстана из 98 предложений «пап» употреблено только в 14. Далее, из всех 119 предложений (по изданию D. Betherum «The Homilies of Wulfstan», Oxford, 1957) полинегативны 23 (19 %) и из этих 23 в 14 употреблено «пап». Остальные имеют вид — (pxfre... ne v). Нам кажется, что такое разительное отличие Вульфстана от других западно-саксонских писателей объясняется тем, что Вульфстан сильно англизировал (anglisized) свои проповеди, а ведь как раз в плане употребления отрицательных местоимений и наблюдается столь существенное различие между западно-саксонским и английским диалектами. (Подробный анализ языка Вульфстана дан в работе А. Mohrbutter «Darstellung der Syntax des Erzbischofs Wulfstan»).

Все перечисленные выше поэтические произведения написаны на английском диалекте, и в них практически не встречается место-

имение «пап». В наиболее ранних его вообще нет, например в поэмах Кэдмона или Гномических стихах. Очевидно, что случаи его появления в поэмах «Christ», «Juliana», «Beowulf» следует рассматривать как заимствование. Таким образом, создается впечатление, что полинегативность древнеанглийского — это, во-первых, не общезыковое явление, потому что вообще нельзя говорить о едином древнеанглийском. Диалектное же явление, свойственное западно-саксонскому, в дальнейшем — норма в общенациональном языке. Во-вторых, полинегативность была вызвана именно употреблением местоимения «пап».

Список литературы: 1. *Расторгуева Т. А.* History of English. М., 1983. С. 10—68. 2. *Чахоян Л. П., Иванова И. П.* История английского языка. М., 1974. С. 27—32. 3. *Хаймович Б. С.* A Short Outline of the History of English. К., 1975. С. 77—82. 4. *Knörk M.* Die Negation in der Altenglischen Dichtung. К., 1907. С. 10—22. 5. *Levin P.* Negative Contraction: An old and Middle English Dialect Criterion//IEGP. 1958. 57. P. 22—35. 6. *Mourek T.* Zur altgermanischen Negation. Prag. 1905. P. 90—103.

Поступила в редколлегию 23.09.86

К. К. КИПРИЧ

РОЛЬ КАВЫЧЕК В ФОРМИРОВАНИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Общественно-политическая газетно-журнальная публицистика является одной из ведущих форм массовой коммуникации. Изучение английской и американской прессы сегодня немыслимо без обращения к прагматическому аспекту, поскольку конечная цель публицистики — воздействовать на читателя, убедить его, сформировать у него определенное отношение к сообщаемой информации.

Необходимость изучения прагматического аспекта публицистического текста диктуется соображениями не только идеологического, но и чисто лингвистического порядка. Известно, что газетно-журнальный стиль при определенной пестроте внутрителиевой дифференциации представляет собой целостную функционально-стилевую разновидность, характеризующуюся наличием таких ведущих дифференцирующих признаков, как информативность, традиционность, терминологичность, краткость, оценочность [1, с. 108]. Последняя черта уже сама по себе свидетельствует о прагматической направленности публицистических текстов. Специфика газетно-журнальной прагматики, по мнению ряда лингвистов, и заключается в том, что прагматически ориентированные языковые средства являются, как правило, средствами оценки, и сама прагматика языка газеты или журнала носит преимущественно оценочный характер.

Очевидно, что конечный прагматический эффект газетно-журнальной публицистики не представляет собой механической суммы

каких-то прагматически маркированных элементов, а вытекает из текста в целом, все же такие элементы в тексте, несомненно, присутствуют, и они-то, в первую очередь, и способствуют созданию прагматического эффекта. Сюда относятся прежде всего разнообразные лексические единицы (а), структуры эмоционального синтаксиса (б), фонетические/графические средства (в): (а) «They spoke French at home, her parents saying vous to the children so that they would learn to be formal to them in return» («Observer»). (б) «They had worked out my method, says William, completely and every degree — in October the year before» («The Sunday Times Magazine»). (в) «To create her «glorious jungles» she cultivates and plants the whole area of the plot» (ibid.).

Среди всех этих средств немаловажную роль в общей прагматике газетно-журнальной публицистики играют кавычки. Представляется возможным выделить следующие прагматические функции данного средства графического выделения.

В кавычки могут быть заключены единицы, обладающие несомненной образностью, в том числе яркие метафоры (1) и метонимии (2): (1) «Every one of the oil industry's «seven sisters» — Exxon, Mobil, Texaco, Socal, Gulf, BP and Shell — made lower profits last year than the year before» («The Economist»). (2) «Worry about a theoretical «window of vulnerability» was enough to scrupper ratification of the SALT-2 treaty by the American senate even before President Reagan came to power» (ibid.). «Sympathy is in short supply for «big oil» (ibid.).

Характерно, что при всей своей оригинальности заключенные в кавычки образные средства нередко способствуют выражению оценки, причем оценочный момент может в ряде случаев подавлять сам образ. При этом прагматический эффект остается весьма значительным. Знак оценки может быть как отрицательным (1), так и положительным (2): (1) «Despite the attempts to lump these bands together under the same «countrybilly» title, individuality does shine through» («Observer»). (2) G. Vilas is regarded as an «old man» at 29» («The Sunday Times Magazine»).

Очевидна отрицательная оценочность иронических высказываний. Этот прием позволяет автору как бы снять с себя ответственность за сказанное, приписав высказывание другому человеку и выразив свое отрицательное отношение: «Often abused principle of modern relations stipulating «total honesty» between the partners» («The Sunday Times Magazine»). «I recalled how as a child, i had come across «treasure hunts» in which the puzzles were not exciting nor the treasure worth finding» (ibid.).

Переход образных средств языка в нейтральные происходит постоянно, и язык газетно-журнальной публицистики, как наиболее чувствительный к семантическим процессам всякого рода, реагирует на них. Нередко в пределах одной статьи встречаем выражение, которое графически выделено при первом употреблении, а далее употребляется без кавычек. В примере ниже это — образное прилагательное «indefinite»: «Aslef, the second railway union

(which organises the militant train drivers), plans to halt the rail system with another «indefinite» strike on a separate issue on July 4th» («The Economist»). «No sooner had peace broken out Aslef, the militant train drivers' union, rallied out its 2400 BR members on indefinite strike from July 4th» (ibid.).

Терминологический эпитет, заключенный в кавычки, играет в общественно-политической газетно-журнальной публицистике своеобразную прагматическую функцию. Привычность, связанная с повторяемостью, не приводит к значительному снижению информативности эпитета, так как гетерогенность определения и определяемого объекта служит определенным противодействием [2, с. 40]: «Several of the players have gone to realise that many sponsors would actually prefer a «second tier» player, with a colourful personality, to wear their products» («The Sunday Times Magazine»).

Есть основания утверждать, что взятые в кавычки элементы определенной прагматической направленности могут пронизывать текст насквозь, осуществляя, таким образом, текстовую завершенность: «There are 2 models of the system available. In the «aim-off» version you fire ahead of the target — as you would with a conventional shotgun. In the «aim-at» version you fire directly at the target... «Aim-at» should appear to the general leisure market while the «aim-off» will attract crackshots keen on out-of-season practice» («The Sunday Times Magazine»).

Нетрудно заметить, что сквозной повтор «aim-off» и «aim-at» в приведенных абзацах обеспечивает наряду с некоторыми другими средствами связность, единство текста, его завершенность.

Таким образом, исследование одного из графических средств выделения — кавычек — в современном английском языке дает представление о варьировании прагматических характеристик газетно-журнальной публицистики.

Список литературы: 1. Наер В. Л. Прагматический аспект английского газетного текста//Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. 1981. Вып. 178. С. 108. 2. Соловьева З. В. Терминологические неологизмы в газетно-журнальном тексте (к вопросу об использовании терминов-эпитетов в английской газетно-журнальной публицистике)//Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. 1981. Вып. 178. С. 40.

Поступила в редколлегию 24.09.86

Н. А. КОСТИНА

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА С ПОБУДИТЕЛЬНОЙ ДОМИНАНТОЙ

Несмотря на постоянный интерес к речевым актам, проблема описания механизма речевого общения еще не получила своего разрешения. До настоящего времени еще не было систематизированного изучения средств речевого воздействия. Изучение их привело либо к регистрации отдельных прагматических подтипов

побудительный высказываний [1, с. 70—72], либо к рассмотрению их структурно-семантических особенностей в рамках диалогических единиц, причем внимание в основном уделялось двухкомпонентным «побудительным единствам» [2, с. 19; 3, с. 22; 4, с. 143—208; 5, с. 73—78; 6, с. 32—36; 7, с. 15] *.

В обоих случаях условия достижения эффекта воздействия высказываний на адресата оставались за пределами анализа. Рассмотрение отрезков диалога до такой длины, которая позволяет судить, достигнут ли эффект коммуникации, позволит выяснить некоторые стороны механизма воздействия.

Цель данной работы — исчислить тактические ходы в процессе речевого общения для достижения положительного (удовлетворяющего интенции адресанта) или же отрицательного эффекта.

В результате анализа материала выборки с учетом эффекта воздействия были выделены следующие группы диалогических единств с побудительной доминантой:

1. Положительный эффект достигается сразу, в результате одной реплики со стороны адресанта. При этом выполнение действия может

а) сопровождаться высказываниями, подтверждающими согласие выполнить ту или иную просьбу, приказание или принять предложение (однако согласие вербальное еще не означает, что действие будет выполнено).

Например:

(1) — What time is it? Have a look at the church clock.

— A quarter past eleven, and the sun's coming out.

(Sh. Delaney)

(2) — Have you got a clean hanky, Jo? Mine's wringing wet with dabbing at my nose all day.

— Have this, it's nearly clean. (Sh. Delaney)

(3) — Do you want a piece of cake, Jo?

— Yes, please; (Sh. Delaney)

б) не сопровождаться высказыванием:

(4) — Will you see if Mr. Mackendrick's got that car? (D. Storey)

Ответом на эту просьбу является действие:

(Harry goes, stiffly, leaving by office entry.)

(5) — Lukey... where's my bloody cigar, old lad? (Luke gets out the cigar); (D. Storey)

в) выполнение действия может последовать вопреки вербальному сопротивлению адресата:

(6) — Pass me that bottle — it's in the carrier.

— Why should I run round you? (Takes whisky bottle from the bag). (Sh. Delaney)

2. Положительный эффект достигается через несколько промежуточных реплик:

(7) — Better ring my wife.

— What?

* Вероятно, термин «побудительное единство» не совсем удачен, так как побудительным, как правило, является только инициальное высказывание.

— She won't know.

— She's not here today, then?

— No.

— I'll see about it, lad. Don't worry. (*D. Storey*) (6 реплик).

(8) — Your nose is damp. Here, have this.

— Oh, go away.

— Give it a bloody blow.

— Leave it alone.

— Blow your nose, woman.

(*She goes*) (*Sh. Delaney*)

(5 реплик, за которыми следует выполнение действия).

3. Отрицательный эффект достигается немедленно ответным ходом (репликой) адресата просьбы, приказа, предложения:

(9) — Got a cup, then, have you? Try a drop o' this.

— Don't drink. Thanks all the same. (*D. Storey*)

(10) — Will you get me a drink of water, Helen?

— No, have a dose of this. (*Offering whisky*).

It'll do you more good. (*Sh. Delaney*).

4. Отрицательный эффект достигается через несколько промежуточных реплик:

(11) — Do you want a cigarette?

— How many have you got left?

— I've got enough for one each.

— No, you keep 'em. They don't bother me really.

I used to smoke just to annoy my mother.

(*Sh. Delaney*) (4 реплики).

Объем выборки не позволяет сделать выводов, основанных на достаточно надежных подсчетах. Однако имеющийся материал показывает, что наиболее частотными являются диалогические единства, в которых за побуждением следует высказывание, выражающее отказ или согласие выполнить действие.

Анализ диалогических единств с инициальным побуждением, содержащих большее количество реплик, позволяет сделать вывод, что промежуточные реплики носят в основном метакоммуникативный характер.

Кроме того, данный анализ показывает, что форма побуждения зависит от статуса и социальных ролей коммуникантов. Для равных по статусу и находящихся в близких отношениях коммуникантов в основном характерны прямые побудительные высказывания (1). Но и в таких случаях адресат может рассматривать такое прямое побуждение как неуместное в данной ситуации общения (6).

Иногда в зависимости от характера просьбы прямые побудительные высказывания могут сопровождаться мотивировкой. Для коммуникантов с асимметричными социальными ролями характерно употребление косвенных побудительных высказываний, особенно при обращении нижестоящего в социальном отношении к вышестоящему. Интересно, что в примере (4) косвенное побудительное высказывание принадлежит вышестоящему коммуниканту, но адресат воспринимает его как приказ.

Список литературы: 1. Шевченко О. Л. Семантические модели косвенных побудительных предложений в современном английском языке//Вестн. Киев. ун-та. 1985. Романо-герман. филол. Вып. 19. С. 70—72. 2. Беркнер С. С. Некоторые явления взаимодействия реплик английской диалогической речи: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1962. 19 с. 3. Васильева И. Б. Предложения типа Yes, I do в английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1965. 22 с. 4. Елисеева Л. А. Рекуррентные предложения в современном английском литературном диалоге//Пробл. общ. языкознания и англ. филол. 1969. 491, вып. 1. С. 143—208. 5. Зельцер В. И. Изолированные части сложноподчиненного предложения в составе реплик диалогического единства вопросно-ответного типа//Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Л., 1972. С. 73—78. 6. Старикова Е. Н., Шевченко Н. А. Прагматические аспекты побудительных диалогических единств//Вестн. Киев. ун-та. 1984. Романо-герман. филол. Вып. 18. С. 32—36. 7. Трофимова Э. А. Приемы выражения взаимосвязи реплик диалогической речи (на материале современного английского языка): Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1964. 15 с.

Поступила в редколлегию 30.09.86

В. П. КРИВЕНКО

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ И СИНТЕТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Современные лингвисты и лингвисты прошлого века по-разному и довольно противоречиво характеризуют функцию глагольных форм в немецком языке. Одни из них приписывают глагольным формам значение акциональности вплоть до отождествления их с совершенным и несовершенным видом, другие считают, что грамматические формы времени в немецком языке вообще никакого времени не выражают и являются вневременными формами, третьи признают, что глагольные формы выражают реальное время. До сих пор, однако, идут споры по поводу того, какие времена, кроме презенса и претерита, следует вводить в темпоральную систему немецкого глагола. Многие лингвисты исключают аналитические глагольные формы из временной парадигмы немецкого глагола, считая, что они являются синтаксическими конструкциями. Другие, напротив, признавая аналитические глагольные формы формами времени, включают их в темпоральную систему немецкого глагола. Следует отметить, что функции временных глагольных форм нельзя исследовать вне темпоральной системы, ибо любая форма времени приобретает свое значение лишь в данной системе. Поэтому по-прежнему остается важным вопрос о том, какие времена входят в темпоральную систему немецкого глагола, а также вопрос о соотношении синтетических и аналитических форм глагола.

Этот вопрос имеет давнюю историю. Уже в готском языке различались две формы времени: презенс и претерит. Эти временные формы выполняли функции всех остальных времен. В прагерманском языке существовало четыре формы времени: презенс, претерит, временная форма рассказа и перфект. Из всего богатства форм

в древнегерманских языках осталось только две — презенс и претерит [1, с. 292]. По мнению многих германистов, в немецком языке из всего разнообразия форм сохранилось только две — презенс и претерит [2, с. 227].

Большинство грамматистов прошлого века и первой половины XX в., признавая формами времени только презенс и претерит, считали, что значения всех форм прошедшего времени в классических языках: перфекта, плюсквамперфекта, имперфекта и аориста, вошел в себя немецкий претерит [3, с. 42]. Современные лингвисты, в частности Г. Хельбиг, приходят к выводу, что так называемые «сложные формы» времени не являются формами в собственном смысле слова. Таким образом, в немецком языке остается не шесть, а две глагольные формы — синтетические презенс и претерит [4, с. 29]. Что же позволило Г. Хельбигу сделать подобный вывод? Он проводит аналогию между употреблением аналитических временных форм и употреблением того или иного падежа немецкого языка с предлогом или без него: *ich schreibe dem Vater einen Brief* — *ich schreibe den Brief an den Vater*.

Известно, что так называемые «предложные падежи» не причисляются к падежной системе языка. Поэтому и сложные глагольные формы также не относятся к темпоральной парадигме немецкого глагола [4, с. 29]. По нашему мнению, вряд ли можно сравнивать глагольные и именные формы и на этом основании делать какие-либо выводы. Каждый элемент именной формы сохраняет свое значение (*dem Vater* и *an den Vater* имеют хотя и абстрактное, но разное значение, нельзя сказать, что «*an den Vater*» является аналитическим дательным падежом, хотя логически обе формы обозначают одно и то же), поэтому они не являются аналитическими формами. В глагольных же аналитических формах лексическое значение вспомогательного глагола исчезает до степени абстрактного определения.

Г. Глинц исключает аналитические формы из временной парадигмы немецкого глагола по структурному признаку и использует для их обозначения термины, которые обычно характеризуют синтаксические сочетания (*Gefüge, Fügung*). К такому выводу он приходит в связи с тем, что вспомогательные глаголы могут иметь разные значения в составе сочетания, они могут либо десемантизироваться, либо сохранять свое собственное лексическое значение. Если, например, проанализировать форму перфекта, то «в любое время можно привести сочетания к их раннему состоянию, то есть к самостоятельному значению отдельных частей сочетания» [5, с. 376].

Н. М. Александров справедливо полагает, что «необходимым условием развития аналитической глагольной формы является широкое употребление в языке — в собственном значении того глагола, который входит в состав в качестве вспомогательного» [6, с. 117].

Небезынтересно упомянуть мнение французского германиста Ж. Фурке, который считает, что «перифрастические формы, явля-

ющиеся сейчас морфологическими знаками, на более ранней ступени являлись синтаксическими образованиями внутри тогдашней синтаксической системы. Haben и gebaut существуют еще как автономные знаки (er hat das Geld, das Haus ist gebaut). Велико искушение трактовать перфект er hat das Haus gebaut как синтаксическое образование er besitzt ein — von ihm — gebautes Haus. Но это лишь ступень, находящаяся несколько веков тому назад, но несомненная: попробуйте применить этот псевдоанализ к er hat gut geschlafen!» [7, с. 65].

Мнение, что аналитические формы немецкого глагола — свободные синтаксические сочетания, не нашло достаточно широкого распространения. В языке всегда существовал и существует переход аналитических форм в синтетические и, наоборот, синтетических в аналитические [8, с. 314].

Известно, что аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта при определенных условиях, с одной стороны, могут быть по своему значению синонимичны значению синтетической формы претерита. С другой стороны, претерит может быть также при определенных условиях синонимом перфекта и плюсквамперфекта:

Претерит в значении перфекта —

- (1) «Friedrich der Große» ging wieder in die See. Paul zog sich am Morgen darauf seinen «guten» Anzug an und packte seinen Koffer. «Wenn Dina zurückkommt», sagte er zu mir, «sag ihr, ich *nahm* mir noch hundert Mark, und ich werde ihr bald schreiben. Ich fahre nach Hause. Ich möchte meine Frau und meine Kinder noch einmal sehen, falls sie mich schnappen». (A. Scharrer «In jungen Jahren»)
- (2) Der erpresserische Anruf, die verängstigte Haushälterin... Ich denke, daß wir die Sache nicht in den Wind schlagen können». «Will ich das? Mir *kam* plötzlich ein Gedanke». «Hoffentlich ein intelligenter!» (K. Steiniger «Rausch»).

Претерит в значении плюсквамперфекта —

- (1) Man war in keiner Partei. Auch nicht in der des Führers. Der Rethasche Begriff von deutscher Ehre ragte aus der archaischen Zeit, in der es noch keine Parteien *gab*, in diese Gegenwart. (I. von Wangenheim «Das Zimmer mit den offenen Augen»)
- (2) Lotte Wieland, deren Vater früher in der Nazizeit, da er im Zuchthaus *saß*, den jungen Leuten als Idol *galt*, war seine vertrauteste Freundin gewesen. Beide glaubten sogar, daß sie sich liebten. (F. Selbmann «Die Heimkehr des Joachim Ott»).

Такие взаимопереходы синтетических и аналитических глагольных форм в немецком языке можно объяснить, опираясь на знаковую систему языка. Любой грамматический знак определенной системы подвижен. Если бы знак был неподвижен, то он выполнял бы только одну функцию. Однако грамматический знак не может быть подвижен до такой степени, что он вообще ничего не будет обозначать вне определенных ситуаций [9, с. 89]. Поэтому грамматический знак подвижен и неподвижен одновременно, но в разных отношениях: в речи он подвижен, а в системе — нет. Из-за своей подвижности значение знака изменяется, приспосабливается

к конкретной ситуации, переходит в свою противоположность, а из-за неподвижности его значение остается тождественным самому себе. В речи грамматический знак может принимать значение всех форм только данной системы. Претерит, являясь грамматическим знаком, в темпоральной системе может переходить в свои противоположности в пределах этой же темпоральной системы, оставаясь тождественным самому себе, т. е. претерит может принимать значения перфекта и плюсквамперфекта. Так как претерит входит в темпоральную систему немецкого глагола, что не отрицает почти никто из германистов (за исключением тех, кто считает немецкие глагольные формы вообще «вневременными»), и может переходить в пределах этой же темпоральной системы в свои противоположности, то, по нашему мнению, это еще одно подтверждение, что аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта на законном основании входят в темпоральную систему немецкого глагола, а не являются синтаксическими сочетаниями.

Список литературы: 1. *Jacobson H. Aspektfragen//Indogermanische Forschungen*. 1933. 51, Hf. 4. S. 292—318. 2. *Sütterlin L. Die Deutsche Sprache der Gegenwart*. Leipzig, 1923. 451 S. 3. *Wunderlich H. Der deutsche Satzbau*. Stuttgart, 1892. 252 S. 4. *Helbig G. Probleme der deutschen Grammatik für Ausländer*. Leipzig, 1972. 145 S. 5. *Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine kleine deutsche Grammatik*, 4. Aufl. Bern—München, 1965. 505 S. 6. *Александров Н. М. О взаимосвязях аналитических и синтетических форм//Аналитические конструкции в языках различных типов*. М.; Л., 1965. С. 11—128. 7. *Fourquet I. Das Werden des neuhochdeutschen Verbsystems//Festschrift für Hugo Moser zum 60. Geburtstag am 19. Juni 1969*. Düsseldorf, 1969. S. 53—65. 8. *Simko J. On some Questions concerning the Relationship of Grammar and Vocabulary//Zeitschrift für Anglistik und Americanistik*. 1955. Hf. 3. S. 305—315. 9. *Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака//История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях*, ч. II, М., 1965. С. 85—90.

Поступила в редколлегию 30.09.86

З. Н. ЛИПКО, канд. филол. наук,
И. П. ЛИПКО, канд. филол. наук

ВАРИИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛОМ HAVE В МОДАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (XIX И XX СТ.)

Проблема варьирования языковых единиц на различных уровнях языковой структуры принадлежит к числу важнейших проблем современной лингвистики.

В последние десятилетия указанная проблема привлекает к себе все большее внимание отечественных и зарубежных лингвистов [1—3]. И это не случайно, ибо вариантность, как справедливо отмечает С. Г. Бережан, «...это фундаментальное свойство языка, всех его единиц... самое яркое проявление постоянного эволюционного движения» [4, с. 36].

Отмечая важность и необходимость изучения варьирования не только в синхронии, но и в диахронии, Т. А. Расторгуева указывала на то, что варьирование присуще языку на разных этапах его развития и что «...его анализ особенно полезен для решения сложных проблем причинной обусловленности языкового развития» [5, с. 48—49].

Статья посвящена одной из частных проблем языкового варьирования на синтаксическом уровне в современном состоянии и микродиахроническом аспекте (XIX и XX ст.).

Из отечественной и зарубежной литературы видно, что этот вопрос не был объектом специального исследования. Показательно, что F. R. Palmer в своем обстоятельном исследовании проблемы модальности в английском языке даже не упоминает о возможности варьирования структуры отрицательных предложений с *have_{mod}*, указывая на единственно возможную структуру *you do not have to* [6, с. 95].

Соотношение BE и AE вариантов английского языка исследуется с учетом диалектического единства процессов конвергенции и дивергенции.

Материалом для исследования послужили художественные произведения английских и американских авторов XIX и XX вв. общим объемом в 40 тыс. страниц. Всего исследовано около 100 источников.

При анализе материала использовались следующие методы: 1) контекстуальный анализ художественных произведений; 2) количественный анализ; 3) сопоставительный; 4) структурно-семантическое описание исследуемых явлений.

Анализируя употребление до-структур и структур без *do* с глаголом *have_{mod}* в двух национальных вариантах, мы прежде всего определили их количественные характеристики, так как они являются объективным основанием, необходимым для качественной оценки анализируемых явлений и вскрывают закономерности и особенности развития языка, не поддающиеся прямому наблюдению. «Где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним скрытым законам» [7, с. 306].

Очень показательно, что закономерности, установленные для глагола *have* в его основном посессивном значении (*have_{pos}*) в различных его проявлениях [8, с. 15] остаются такими же и при *have_{mod}*.

Синхронический анализ исследуемых явлений обнаружил следующую картину: в BE в XIX в. до-структур с *have_{mod}* было в 15 раз больше, чем до-структур с *have_{pos}*; в AE в XIX в. до-структур с *have_{mod}* в 5,8 раза больше, чем до-структур с *have_{pos}*. Следовательно, общим признаком исследуемых национальных вариантов в XIX в. является больший удельный вес до-структур с *have_{mod}*, чем с *have_{pos}* (в BE — в 15 раз, а в AE — в 5,8), при этом удельный вес до-структур как с *have_{pos}*, так и с *have_{mod}* в AE больше, чем в BE в XIX в., для первых — в 7,5 раза (15 % — в AE и

2 % — в BE) и в 2,9 раза — для последних (87 % — в AE и 30 % — в BE).

Одним из дифференцирующих признаков исследуемых вариантов является различный удельный вес до-структур с have_{pos} и have_{mod}, а именно: если в BE в XIX в. доминируют структуры без do как с have_{pos}, так и с have_{mod}, то в AE это справедливо только для have_{pos}, с have_{mod} структуры без do существенно уступают до-структурам и представлены незначительным числом употреблений (13 %).

Приводим ряд примеров рассматриваемых случаев:

XIX в.

BE:

- Have_{mod}: 1. I didn't have long to wait. (Greenwood «The True...», p. 220)
2. We have not to learn that we are a couple of old maids. (Meregith «Egoist», p. 288)

- Have_{pos}: 1. It's true but I didn't have pins... (Kipling «The Light...», p. 88)
2. We haven't even a brush and comb. (Hardy «Tess...», p. 233)

AE:

- Have_{mod}: 1. I didn't have to wait long. (W. Cooper «You're...», p. 116)
2. My word! I haven't to count the young ones every ten minutes. (F. Cooper «The Prairie», p. 82)

- Have_{pos}: 1. I hadn't a friend to love me on earth. (Stowe «Uncle...», p. 180)
2. He didn't have any other name (Twain «Tom...», p. 173)

Что касается XX в., то в обоих национальных вариантах удельный вес до-структур с have_{mod} также выше по сравнению с до-структурами с have_{pos} с соотношением 4:1 (т. е. 95 и 24 %) в BE и 1,5:1 (т. е. 100 и 66 %) в AE. В этом — сходство BE и AE. Но при этом в XX в. наблюдается некоторое расхождение между BE и AE с точки зрения удельного веса до-структур и структур без do.

Так, если в BE с have_{pos} доминирующими по-прежнему остаются структуры без do (76 %), то в AE они уступают до-структурам (34 и 66 %). До-структуры с have_{mod} в BE равны 95 % при варьировании со структурами без do — 5 %, а в AE — первые равны 100 %.

Приводим ряд примеров рассматриваемых структур:

XX в.

BE:

- Have_{mod}: 1. Thank Goodness we did not have to dress up and go. (Manning «The Rain...», p. 195)
2. We don't have to worry about Bacharias Everett. (Lathen «When...», p. 207)
3. I know what you were doing with her, but I have not to say it. (Braine «Life...», p. 247)

- Have_{pos}: 1. I don't have the clothes now, I'd feel I wasn't paying a debt to nature. (Drabble «A Summer...», p. 196)
 2. He had not another coin in his possession. (Lawrence «Odour...», p. 63)

AE:

- Have_{mod}: 1. You don't have to go with Jem, you know. (Lee «To Kill...», p. 112)
 Have_{pos}: 1. No, you can't take me home, and I don't have my car. (Keyes «Victorine», p. 138)
 2. You haven't a room here as far as I know. (Green «Moiras», p. 128)

При диахроническом подходе к изучению варьирования have-структур с различным значением с do и без него обнаружен рост do-структур в XX в. по сравнению с XIX в. в обоих национальных вариантах, а также установлена интенсивность их роста. Так, если в BE do-структуры в XX в. выросли в 12 раз с have_{pos}, то с have_{mod} — в 3 раза. В AE рост do-структур с have_{pos} составляет 1:4,4, а с have_{mod} — 1:1,1.

Следовательно, можно констатировать тот факт, что интенсивность роста do-структур с have_{pos} в обоих национальных вариантах больше, чем интенсивность роста do-структур с have_{mod}. Это объясняется тем, что в XIX в. do-структур с have_{pos} было меньше по сравнению с do-структурами с have_{mod}, т. е. амплитуда сдвига оказалась большей для have_{pos}. Кроме того, если в BE мы наблюдаем рост do-структур за счет уменьшения числа структур без do как с have_{pos}, так и с have_{mod}, то в AE указанный процесс справедлив лишь для have_{pos}. Что же касается have_{mod}, то в XX в. do-структуры оказались единственно возможными, т. е. налицо процесс полного вытеснения структур без do, существовавших в XIX в.

Таким образом, в XIX и XX вв. в обоих национальных вариантах наблюдается варьирование отрицательных структур с have_{pos}, причем удельный вес do-структур больше в AE. Существенно иная картина при употреблении have_{mod}. Do-структуры являются нормой в XX в. для AE (100 %) и BE (95 %), т. е. в AE варьирования нет, а в BE структуры без do появляются в единичных случаях (5 %).

В данном случае проявляются свойственные любому языку отклонения от ведущей тенденции. Как пишет М. Л. Маковский, «...системность языка немыслима в «чистом виде», а неизменно предстает как диалектическое единство системных и асистемных явлений...» [9, с. 48].

Рост do-структур в BE и AE с have-структурами в модальном и посессивном значениях свидетельствует о том, что оба национальных варианта развиваются в одном направлении, т. е. в сторону усиления аналитизма на данном участке синтаксиса, но этот процесс осуществляется с различной интенсивностью.

Возникает вопрос о причинах более интенсивного использования вспомогательного do в предложениях с have_{mod}, чем с have_{pos}.

Гипотетически можно полагать, что в ВЕ и АЕ это обусловлено влиянием прочно закрепившейся в английском языке эмфатической формы с *do* (*He did know, She does have*) наряду с модальными глаголами и их аналогами, входящей в семантико-функциональное поле модальности.

По-видимому, укрепление позиций аналитизма мотивировано психологически — стремлением к единообразному оформлению единого содержания.

Как пишет Б. А. Серебренников, «изменение языкового строя не всегда связано с требованиями развивающегося мышления. Нередко оно связано с чисто психологическими особенностями, например, с тенденцией выражать одинаковые значения одной формой» [10, с. 174].

Проведенный анализ варьирования *do*-структур и структур без *do* с *have_{pos}* и *have_{mod}* в отрицательных предложениях в двух национальных вариантах дает основания для следующих выводов: 1) в XIX в. в ВЕ и АЕ в отрицательных предложениях с *have_{mod}* зарегистрировано варьирование структур с *do* и без него, причем в XIX в. *do*-структуры с *have_{mod}* доминировали в АЕ; 2) в XX в. наблюдается полная победа *do*-структур с *have_{mod}* в обоих национальных вариантах, тогда как и в ВЕ и в АЕ с *have_{pos}* еще наблюдается использование структур без *do* с различным удельным весом (76 % в ВЕ и 34 % в АЕ); 3) ВЕ и АЕ развиваются в одном направлении, т. е. конвергентные процессы на данном участке синтаксиса доминируют; 4) раздельное рассмотрение роста *do*-структур в каждом национальном варианте обнаруживает большую интенсивность процесса в ВЕ, чем в АЕ, в исследуемых моделях.

Список литературы: 1. *Вариантность как свойство языковой системы:* Тез. докл., ч. 1. М., 1982. 146 с.; ч. 2. 132 с. 2. Жлуктенко Ю. А. Варианты полинациональных литературных языков. К., 1981. 279 с. 3. *A Grammar of Contemporary English*/R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, I. Svartvik. London, 1972. 1120 p. 4. Березан С. Г. К проблеме лексической вариативности//Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл., ч. 1. М., 1982. С. 36—38. 5. Распоргуева Т. А. Варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1980. 51 с. 6. Palmer F. R. *Modality and the English Modals*. London and N. York, 1979. 196 p. 7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 306. 8. Липко И. П. Варьирование структуры вопросительных и отрицательных предложений с глаголом-сказуемым *have* в британском и американском вариантах английского языка в синхронии и диахронии: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. К., 1985. 24 с. 9. Маковский М. Л. Проблемы лингвистической комбинаторики//Вопр. языкознания. 1985. № 3. С. 43—58. 10. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. 318 с.

Поступила в редколлегию 25.09.85

**УСИЛИТЕЛЬНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В РЕКЛАМНЫХ
ТЕКСТАХ ГДР И ФРГ**

Выразительность рекламных текстов (далее — РТ) зависит не только от иллюстративного материала, от его художественного оформления, но и от языковых средств выражения. Ибо языковые средства выражения, пожалуй, больше чем искусство оформителя, производят «наиболее стойкое и сильное впечатление на потребителя» [1, с. 65]. Успех или неуспех РТ как единицы коммуникации, как «знака социальной ситуации» (по С. В. Неверову) проявляется в том, насколько он доходчиво, кратко и броско представляет определенную ситуацию, насколько прочно слова-маркеры фиксируются сознанием адресанта. Ведь языковые единицы несут в себе познавательное содержание, обмен которыми и составляет сущность языковой коммуникации. Но слово как элемент лексической системы какого-то определенного языка по «своей природе не может функционировать самостоятельно» [2, с. 39]. Оно входит составной частью в единую систему взаимосвязных элементов. Такой системой является текст, организованный по определенным правилам и несущий информационную, психологическую и социальную нагрузку общения.

В последнее время возрастает интерес к проблемам сопоставительного анализа [3, с. 9]. Изучение текста в сопоставительном плане дает возможность выявить как типичные, так и отличительные черты немецкого языка в условиях существования двух дивергентных государств — социалистической ГДР и капиталистической ФРГ.

Нам представляется актуальной попытка унилатерального анализа лексики в пределах языкового ареала ГДР и ФРГ на материале рекламных текстов, ограничившись функционированием сложных прилагательных. Для анализа были использованы журналы ГДР: «Sibylle», «Für Dich», «Praxis», рекламные проспекты; журналы ФРГ: «Neue Mode», Neckermann «Preis und Leistung» и «Katalog Welt».

На тысячу текстов (500 — ГДР и 500 — ФРГ) методом сплошной выборки было зафиксировано 250 сложных прилагательных ФРГ и 128 — ГДР. Мы увидели, что при создании сложных прилагательных используются уже имеющиеся в языке лексические элементы в виде основ тех или иных частей речи. Особенно продуктивны определительные сложные прилагательные, где первый компонент определяет или уточняет качество, признак, свойство, выраженное вторым компонентом, — *tropfnass, luftdurchlässig, bekleidungshygienisch, wadenlang, wertvoll, weltoffen, pflegeleicht* и др. Такие сложные прилагательные можно выделить в «особую группу» так называемых усилительных сложных прилагательных

[4, с. 209]. Мы присоединяемся к точке зрения И. Д. Молчановой, когда она говорит о том, что такое выделение усилительных сложных прилагательных (УСП) особую группу «оправдано как с семантической стороны... так и с формальной стороны — УСП выделяются... особым ударением, так называемым равностепенным ударением» [4, с. 210].

Рассматривая семантику в сопоставительном плане, мы можем отметить, что здесь выступает общий признак, хотя новое значение слова возникает на базе значений его составных частей. Но было бы неправильно говорить, что это новое значение есть сумма значений составных частей. Семантическое слияние значений компонентов дает то, что на первый план выдвигает основное, целостное, а если учесть то, что мы имеем дело с РТ, то это наиболее яркий, бросающийся, запоминающийся признак, часто гиперболического характера: *hauteng, hautnah, körpernah, samtweich, balsammild, hautsympathisch, weich, naturfrisch, naturgetreu, hellwach, lichtstark, modischprogressiv, pflegearm, trageleicht, kinderleicht* и др.

Особенность первого компонента здесь — он возводит признак, обозначенный вторым компонентом, в очень высокую степень, усиливает его. Имя существительное выполняет роль своеобразного фундамента, на котором воздвигается значение качества или признака. При образном употреблении, считает Л. В. Щерба, всегда выпячивается один какой-нибудь признак, а все остальные в той или иной мере затушевываются» [3, с. 89; 5]. Мы можем говорить о том, что значение сложного слова в целом подавляет значение его отдельных частей, хотя стержневое значение наличествует. Группа УСП в рекламных текстах ГДР и ФРГ довольно многочисленна. Образуются эти сложные прилагательные известным уже путем ($S+A$, $A+A+A$, $V+A$). Словообразовательный процесс идет непрерывно. Наряду с существующими исторически признанными словообразовательными компонентами, ставшими суффиксами или префиксами, как *haupt-, hoch-, -bar, -sam, -haft, -frei, -los, -wert(ig), -gerecht, -voll, -fest, -mäßig*, в сферу словообразования стягиваются новые слова, выполняющие роль первого или второго компонента. Составители РТ обоих государств охотно пользуются такими словами, как *freundlich—kofferfreundlich, technikfreundlich; günstig—preisgünstig, figurgünstig; sicher—selbstsicher, laufmachensicher, topsicher; stabil—oberflächenstabil, formstabil, dimensionsstabil; konstant—formkonstant, farbkonstant; lebendig—quicklebendig; beständig—formbeständig, waschmaschinenbeständig; echt—stilecht, farbecht, mottenecht; fähig—widerstandsfähig, strapazierfähig; betont—leicht körperbetonte Modelle, figurbetonter Oberteil, taillenbetonte Form; aktiv—atmungsaktiv*.

Эти или похожие основы, становясь компонентом сложного прилагательного, теряют в большей или меньшей степени свое предметное значение, их семантика выражена неярко.

В большей группе УСП представляют интерес сложные прилагательные, обозначающие цвет. С языковой точки зрения рекламу

уже давно не удовлетворяет принятая шкала цветов, что связано с влиянием моды. Авторы РТ здесь очень изобретательны, мы обнаруживаем самые неожиданные словообразования:

ГДР
 zitronengelb
 rotorange
 malachitgrün
 steingrau
 sandstein
 taubengrau
 wassergrün
 meerschäum
 senfkorn
 Atlantis
 oxsenblut
 tropenblau

ФРГ
 Blau-Grün-Skala
 rauchblau
 Europafarben
 kobaltblau
 brandheiß
 moccagold
 savannahgelb
 winterweiß
 schneeweiß
 gletschergrün
 lindgrün
 irischgrün

Эти УСП конкретизируют цвет через сравнение; их второй компонент (определяемое слово) передает цвет, а первый компонент (определяющее слово) уточняет оттенок через сравнение. Усиление здесь идет на базе предметного значения первого компонента и не затрудняет понимание новообразования.

Экономическая конъюнктура западного рынка накладывает заметный отпечаток на язык РТ в ФРГ. В них большое количество англоамериканизмов (Teenmodelle, Modeset, Citymode) [6, с. 58], частое употребление превосходной степени прилагательного (höchstaktuell), заимствованного префикса гиперболического характера super- (superpraktisch) и др. В группе УСП выделяется особая подгруппа «с двойным усилением»: absolut wasserfest, sagenhaft preiswert, enorm strapazierfest. Избыточность речевых усилий здесь ставится на службу психологической надежности воздействия информации.

Унилатеральный анализ только в системе сложных прилагательных позволяет говорить о том, что процессы дивергенции в лексическом составе немецкого языка, начавшиеся еще в 50-е годы, продолжают и углубляются, так как политические границы влияют на языковые.

Список литературы: 1. Неверов С. В. Текст как знак социальной ситуации// Пробл. психолингвистики. М., 1975. С. 64—70. 2. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. 173 с. 3. Федоров А. В. Немецко-русские языковые параллели. М., 1961. 302 с. 4. Молчанова И. Д. Особенности первого компонента «усилительных сложных прилагательных современного немецкого языка»//Общее языкознание, грамматика, лексикология и стилистика. 1959. XIX. 371 с. 5. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. М., 1940. 103 с. 6. Маевская Л. Д. Несколько замечаний о проникновении англицизмов в язык немецкой рекламы//Вестн. Харьк. ун-та, 1977. № 159. Иностр. яз. Вып. 10. С. 58—60.

Поступила в редколлегию 30.09.86

**ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА АВТОРА**

Трудно найти дисциплину, вокруг предмета и задач которой существовало бы столько споров, как в прагмалингвистике. И все же при всем различии взглядов можно наблюдать определенное сходство мнений в том, что большинство лингвистов связывают прагматику с различными способами интерпретации одного и того же пропозиционального содержания в зависимости от социальных и психических типов адресантов и адресатов применительно к конкретным задачам и целям высказываний в конкретной внелингвистической ситуации [1, 2]. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что «разработка теории интерпретации речевых произведений, появляющихся в тех или иных коммуникативных контекстах, составляет одну из главных задач прагматики» [3, с. 356]. Однако большинство исследований в этой области ограничивается, как правило, констатацией возможных вариантов интерпретации, и до сих пор не была предпринята попытка описания механизма реализации этих потенциальных возможностей, т. е. интерпретации конкретных высказываний в конкретных речевых ситуациях, что и составляет задачу настоящей работы.

Думается, что большие возможности для решения указанной задачи предоставляет перевод, поскольку варианты декодирования высказываний автора оригинала (адресанта) переводчиком, выступающим сразу в двух ролях (адресата и автора переводного варианта текста, т. е. адресанта), здесь формально зафиксированы. Особый интерес для исследования представляют дефекты декодирования, так как установление причин их возникновения позволяет проследить влияние различных факторов на выбор адресатом варианта интерпретации.

В некоторых работах указывалось на зависимость способа интерпретации от информированности адресата, его социального статуса [4]. При этом не уделялось должного внимания такому важному фактору, как половая принадлежность интерпретатора. Результаты исследований представителей феминистского направления в зарубежной лингвистике, которые, несмотря на ряд методологических заблуждения, вскрыли некоторые закономерности, регулирующие процесс речевого взаимодействия, свидетельствуют о существовании различий в схемах речевого поведения мужчин и женщин, которые часто приводят к дефектам коммуникации [5]. Назрела необходимость разработки указанного вопроса с позиций марксистско-ленинской методологии с целью проверки высказываемых зарубежными лингвистами гипотез и уяснения, в какой степени половая принадлежность адресата может стать причиной дефекта интерпретации.

В качестве материала для исследования использовались оригинальные тексты двух произведений И. Шой: «Rich Man, Poor Man»

(«Богач, бедняк») и «Evening in Byzantium» («Вечер в Византии»), обозначаемые в дальнейшем для удобства изложения соответственно ориг. 1 и ориг. 2*, и их переводы, выполненные И. Басавиной (в дальнейшем — пер. 1) и К. Чугуновым (пер. 2) **.

Полученные результаты позволяют утверждать, что зарегистрированные случаи дефектов интерпретации в пер. 1 при существенно большем их количестве по сравнению с пер. 2 могут быть представлены в виде следующих групп: ошибочное переключение регистров в направлении от неофициального к официальному *** (1); расхождения в выборе стилистического синонима в пределах одного и того же регистра (2), а именно: замена нейтральной лексики высокой (2а), сниженной лексики, включая вульгаризмы, нейтральной (2б); употребление эмоционально маркированных лексических средств вместо нейтральных (3). В пер. 2 ошибочного переключения регистров не наблюдалось. Имела место замена стилистически нейтральных лексических единиц сниженными (2в).

Рассмотрим по одному примеру на каждый типичный случай дефекта интерпретации.

(1) Примером подмены неофициального регистра официальным может послужить интерпретация в пер. 1 сцены первого знакомства главных героев ориг. 1: Теодора Бойлана и Гретхен Джордах. Автор оригинала, стремясь четко установить разницу в социальных статусах главных действующих лиц, варьирует формы приветствия, вкладывая в уста миллионера Бойлана фамильярное «Hello» и оставляя за Гретхен, мелкой служащей на одном из предприятий того же Бойлана, официально-почтительное «Good afternoon, Mr. Boylan» [ориг. 1, с. 50]. В переводе различия нивелируются, так как для передачи реплики Бойлана переводчик прибегает даже не к нейтральному «здравствуйте», а к официальному «добрый день» [пер. 1, с. 172 (8)].

(2а) Показательна подмена стилистически нейтральной лексики высокой в рамках неофициального регистра. В пер. 1 реплика Гретхен, сказанная в разговоре со старым знакомым: «Most of the time I thank god I'm no longer in New York» [ориг. 1, с. 380], приобретает вычурность, совершенно несвойственную речи героини: «Большую часть времени я возношу богу молитвы, благодарю его за то, что я не в Нью-Йорке» [пер. 1, с. 111 (10)]. Так, в переводе социальные характеристики действующего лица, находящие отражение в его речи, теряются вследствие того, что нейтральный глагол «thank» («благодарить») усиливается высокой лексикой («возносить молитвы»).

(2б) Интересен вариант интерпретации в пер. 1 реплики одного из действующих лиц, относящейся к Рудольфу, преуспевающему

* Irwin Shaw. Rich Man, Poor Man. New English Library, 1980. Irwin Shaw. Evening in Byzantium. New English Library.

** Шоу И. Богач, бедняк/Пер. И. Басавиной//Иностр. лит. 1980. № 8—11; Шоу И. Вечер в Византии/Пер. К. Чугунова//Иностр. лит. 1975. № 9, 10.

*** В настоящей работе термин регистр означает систему отбора языковых средств в зависимости от социальной ситуации. Учитывается три регистра: нейтральный — неофициальный — официальный [6, с. 75].

брату Гретхен и содержащей вульгаризм «*goddamn*», передающий раздражение, недовольство и т. д.: «*But just look at all the goddamn committees you're on. And you haven't got an enemy in the world*» [ориг. 1, с. 531], которая приобретает нейтральное звучание вследствие замены вульгаризма стилистически нейтральным прилагательным «бесчисленный». Ср.: «Но достаточно вспомнить все *бесчисленные* комиссии, в которые вы входите. И у вас нет ни одного врага» [пер. 1, с. 165 (11)]. В результате этого неадекватно передается психическое состояние говорящего, его отношение к Рудольфу.

(2в) Совершенно противоположное переключение наблюдается в пер. 2, когда нейтральная реплика Крейга, известного кинорежиссера, сказанная своей любимой женщиной, встрече с которой он очень рад: «*This hotel is death... there's so much noise outside we won't sleep all night*» [ориг. 2, с. 211], приобретает сниженную окраску в результате употребления грубовато-экспрессивного глагола «сдохнуть». Ср.: «А в этой гостинице *сдохнуть* можно. Так шумно, что всю ночь не заснешь» [пер. 2, с. 78 (10)]. Подобные лексические средства недопустимы в речи образованного, культурного человека, тем более в ситуации, где отношения между героями носят романтический характер.

(3) Не меньший интерес представляет пример, где эмоционально нейтральная авторская ремарка ориг. 1: «*She walked away from the car. He got out and came up to her and held her arm*» [ориг. 1, с. 102] приобретает эмоциональный заряд в пер. 1 в результате замены нейтральных глаголов «*walk*» («идти»), «*come up*» («подойти»), «*hold one's arm*» («взять за руку») эмоционально заряженными. Ср.: «Она *рунулась* прочь от машины. Бойлан вылез и *догнал* ее... *схватил* ее за руку...» [пер. 1, с. 182(8)]. Вследствие этого в искаженном виде передается психическое состояние героев, отношения между ними.

Дефекты интерпретации, допущенные в пер. 1 и пер. 2, различаются по характеру, и, несмотря на то что анализу было подвержено относительно небольшое количество материала, рассмотренные случаи представляют собой определенные закономерности, что подтверждает их неслучайный характер. С одной стороны, дефекты интерпретации ориг. 1 в пер. 1 связаны с ориентацией на более «престижные» образцы речи (ср. 1, 2а, 2б), в отличие от пер. 2, где возможны расхождения в обратном направлении, т. е. ориентация на менее «престижные» формы (ср. 2в). С другой стороны, дефекты интерпретации пер. 1 связаны с большей эмоциональностью высказываний по сравнению с оригиналом (ср. 3).

Ориентация женщин на более «престижные» образцы речи не случайна и может отчасти объясняться тем, что в процессе социализации мужчины и женщины усваивают разные правила социального поведения, навязываемые им несовпадением классов, психологических свойств и поведенческих структур, различающих мужчин и женщин в данное время, в данной культуре. Разумеется, идеалы маскулинности и феминности сегодня весьма противоречи-

вы и в них переплетаются как традиционные, так и современные черты [7, с. 80], но очевидно, что и сегодня от женщин ожидается более «корректное» социальное поведение, и для женщин отклонения от определенных норм поведения, в том числе и речевого, гораздо в большей степени влекут за собой опасность общественного отторжения, порицания, боязнь оказаться неженственной и т. п.

Справедливость наших рассуждений подтверждает один весьма интересный пример дефекта интерпретации высказывания ориг. 1 в пер. 1, когда женщина-переводчик, интерпретируя ответную реплику Гретхен на комплимент Бойлана: «You're beautiful, beautiful, beautiful». «I think so, too... Today! — she said» [ориг. 1, с. 58], прибавляет слово «смущенно», которого нет в оригинале — ср.: «Сегодня! — *смущенно* сказала она» [пер. 1, с. 176(8)] — только потому, что исходя из ее социокультурных представлений, девушка должна смутиться в подобной ситуации.

Думается, что определенное влияние социокультурного фона интерпретатора наблюдается и в приведенном выше примере (3). Описываемая сцена между Бойланом и Гретхен имеет место после ссоры героев и принятия Гретхен решения порвать с Бойланом навсегда, и то, что эмоционально нейтральная сцена ориг. 1 приобретает эмоциональный накал в пер. 1, объясняется отчасти тем, что переводчик, опираясь на свой социокультурный опыт, создает собственную модель поведения девушки в подобной ситуации.

Если для женщин характерна ориентация на так называемый «открытый социальный престиж», т. е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, то для мужчин допустима ориентация на так называемый «скрытый социальный престиж», т. е. отклонение от общепризнанных норм, так как если определенные отклонения от нормы несовместимы со стереотипом феминности, то они могут укладываться в стереотип маскулинности [8, с. 91—95]. Это в какой-то степени, конечно, может объяснить случаи подмены нейтрального стиля сниженным в пер. 2.

Результаты специальных психологических исследований дают некоторое научное обоснование большей эмоциональности речи женщин. Найдено, что если мужчины воспринимают речь, как правило, левым полушарием мозга, то у женщин речевые функции размещены в обоих полушариях, т. е. мозг у них менее асимметричен [9, с. 240]. С другой стороны, исследования, проведенные во многих лабораториях мира, показали, что логический смысл речи человек воспринимает левым полушарием головного мозга, а эмоциональный — правым.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что половая принадлежность адресанта, наряду с его социокультурным фоном, играет значительную роль в интерпретации и создании текста. Следовательно, полученные результаты в целом подтверждают общетеоретическое положение о том, что в тексте перевода неизбежно отражаются социальные установки, ценностная художественно-эстетическая ориентация самого переводчика [10, с. 19] и служат конкретными рекомендациями переводчику,

которые необходимо учитывать во избежание излишней феминизации или маскулинизации текста оригинала.

Список литературы: 1. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. 40, № 4. С. 333—342. 2. Колшанский Т. В. Прагматика языка//Сб. науч. тр. 1979. № 151. С. 3—8. 3. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. 40, № 4. С. 356—368. 4. Почепцов Г. Г. Коммуникативно-прагматические аспекты семантики//Филол. науки. 1984. № 4. С. 29—36. 5. Maltz D., Borker R. A cultural approach to male-female miscommunication//Language and social identity. Cambridge, London, New York, 1982. P. 196—216. 6. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978. 220 с. 7. Кон И. С. Психология половых различий//Психология индивидуальных различий. М., 1982. С. 78—84. 8. Trudgill P. Sociolinguistics. An introduction. Penguin Books, 1975. P. 7—27. 9. Удалова Г. П., Кашина И. А. Об индивидуальных особенностях межполушарной асимметрии при зрительном опознании: Тез. и рефераты докл. 27 совещ. по пробл. высшей нервной деятельности. Л., 1984. С. 240. 10. Швейцер А. Д. Социолингвистические основы теории перевода//Вопр. языкознания. 1985. № 5. С. 15—25.

Поступила в редколлегию 27.09.86

Н. Н. МАСЛОВА

**ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
ФИНИТНОГО ГЛАГОЛА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ИНДИИ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ
АНАЛОГИЧНЫХ СИСТЕМ В ЯЗЫКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
И США**

В последние десятилетия изучение различных типов языковой вариативности — объект не только лингвистики, но и социолингвистики: в сферу сопоставления вовлекаются различные реализации языковой вариативности в их отношении к многомерному социальному пространству.

Варьирование морфологической сферы английского языка в Индии до сих пор не получило достаточного освещения в литературе, особенно в аспекте сопоставления с различиями в аналогичных сферах в Великобритании и США (в дальнейшем изложении — ВЕ и АЕ).

В статье рассматривается варьирование морфологической сферы ІЕ в сопоставлении с ВЕ и АЕ.

Изучение функциональной специфики неомогенного национального языка невозможно без решения вопроса о статусе его различных разновидностей. Кратко остановимся на вопросе о статусе ВЕ, АЕ и ІЕ в архисистеме современного английского языка. Факт равноправного положения ВЕ и АЕ в качестве национальных вариантов английского языка установлен исследователями [1, с. 41—54]. Вопрос о статусе ІЕ, как и определение перспектив развития английского языка на субконтиненте, требует разработки.

Анализ функционирования английского языка в ареальных подсистемах, его специфика может иметь двойное объяснение: экстралингвистическое и как следствие — собственно лингвистическое.

Различия в англоязычной публицистике будут рассмотрены по двум линиям: 1) количественные корреляции в рамках личных форм глагола изъявительного наклонения; 2) семантико-функциональные различия в сопоставительных системах, включающие различные явления, такие, как переосмысление семантики личной формы, вызванные особенностями восприятия темпорально-аспектуальной формы билингвами; случаи необычной комбинаторики финитных форм. В работе принята классификация газетных жанров [2] с небольшими модификациями.

I. Особенности варьирования темпорально-аспектуальной сферы современного английского языка исследовались на материале следующих газетных жанров: передовая статья, информационные статьи (включающие внешне- и внутрисполитическую информацию), краткие газетные сообщения, хроникальные заметки (спорт, театр и пр.), письма читателей, очерки.

Анализ частотных различий включает особенности функционально-стилистической вариативности в пределах газетного стиля современного английского с учетом его социально территориальных модификаций. Были подробно исследованы соотношения финитных граммем в различных газетных жанрах. По нашим наблюдениям, газетные жанры по степени убывания межсистемной унификации располагаются следующим образом: информативные статьи, краткая газетная информация, передовые статьи, письма, очерки, спортивная хроника. То есть тенденция к жанрово-стилистической унификации сильнее в традиционных газетных жанрах. Социокультурные различия существенной роли при этом не играют. Отмечен более высокий удельный вес Present Perfect и Past Perfect IE, особенно в традиционных газетных жанрах, по сравнению с использованием этих форм в BE и AE.

В рамках корреляции Present Perfect — Past Perfect можно отметить следующее — в подсистеме IE (Н+Д) отмечен стабильно высокий уровень двух перфектных времен, особенно в традиционных жанрах, где разрыв между ними наименьший (краткая газетная информация — информативные статьи, передовые статьи), тогда как в синтетических жанрах — письмах и очерках, в IE следует выделить IE (Н), где особенно высок удельный вес Present Perfect, тогда как в IE (Д) при высоком удельном весе Present Perfect — 15,2 % до 4 % возрастает доля Past Perfect. В BE и AE можно констатировать стабильно высокий уровень Present Perfect в традиционных жанрах — информативных статьях и краткой газетной информации.

II. Семантико-функциональные различия граммем финитного глагола в ареальных подсистемах современного английского языка —

1) переосмысление семантики личных форм под воздействием социокультурной интерференции, а также особенностей языкового контакта в IE:

а) употребление Past Perfect в контексте, не показывающем предшествования, когда эта форма обозначает центр коммуни-

кации: «She had also undertaken a nine-week concert-cum-lecture tour of the UK, the USA and Canada, sponsored by Bharatiya Vidya Bhavan, London and Amer Khusro Society of America». («Indian Express», 11/X—84, p. 7);

b) употребление Past Simple там, где отчетливо выражено предшествование: «Earlier he was suspended for attending a function at the Prime Minister's house where she released some books published by DGPS». («The Times of India», 5/II—83, p. 1);

c) употребление Present Perfect с точной датой в прошлом: «The Rejastan Governor, Mr. O. P. Mehra has summoned the vidhan sabha on February 17» («The Times of India», 8/III—82, p. 5). В IE переосмысление нередко сочетается со специфической комбинаторикой финитных граммем, точнее, ее частным случаем, — нарушением формального согласования: «Akmed Zaki Yamani, Saudi Minister of petroleum and mineral resources, has said his country does not consider itself committed to the maintenance of the OPEC benchmark price of 34 a barrel, but would profest it as faras it could». («The Times of India», ibid., p. 9).

2) Атипичные сочетания финитных граммем:

a) Present Simple-Future-in-the Past: «Mr. Ernile assured the church official they would be present when the suspected clergymen are interviewed». («The Telegraph», 13/III—82, p. 3). Подобное сочетание Present Perfect с Future-in-the Past — доказательство тенденции к переосмыслению Present Perfect как формы прошедшего, воздействующей на форму V_{fin} в придаточном предложении. Подобные случаи (в стиле художественной прозы) в BE отмечены в работе А. Корсакова [3];

b) случаи подобной, атипичной для BE комбинаторики зачастую сопровождаются нарушением модальной аттракции, как в случае сочетания: Past S. Past Perfect Pr. Perfect: «He said at the airport: «I want to meet you blokes every evening. Clarify anything from me». He had sat through the 80 minutes flight from Bombay to here in a brown study. Apparently he has spent the time collecting his thoughts». («Indian Express», 13/X—84, p. 16);

c) Pr. S. — Future-in-the Past: «This question comes within the purview of statisticians because, if the proposal is accepted, Indian cricket would be setting up another record». («Indian Express», 21/X—84, p. 14). В специальной литературе можно найти соображения по поводу того, что нарушение в согласовании времен в прессе Великобритании носит скорее традиционный, чем оригинальный характер [4].

Представляется, что правила согласования времен нуждаются в пересмотре, во всяком случае применительно к газетным текстам, где функционально-семантическое своеобразие употребления глагольных форм определяется реальным соотношением событий во времени и информационно-коммуникативной направленностью самих материалов, что нередко сочетается с нечеткостью в способах введения прямой и косвенной речи: «An Article in yesterday's Fi-

pancial times spelt out how unprofitable Murdoch's US newspapers are, even though others make money there». («Morning Star», 14/II—85, p. 5).

Случаи отсутствия согласования времен отмечены и в американской прессе: «The Common Wealth Countries made it clear to Thatcher that they want major sanctions». («People's Daily World», 9/VIII—86, 8A).

Анализ количественно-качественных различий граммем финитного глагола в ареальных подсистемах современного английского языка свидетельствует о наличии расхождений в удельном весе глагольных граммем, обусловленном принадлежностью к различным социотерриториальным разновидностям английского языка; различные семантико-функциональные характеристики граммем финитного глагола также выступают как доказательство внутренних различий между подсистемами, особенно между двумя национальными вариантами (ВЕ и АЕ) и индийским региональным субвариантом: в индийском региональном субварианте IЕ(Н) и IЕ(Д) прослеживаются такие семантико-функциональные особенности в системе финитного глагола, как переосмысление семантики финитных граммем; отклонения в комбинаторике финитных форм, обусловленные влиянием социокультурной интерференции и спецификой условий языкового контакта.

Список литературы: 1. Швейцер А. Д. Система форм существования современного английского языка в США//Функциональная стратификация языка. М., 1985. С. 41—54. 2. Galperin I. R. Stylistics. M., 1971. P. 306—318. 3. Korsakov A. The Use of Tenses in English. Lvov, 1969. 250 p. 4. Наер В. Л. О соотношении традиционного и оригинального в языке английской газеты//Лингвистика и методика в высш. шк. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1967. С. 79—94.

Поступила в редколлегию 30.09.86

Е. И. МОРОЗОВА, канд. филол. наук

КОММУНИКАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАРИИРОВАНИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО И ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы стилистических особенностей языка нераздельно связаны с изучением особенностей семантики языковых единиц в их естественном коммуникативном окружении [1, с. 34—35]. Актуализация языковой единицы, при которой она проявляет свой семантико-стилистический потенциал, акцентирует свои коннотативные компоненты, происходит только лишь в условиях специально организованного контекста. Одним из весьма распространенных принципов такой организации является принцип повторной номинации.

В данной статье предпринимается попытка рассмотрения соотносительного употребления имени прилагательного и глагола как материальной данности художественной речи, основным свойством которой является отражение личного авторского восприятия, что обуславливает возрастание роли ассоциативных связей, обогаща-

ющих рассматриваемые единицы новыми смысловыми оттенками, сообщающими тексту дополнительную семантическую и эмоциональную емкость [2, с. 24].

Структура среды, в которой живут корреляты, во многом определяет их функционально-стилистическую значимость. В рамках текста, как известно, различают микротекст (контекст), т. е. непосредственное окружение, и макротекст — собственно весь текст. В одних случаях исследуемые корреляты реализуют свою семантику в контексте, в других — в тексте. Обратимся к рассмотрению микроконтекстной сферы действия адъективного и глагольного коррелятов.

В варьировании коннотативного компонента исследуемых единиц значительное место принадлежит метафорической номинации. Образный компонент может актуализироваться как в одном из коррелирующих признаков имен (как правило, в прилагательном, обладающем более широкими возможностями интенсификации признака в образном его представлении) (а), так и в обоих (б): а. «In the silence of the sleeping house I stood quite still for some minutes, up against the impassable fact of this man, beyond which I could not get». (Lawrence D. H.); б. «It was a story that tended to sprawl all over the place, and yet it remained essentially portable. You could always take it home with you and reflect on it while sitting, say, in the out-going water in the bathtub». (Salinger J. D.)

В последнем случае соотнесенные имя прилагательное и глагол образуют развернутую метафору.

Употребление имени прилагательного с ослабленной образностью в одном ряду с глаголом способно оживить метафоричность первого: «'Sharp customer, 'he said. 'So sharp that he cuts himself sometimes.» (Christie A.). «He said: 'Yeah, I helped my dad hang the only rap on you that ever stuck.' 'It didn't stick, mug. Not with the Court of Appeals.' 'Maybe this one will, 'Malvern said carelessly. 'Kidnapping is apt to be a sticky rap in this state». (Chandler).

В антитезных структурах проявляются изобразительные потенции коррелятов, организованных по принципу разнонаправленности залоговых сем (а), предельности/непредельности динамического признака (б), константности/переменности признака (в): а. «He had slowed up to avoid the inevitable end of his thought...» (Fitzgerald S.); б. «Can we not cease this ceaseless play of word-foolery?» (Sheckley); в. «The written work is simply an attempt to express emotion, which is in itself inexpressible, in terms of intellect and logic». (Huxley A.). «There might be yet another explanation for Charles's singular behaviour. It was possible that he did not desire her because she was not desirable». (Maugham W. S.).

Антитеза может сочетаться с хиазмом (а), хотя последний может служить средством экспрессивной организации имени прилагательного и глагола в высказывании и самостоятельно (б): а. «I was attainable, within reach; they just out of reach, never gained...» (Weldon F.); б. «Weakening, Kraggash became evil; becoming evil, Kraggash grew weak». (Sheckley R.).

Употребление имени прилагательного и глагола в одном ряду нередко является эффективным средством выражения градуированного признака. Единицы градационного ряда располагаются в порядке нарастания экспрессивности, эмоциональной напряженности: «Amongst these guests there was someone perhaps who for some reason mattered, was important». (Christie A.). «I like Lester. He is the biggest in that family. But he's too indifferent. He doesn't care enough». (Dreiser Th.)

Речевая ситуация может раскрывать сравнительно отдаленную степень сходства сопоставляемых в градуальном плане признаков, обусловленную тем, что значение одного из элементов противопоставления представлено в форме образного перифраза: «She was never very sure about the mousse; it was usually all right, but she did not trust it». (Drabble M.)

Имена прилагательные характеризуются широкими возможностями передачи категориальных значений глагола [3], что отражается на стилистических потенциях коррелятов. Использование имен прилагательных и глаголов с противоположными залоговыми семами создает возможность избежать монотонности высказывания: «A variation, a sudden lack of brilliance, a missed opportunity — that would have been immediately noticed. Unluckily you were all strangers to each other. Variation in play would not be so noticeable». (Christie A.)

Варьирование разнонаправленных имени прилагательного и глагола служит изменению аффицированности субъекта, что, естественно, влечет за собой сдвиг в коммуникативной перспективе предложения: «...the bullfighter who has ability to do extraordinary things with the bull which are capable of producing the intensest degree of emotion in the spectator will not attempt them with a bull which he cannot depend on to charge; so, if the bulls are bad, that is only vicious rather than brave, undependable in their charges, ...it is best that they are to be fought by bullfighters with knowledge of their profession». (Hemingway E.)

Интересный объект для стилистических наблюдений представляют корреляты, включающие сему модальности. Их варьирование может быть обусловлено различиями соответствующих форм в интенсивности. Соположение коррелятов такого рода в одном синтагматическом ряду или в нескольких контактных высказываниях способствует выявлению дополнительной стилистической информации: детализируется модальный план высказывания и постепенно нарастает его эмоциональность: «She was a formidable-looking woman; could it be, was it possible, that there was something in this sort of thing after all?» (Huxley A.) «'Can you hate? Are you capable of hating?'» «'To hate is a waste of time'». (Christie A.)

Модальные прилагательные с семой возможности нередко соположены в синтагматической цепочке с контрастными знаменательными глаголами, противопоставленными им по признаку: а) потенциальная возможность совершения действия, выраженного основой

отглагольного прилагательного — совершение действия: «...it was quite surprising how frequently the impenetrable jungle is penetrated in stories...» (Durrell G.). «Problems which seemed insoluble would often solve themselves in sleep». (Greene G.); б) потенциальная возможность совершения действия, выраженного основой отглагольного прилагательного — реализация этой возможности: «Dear, I wish you were a human girl with a spankable bottom long enough for me to spank it». (Heinlein R.). «How would you bet if you were a betting man?». (Sheckley R.)

Изложенное выше дает основания заключить, что системные связи между именем прилагательным и глаголом необходимо искать не только в границах денотативных значений, но и в терминах коммуникативно-стилистических характеристик исследуемых структур. Экспрессивная направленность коррелятов исследуемого типа в художественном тексте определяется, прежде всего, коммуникативной интенцией говорящего, куда включаются соображения стилистического порядка, реализующиеся за счет конвергенции имени прилагательного и глагола в развернутой метафоре, антитезных и параллельных структурах различного рода, градационных рядах. Если варьирование экспрессивно нейтральных имен прилагательных и глаголов в тексте обусловлено различиями в степени концентрации признака, его обобщенности, константности и динамичности [3], что при определенных условиях не исключает возможности синонимической взаимозамены коррелятов, то художественно содержательные имена прилагательные и глаголы в тексте взаимосвязаны и взаимообусловлены. Сила их сцепления настолько велика, что извлечение из системы текста любого из коррелятов нарушает целостность этой системы.

Список литературы: 1. Кошанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. 174 с. 2. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л., 1979. 327 с. 3. Морозова Е. И. Функционально-семантическая корреляция имени прилагательного и глагола в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. К., 1985. 24 с.

Поступила в редколлегию 20.10.85

Э. Г. ПАПОВЯНЦ, канд. филол. наук

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ГРАНИЦЫ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

Системный характер синонимических корреляций предложений качественной характеристики (ПКХ), являющихся средством прямой и косвенной номинации качественного признака, позволяет рассматривать их не изолированно, а на уровне синонимического ряда. Синонимический ряд ПКХ, члены которого выражают различные стороны качественной характеристики субъекта, представляет закрытую систему.

Анализ состава синонимических рядов ПКХ обнаружил, что максимальная длина синонимического ряда ПКХ включает семь единиц: She is charming — She has charm — There is charm about her — She is a charmer — She is a lady of charm — The charm of her — What a charming lady.

Однако не во всех случаях синонимические ряды ПКХ имеют в своем составе максимальное количество единиц. В синонимических рядах ПКХ может отсутствовать одно, два и более образований. Ряд предложений исследуемого типа вообще не вступает в системно-синонимические связи. «В любой системе, в любой группе связей всегда обнаруживаются противоречия» [1, с. 19].

Каковы границы синонимических рядов ПКХ? Чем определяется вхождение или невхождение в их состав тех или иных образований?

Возможность передачи близких значений разноструктурными моделями и их соотносительная трансформация безграничны. С одной стороны, гибкость и подвижность языковой системы вызывает сближение различных языковых единиц, с другой — в языковой системе всегда существуют «фильтры», контролирующие языковое движение и обеспечивающие отбор наиболее целесообразных из них.

Анализ языкового материала позволяет выделить ряд основных факторов, определяющих границы синонимических рядов ПКХ. К ним относятся прежде всего факторы лексико-морфологического плана.

Синонимическому сближению разноструктурных предикатов, реализующих то или иное типовое значение, способствуют функционально-семантические связи имени прилагательного, имени существительного и глагола, проявляющиеся в грамматической организации предложения. Однако потенциальная возможность корреляции данных частей речи во многих случаях остается нереализованной.

Отсутствие лексемы данных морфологических классов нередко является основным препятствием возникновению синонимических коррелятивных единиц. В связи с этим следует разграничивать принципиальную возможность синонимического варьирования того или иного типового значения, основанную на существовании в языке прямого и косвенного способов выражения языковых реалий, и конкретно лексическую возможность.

Наличие соответствующей лексемы определяется деривационной структурой словообразовательного гнезда, лежащего в основе ряда синтаксических синонимов. «При этом границы словообразовательных разрядов не связаны с последовательной регламентацией, они определяются лишь исторической традицией и языковой нормой» [2, с. 194].

Наиболее регулярными образованиями являются синонимические ряды ПКХ, возникающие на основе деривационно-соотнесенных друг с другом качественных прилагательных и деадъективных имен существительных, например: *Shrewd* — *shrewdness*; *earnest* — *earnestness*; *intelligent* — *intelligence*, *tender* — *tenderness*.

1. «*He was shrewd and practical...*» (Dreiser). «*Of course you had to admit that he had a sort of cleverness, shrewdness rather...*» (Maugham). 2. «*And the Governor, who was a very earnest ... man,*

listened with all attention» (Dreiser). «At the same time, *there was about Jephson a hard, integrated earnestness...*» (ibid.).

Хотя трансформационные возможности качественных прилагательных велики, они не носят всеобъемлющий характер, ибо существует ряд качественных имен прилагательных, которые не соотносятся с однокоренными существительными [3]. Вследствие словообразовательных ограничений некоторые адъективные предложения оказываются вне синонимического ряда: «He was always... *breezy...*» (Maugham). «He was... so *bluff...* that no one could help liking him» (ibid.). «His features were *aquiline...*» (Stevenson)

Возможность возникновения синонимических параллелей зависит не только от словообразовательного потенциала прилагательных, но также существительных и глаголов. Так, например, большая группа существительных, содержащих эмоционально-оценочный компонент в их предметно-логическом значении, таких, как *scoundrel*, *cad*, *blackguard*, *drab*, *ruffian*, не имеет коррелятов среди прилагательных и глаголов. Вследствие этого номинальные предложения модели $N_1-V_{cop}-N_2$, в которых имя признака выражено существительными такого рода, не образуют синонимических параллелей с двусоставными адъективными и глагольными ПКХ: «He was an idle, useless *scoundrel...*» (Maugham). «You are a most unmitigated *cad...*» (ibid.).

Что же касается словообразовательного потенциала глагола, то следует отметить, что не все глаголы обладают одинаковой способностью к номинализации [4], в результате чего ряд глагольных ПКХ не имеет синонимичных номинальных структур: «She was always *blundering*». (Mitchell). «Poor Fanny was always *imagining insults*». (Lawrence).

Синонимические корреляции ПКХ могут быть обусловлены избирательной способностью лексем к заполнению позиции имени признака в предложениях той или иной структурной схемы. Как указывает А. М. Мухин, «...разные позиции создают неравные условия для функционирования языковых единиц» [5, с. 54].

Так, обращает на себя внимание, с одной стороны, та легкость, с которой абстрактные имена качества заполняют позицию имени признака в субстантивных ПКХ экзистенциальной модели $The\ re\ be-N_1-prpN_2$ и, с другой — ограниченные возможности их функционирования в субстантивных предложениях иных структурных типов.

Позицию имени признака в субстантивных предложениях моделей $N_1-V_{semi-cop}-N_2$, $N_1-V_{cop}-N_2-prpN_3$ занимают лишь те имена качества, которые характеризуются положительной коннотацией. Только такое лексическое наполнение является предпосылкой синонимического сближения субстантивных ПКХ моделей $N_1-V_{semi-cop}-N_2$, $N_1-V_{cop}-N_2-prpN_3$ с субстантивными предложениями экзистенциального типа: *This woman has unbounded energy — She is a woman of unbounded energy — There is unbounded energy in this woman; He had a charming honesty — He was*

a man of charming honesty — There was a charming honesty in him.

Если же имя качества не обладает данным семантическим признаком, то субстантивные ПКХ модели $N_1 - V_{semi-cop} - N_2$; $N_1 - V_{cop} - N_2 - prp N_3$ не могут образоваться, что, естественно, сокращает длину синонимического ряда.

Синонимические связи адъективных, субстантивных и глагольных ПКХ могут блокироваться и вследствие действия семантических факторов, к которым мы относим:

ослабление связи между исходной и производной частями речи. Это явление можно наблюдать в адъективно-глагольных параллелях. Так, например, в некоторых отглагольных прилагательных с суффиксом -able не обнаруживается семантическая связь с исходным глаголом. Происходит демотивация, выражающаяся в приобретении прилагательным другого значения. Сравним, например, глагол to agree, который означает: 1) соглашаться, договариваться, сходиться во мнении; 2) давать соглашение; 3) ладить, уживаться; 4) соответствовать, гармонировать, согласовываться, с прилагательным agreeable, которое употребляется в значении «приятный, милый»: «Rose's parents had never been very agreeable to work for». (Drabble)

асимметрический тип семантической связи исходной и производной частей речи, проявляющийся в сужении или расширении объема значений в производной единице.

Специализация значения нередко наблюдается у производного существительного в процессе номинализации исходного глагола. Сравним, например, значения исходного глагола to scrap и производного существительного scrapper: scrap 1. повздорить, подражаться; 2. бороться, боксировать; scrapper 1. драчун, забияка; 2. хороший, смелый боксер; 3. (кач. хар.) человек, которому присущи бойцовские качества, тот, кто не сдается без боя, как, например, в предложении:

«The doctor said she had a chance and I know my sister. She is a scrapper». (Robbins)

Иллюстрацией расширения объема значения может служить появление у производного существительного сем, отсутствующих в семантической структуре исходного глагола, как, например, имплицитно содержащейся семы отрицательной оценки у существительного informer или семы положительной оценки у существительного looker: «Is it informer you think I am?» (Cusack). «Wooh-ain't she a looker!» (ibid.).

В ряде случаев синонимические связи разрушаются вследствие метафорических или метонимических переносов. Например, вследствие метафорического или метонимического переосмысления следующие предложения не могут быть причислены к синонимам: You are by nature a cautious man (осторожный, осмотрительный человек) $\neq$ You are a caution (чудак, человек со странностями). She is an anxious person (беспокойный, всегда чего-либо опасую-

щийся человек) ≠ She was certainly an anxiety (человек, причиняющий беспокойство).

Все эти семантические процессы ведут к значительным расхождениям как в объеме, так и в содержании изучаемых единиц, что ведет к распаду их синонимических корреляций.

Синонимическому сближению адъективных, номинальных и глагольных ПКХ могут препятствовать и некоторые другие факторы.

Возможность возникновения синонимических параллелей зависит от характера модификатора стержневого компонента в субстантивных ПКХ.

Образованию синонимов препятствует наличие:

а) поликомпонентных модификаторов в препозиции или постпозиции, представляющих характеристику в детализированном виде: «He has *that tall lanky, «rangy» loose-jointed graceful close-cropped formidably clean American look*». (Murdoch)

Такие сложные качественные параметры признака не могут быть адекватно переданы адвербиальными компонентами при имени прилагательном;

б) типизированных фразеологизмов синтаксической идиоматики в качестве модификаторов стержневого компонента: «He was *something of an athlete*». (Maugham). «It made life exciting, and she was *too much of a woman not to like excitement*». (Conrad)

Трансформационная соотнесенность ПКХ различных моделей может детерминироваться предрасположенностью синтаксических моделей к регулярным реализациям, что вызвано не столько семантическими различиями, сколько факторами нормативно-стилистического порядка: громоздкостью некоторых образований. Как правило, ПКХ субстантивных моделей, характеризующихся конструктивной избыточностью, проявляют резистентность к структурно-семантическим модификациям; что же касается глагольных ПКХ, то им не свойственен ни один вид модификаций.

Как показали исследования, границы синонимического ряда ПКХ определяются факторами лексико-морфологического, семантического и синтаксического плана, к которым относится словообразовательный потенциал опорного компонента номинации, избирательная способность лексем к заполнению позиции имени признака в предложениях той или иной структурной схемы, изменение в семантической структуре исходной и производной частей речи, характер модификаторов, а также способность предложений того или иного грамматического оформления образовывать различные структурно-семантические модификации.

Список литературы: 1. Филин Ф. П. О специальных теориях в языкознании// *Вопр. языкознания*. 1978. № 2. С. 17—25. 2. Бондарко А. В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике// *Принципы и методы семантических исследований*. М., 1976. С. 108—202. 3. Bowers J. Some Ajectival Nominalization in English// *Lingua*. 1975. 37. № 40. P. 341—361. 4. Тимошенкова Т. М. Семантическая емкость номинальной модели $N_1 - V_{\text{сop}} - N_2$: Дис. ... канд. филол. наук. К., 1980. 154 с. 5. Мухин А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов на материале древнеанглийского языка. М.; Л., 1964. С. 292.

Поступила в редакцию 30.09.86

ПЕРФЕКТНЫЕ ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЗАВЕРШЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ

По сей день большие разногласия среди германистов вызывают значение, выражаемое перфектными формами в современном немецком языке. Историческая специфика образования перфекта, состоящая в том, что эта форма в ранний период своего существования, равно как и те синтаксические конструкции, из которых она вышла, служила для обозначения состояния в настоящем, явившегося результатом какого-то действия в прошлом, дала повод для различной трактовки современного значения перфекта. Это выражается в том, что многие немецкие лингвисты рассматривают перфектные формы исключительно как формы завершенности, используя при этом соответствующие термины (*Vollzugsform*, *Vollendungsform*, *Zeitform der Vollendung*).

Определенную негативную роль здесь сыграло также ошибочное понимание самих терминов *Perfekt* и *Imperfekt* относительно к современному состоянию немецкого языка, где «эти термины можно использовать лишь условно, имея в виду то обстоятельство, что ни одно грамматическое время нельзя объяснить, исходя из его случайного наименования» [1, с. 80].

Акциональная трактовка перфекта имеет среди немецких лингвистов давнюю традицию, однако присущие ей противоречия часто обнаруживаются самими ее приверженцами. Так, О. Бехагель дважды, и всякий раз по-иному, определяет значение перфекта: сначала как временной формы для обозначения законченности действия, а затем как формы для обозначения незаконченного, простирающегося до настоящего действия [2, с. 291, 294].

Сравнивая перфект с претеритом, О. Бехагель все же приходит к выводу, что выражать определенную часть функций претерита стали описательные конструкции с *haben* и *sein* в сочетании с причастием прошедшего времени. При описании значений, обозначаемых перфектом, О. Бехагель вынужден признать, что в немецком языке перфект может употребляться в значении просто прошедшего времени без наличия какого бы то ни было результата: *stieß ich ihn mit dem Fuße, er schrie, sah mich an und wedelte mit dem Schwanze, noch hat er keinen Bissen Brot aus meiner Hand bekommen* (*ibid.*).

Однако, хотя О. Бехагель, а также В. Вильманс [3, с. 187], И. Хр. А. Гейзе [4, с. 351], исследуя сферу употребления перфекта, прошли мимо многочисленных языковых фактов, демонстрирующих возможность использования перфекта в значении просто прошедшего времени, что шло вразрез с интерпретацией его как формы для выражения характера протекания действия (*Aktionssart*), акциональная трактовка перфектных форм стала в немецкой теоретической грамматике преобладающей.

Даже в современной немецкой грамматической терминологии очень часто используются определения, предложенные некогда Л. Зюттерлином и отражающие точку зрения на перфект и плюсквамперфект как на формы Aktionsart: vollendete Gegenwart = Perfekt; vollendete Vergangenheit = Plusquamperfekt.

Процессы прошлого могут охватываться перфектом только как целое, без представления о временной протяженности, в лучшем случае в их результате. Констатируется завершенность. При этом о временной атмосфере завершенности ничего не говорится. Не временное содержание глагола реализуется в перфекте, а факт завершенности [5, с. 338].

Наиболее категорично тезис о том, что основное значение перфекта в немецком языке — это обозначение действия как завершенного, законченного, т. е. о наличии в нем якобы двух способов действия, сформулирован у А. Хоппе. Ср.:

Zeitstufe	Aktionsart	Verbform
Gegenwart	ablaufend vollendet	Präsens Perfekt
Vergangenheit	ablaufend vollendet	Imperfekt Plusquamperfekt

Сторонники вышеизложенной теории часто мотивируют значение завершенности в аналитических перфектных формах наличием в их составе причастия прошедшего времени (Vollzugsform = Partizip II) [6, с. 3].

Однако если термин «форма завершенности» приемлем применительно к причастию II на ранних этапах развития немецкого языка, когда, образованное от любого глагола, оно в составе форм перфекта и плюсквамперфекта всюду имело значение завершенности (sie eigin ginomanan druhtin minan = они имеют взятым господина моего), то в современном немецком языке причастие II может обозначать как завершенное, так и незавершенное действие. При этом важно отметить, что причастие II и при самостоятельном употреблении, не будучи элементом какой-либо аналитической формы, не всегда обозначает завершенное действие.

Это особенно наглядно обнаруживается на примере употребления причастия II в атрибутивной функции. Конкретный языковой материал показывает, что здесь причастия I и II, являясь самостоятельными членами предложения, могут выражать одно и то же значение, а именно значение протекания действия, когда отсутствует результат. Такое значение, как известно, приписывается в основном причастию I [7, с. 123].

Ср.: 1) Ich habe mich eben aufgehalten, um die *singenden* Kinder vorbeigehen zu sehen.

2) Die Arbeiter sahen wie das Haus wuchs; die Kinder bewunderten das schnell *gebaute* Haus.

В приведенных примерах причастие I и причастие II обозначают одноразовое, продолжающееся во времени действие.

Однако причастие II может обозначать действие не только в его протекании, но и действие как результат, т. е. выполнять функцию, не присущую причастию I. Ср.: *sie wohnen in einem neu gebauten Haus*.

Из всего сказанного следует, что причастие II при самостоятельном употреблении не обязательно придает обозначаемому им действию значение завершенности. То же самое можно сказать и о его функции в составе аналитических перфектных форм времени. При оценке акциональной трактовки перфектных форм немецкого языка следует исходить из того факта, что «немецкий язык не выработал системы грамматических глагольных форм, которые в славянских языках связаны с видовыми формами глагола» [8, с. 551]. Это означает, что немецкие глагольные перфектные формы не могут считаться грамматическим способом выражения аспектуальных значений. Здесь важно отметить, что сами термины *vollendete Gegenwart*, *vollendete Verg.-heit*, используемые традиционной немецкой грамматикой, приемлемы лишь в том случае, если они обозначают не видовую завершенность действия, как, например, в русском языке — «он уехал», «я сделал», а завершенность временную, т. е. тот факт, что действие больше не длится.

Обозначаемые перфектными формами процессы могут к определенному моменту, в частности к моменту речи, либо находиться в состоянии протекания, либо быть завершенными. Эта завершенность процесса может выражаться в том, что процесс прекратился, прежде чем количественные изменения привели к изменениям качества. Однако он может протекать и дальше, если например, будут устранены различные причины, которые этому препятствуют. Процесс еще не исчерпал сам себя. Ср.: *Vor zwei Tagen hat er lange in seinem Garten gearbeitet*.

Анализируя приведенный пример, нетрудно заметить, что завершенность действия налицо, но завершенность во времени (действие к моменту речи не происходит). При этом нет никаких признаков того, что действие больше не возобновится. Перфектные формы могут обозначать и результат действия: *Er hat sich vor zwei Wochen auf die Reise vorbereitet (und ist jetzt fertig)*.

В данном предложении перфект имеет результативное значение, но результат этот виден только при наличии другого сказуемого (*ist fertig*). Сама по себе форма перфекта не обладает здесь способностью к выражению результата. Необязательное наличие результата при употреблении перфекта демонстрирует также такой пример: «*Auch ihre Hände waren wieder hochgewachsen, auch ihre. In zwei Stunden kommt er, auf den sie von Kindheit an gewartet hat. Da standen, weil Glück und Leid Kinder derselben Mutter sind, doch wieder Tränen in ihren Augen*». (L. Frank)

В приведенном примере перфект вполне равнозначен с претеритом (*hat gewartet* = *wartete*).

В работе [9] верно отмечается, что под результативностью обычно имеются в виду чрезвычайно разнообразные и неопределенные случаи связи законченного действия с моментом речи. При рассмотрении значения, выражаемого глагольными формами, результат часто просто домысливается. В качестве примера берется, в частности, форма Present Perfect = I have seen him.

Результат, который домысливается при переводе ее на русский язык, может выглядеть следующим образом: 1) я знаю, как он выглядит; 2) я имею собственное представление о его наружности; 3) встретила с ним, разговаривала с ним, передала свою просьбу; 4) говорила с ним и знаю, как решено дело; 5) говорила с ним и знаю все новости; 6) видела его — значит, он в городе, а не уехал, как мне говорили и т. д. И здесь вполне убедительным представляется вывод о том, что только контекст позволяет определить, какой из результатов наиболее подходит в данном случае. «Но необходимость прибегнуть к контексту показывает, что значение результата не лежит в самой форме» [9, с. 107]. Сказанное можно с полным правом отнести и к «результатам», обозначаемым формой *ich habe ihn gesehen* в немецком языке.

Список литературы: 1. *Weinrich H.* Tempus. Besprochene und erzählte Welt// Sprache und Literatur. 1964. 16. 358 S. 2. *Behaghel O.* Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung. II. Heidelberg, 1924. 444 S. 3. *Wilmanns W.* Deutsche Grammatik. Verbum. Strassburg, 1906. 315 S. 4. *Heyse J. Chr. A.* Deutsche Grammatik. Hannover, 1908. 519 S. 5. *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971. 939 S. 6. *Flämig W.* Zur Funktion des Verbs. I. Tempus und Temporalität// Deutsch als Fremdsprache. 1964. Hf. 4. S. 1—8. 7. *Duden.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3 Aufl. 4. Mannheim, 1973. 763 S. 8. *Petkov P.* Zur inhaltlichen Identität der deutschen Tempora// Deutsch als Fremdsprache. 1977. Hf. 4. S. 198—207. 9. *Иванова И. П.* Вид и время в английском языке. Л., 1961. 204 с.

Поступила в редколлегию 13.09.85

А. А. ПРОКОПЧУК, канд. филол. наук

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Исследования в области синтаксической семантики, лингвистики текста, прагматики наглядно показывают, что не все языковые явления, локализованные в рамках простого или сложного предложения, могут быть объяснены без выхода за эти рамки. Данное обстоятельство приводит к расширению зоны наблюдения и изучения при исследовании синтаксических объектов. Предметом синтаксического исследования можно считать не только структурно-семантические особенности и функционирование составляющих предложения, не только структуру и семантику предложения как цельного образования, но и контекстуальные условия употребления отдельных типов предложения, их текстообразующие потенции.

Между определенным («меченым») предложением и контекстом, включающим данное предложение, существует взаимная обусловленность. С одной стороны, в контексте предложение приобретает относительную однозначность. «Проявляющее», компенсирующее и уподобляющее воздействие текстового окружения может, по словам Г. Н. Эйхбаум, касаться различных сторон конкретного предложения: смысловой интенции, модально-темпорального плана, эмотивности, структурного строения [1, с. 147]. С другой стороны, само предложение имеет определенную ориентированность («валентность») относительно своего возможного окружения. Последняя проявляется в том, что при сокращении некоторых компонентов контекста, выражаемое ими содержание не устраняется полностью, а переводится в область импликаций. При восприятии такого текстового фрагмента осуществляется компенсация сокращенного контекста за счет проецирующего воздействия «меченого» предложения, за счет вызываемых им пресуппозиций и ожиданий.

Характер ориентированности предложения на контекст зависит прежде всего от структурно-семантических свойств предложения. Важную роль при этом играет наличие в нем реляционных слов или слов, совмещающих реляционное значение с другими типами значения, линейный порядок составляющих, степень полноты предложения.

Для большинства типов сложноподчиненного предложения (СПП) характерно то, что они являются не только знаком отношения и не только заключают в себе «контекстуальный квант», ограниченный собственными рамками [2, с. 9], но и то, что они содержат в себе «контекстуальный квант», направленный во внешний контекст. Эта внешнеконтекстуальная ориентированность СПП связана в первую очередь с показателем отношения, локализованным в придаточном предложении. Придаточное и главное предложения, обычно равноценные с точки зрения важности передаваемой ими информации, неравноценны в коммуникативном развертывании текста с точки зрения их обращенности к окружающим предложениям. Придаточное предложение, как справедливо отмечает ряд лингвистов, обращено влево, оно дополняет, комментирует (вводя «тупиковую» информацию) то, что выражается главным предложением, осуществляющим движение коммуникативной прогрессии слева направо. Это не значит, однако, что контекстуальная ориентированность всех типов СПП единообразна. Можно предположить, что различие в отношениях, выражаемых в существующих типах СПП, связано с контекстуальными различиями, проявляющимися при употреблении соответствующих СПП в тексте.

Данное предположение проверяется здесь на материале немецких СПП, в основе которых лежит отношение каузальности и которые в немецких грамматиках нередко объединяются общим названием «каузальное предложение» (Kausalsatz) [3, с. 72—74; 4, с. 589—595]. Внутри каузальных предложений разграничивают

СПП с придаточными причинами, условия, уступки, а также СПП с придаточными следствия и цели. Данные СПП относятся к двучленным, по терминологии Н. С. Поспелова, их составляющие характеризует относительная информативная равноправность, отношения между ними выражаются семантическими союзами. По своему содержанию составляющие названных сложных предложений должны быть такими, чтобы положение вещей, называемое одним элементарным предложением, оценивалось как следствие (консеквент) положения вещей (антецедента), называемого другим элементарным предложением. Грамматическая семантика каузальных СПП формируется путем сочетания каузального содержания с другими признаками: реальной — нереальной (нейтральной) модальностью, признаком достаточности — недостаточности каузального отношения, направленностью в понижении синтаксического ранга одной из составляющих. Так, СПП с придаточными причины можно представить как образование, в котором достаточное каузальное отношение связывает реальные положения вещей и антецедент представлен предложением, пониженным в синтаксическом ранге, т. е. придаточным предложением.

Структурно-семантические особенности, которыми одни разновидности СПП с общим признаком каузальности отличаются от других, накладывают отпечаток на способ включения этих предложений в контекст. Специфика контекстуальных связей характеризует отдельные группы рассматриваемых СПП, отдельные их типы, а внутри типа — его типичные и менее типичные употребления.

Один из наиболее естественных, хотя и не самых частотных, способов включения СПП в контекст заключается в подхвате придаточным предложением содержания контактно или дистантно расположенного предложения левостороннего контекста. Есть языки, для которых данный способ соединения предложений является очень существенным при построении текста [5, с. 63—64]. Названное в левостороннем контексте положение вещей осмысливается в составе СПП (в форме придаточного предложения причины, условия, уступки как действительная, потенциальная или недостаточная причина другого положения вещей, консеквента: *Ich denke täglich an ihn, denn täglich kann er winken. Und weil ich an ihn denke, liebe ich das Leben*» (E. Kästner); «*und Onkel Phile aß schnell, und er aß, obwohl er schnell aß, lange*» (E. Strittmatter).

Если в левостороннем контексте отсутствует содержание, передаваемое придаточным предложением, то придаточное предложение проецирует данное содержание в левосторонний контекст, так что существует возможность вставить его в левосторонний контекст: *und das Mädchen schaute hinein, und weil es leer war, dachte es: (...) (Grimm)*. Ср.: *und das Mädchen schaute hinein. Es war leer. Und weil es leer war, dachte es.*

Среди СПП, в основе которых лежит каузальное отношение, СПП с придаточными следствия и, в значительной мере, с придаточными цели имеют свою специфику включения в текстовый фрагмент. Придаточному следствия не свойственна левосторонняя направленность, оно не только не подхватывает содержания из левостороннего контекста, но и не допускает вставки соответствующего содержания в левосторонний контекст. Соотнесенность с контекстом осуществляется здесь не через составляющую СПП, не сентенциально, а через лексико-грамматические компоненты составляющих, их признаки, общие с компонентами и признаками предложений контекста. Недопустимость предвосхищения в левостороннем контексте содержания, выражаемого придаточным предложением с союзом *so daß, daß*, обусловлена тем, что следственное отношение связано с процессом выведения знания умозаключения, процессом, который не согласуется с самоочевидностью, фактуальностью. Придаточному следствия свойственны признаки временного следования, коммуникативной неподготовленности, неожиданности. Данные признаки коррелируют с закрепленной за придаточным следствия функцией ремы в сложном высказывании, с его обязательным постпозитивным употреблением по отношению к главному предложению.

СПП с придаточным цели включается в контекст двояко. Если придаточное предложение цели постпозитивно и выполняет функцию ремы в сложном высказывании, а это имеет место приблизительно в 92 % случаев употребления, то этому СПП свойственен такой же способ включения, как и СПП с придаточным следствия. СПП с препозитивным и интерпозитивным придаточным цели способно соотноситься с левосторонним контекстом. Близость СПП с придаточным следствия и СПП с придаточным цели проявляется в том, что в текстах, в которых наблюдается нейтрализация противопоставления модальных значений реальности-нереальности (в инструкциях, рецептах и др.), эти предложения становятся взаимозаменяемыми: «Aus Butter und Mehl eine Schmitze bereiten, mit Milch und Brühe auffüllen, so daß eine sämige Soße entsteht» (Rezeptbuch); «Später zusammen mit Reis, Dill, Salz, Pfeffer und Eiern gründlich verrühren, damit eine glatte Masse entsteht» (Rezeptbuch).

Фрагменты текста, включающие СПП с придаточным условия, отличаются от фрагментов, включающих другие каузальные СПП, как правило, большей сложностью и объемом. Связано это с тем, что в таких фрагментах каузальное отношение (логическая импликация) обычно взаимодействует с альтернативным отношением (дизъюнкцией) [2, с. 104—105]. Данные текстовые фрагменты способны включать несколько пропозиций, связываемых отношением дизъюнкции и выражаемых отдельными предложениями, инфинитивными группами, компонентами слитного предложения. Члены дизъюнкции могут различаться по признаку «утвердительный-отрицательный» или по другим признакам (другому признаку). С этой частью текстового фрагмента, левосторонним контек-

стом, через придаточные соотносится соответствующее количество условных СПП, в которых указывается на то, какое потенциальное следствие наступит, если будет иметь (или не иметь) место каждое из положений вещей (антецедентов), названных в левостороннем контексте: «Was war besser: zum Friedhof zu gehen oder nicht zum Friedhof zu gehen? Für beide Verhaltensweisen gab es gute Motive. Ging ich nicht zu Herrn Blumsacks Beerdigung, so konnte es heißen: Er fürchtete die Öffentlichkeit (...) Nähme ich hingegen am Begräbnis teil, würde man mir insgeheim vorwerfen: (...)» (G. Johann). Особенно распространены такого рода фрагменты в научных текстах, где важно указать на наличие у предмета определенных свойств, признаков, а затем раскрыть потенциальные следствия, вызываемые актуализацией этих свойств, признаков.

Закрепленность в языковом сознании связи условного предложения с контекстом дает возможность сокращать объем соответствующего фрагмента. Сокращение объема осуществляется за счет опущения дизъюнктивно связанных предложений контекста, с которыми соотносятся придаточные условия, а также за счет СПП с придаточными условия. Так как часто пара придаточных предложений условия различается только признаками «утвердительный-отрицательный», то второе придаточное предложение может принимать сокращенную форму wenn nicht: «Wenn wir Glück haben, kommt vielleicht im Frühjahr das Schuldach dran, wenn nicht, dann legen wir die Versprechungen dem Herrn Redakteur vielleicht doch auf die goldene Waage» (O. Domma). В контексте с другим условным СПП целое условное СПП может быть представлено выражением und umgekehrt: «Ist ein Denotat (...) situativ präsent, so ist auch die Klasse als Denotat-situativ präsent (und umgekehrt)» (R. Pasch).

Структурно-семантические особенности контекста, взаимодействия с лексико-грамматическими свойствами условных СПП, принимают участие и в реализации многочисленных некатегориальных значений, наслаивающихся на условное и даже вытесняющих его [2, с. 107—137; 6, с. 14—19]. Так, опора придаточного условия на предложение левостороннего контекста с модальным значением реальности создает предпосылки для ослабления значения условности и способствует актуализации причинного значения: «Sie können gegen den Mann doch nichts unternehmen (...) Und wenn man nichts unternehmen kann, wenn niemand einen Nutzen davon hat, taugt das Geschäft nichts». (M. von der Grün). Ср.: Da man nichts unternehmen kann, ...

СПП с придаточными условия входят и в состав таких текстовых фрагментов, первая составляющая которых выражает побуждение. Наличием данной составляющей имплицуруется смысл: требуемое может быть (не) исполнено. С первой составляющей и имплицуемым ею смыслом соотносится придаточное последующего условного СПП. Ориентация на исполнение требуемого (в этом случае придаточное совпадает с предложением левосто-

ронного контекста по признаку «положительный-отрицательный») связана с привнесением в фрагмент содержания поощрения, обещания сделать что-то приятное: «Macht auf», sage ich, «wenn ihr aufmacht, erwerbt Ihr Euch die ewige Seeligkeit!» (I. L. Perez). Ориентация на неисполнение требуемого, проявляющаяся в наличии противопоставленности придаточного условного и побудительного предложения по признаку «положительный-отрицательный», связана с привнесением в фрагмент содержания угрозы, предостережения, предсказания нежелательных последствий: «Streu mir weißes Mehl auf meine Pfote (...) Wenn du es nicht tust, so fresse ich dich». (Grimm)

Изложенное выше свидетельствует о том, что отдельным группам СПП, их типам, вариантам свойственна привязанность к определенным разновидностям контекстов. В синтаксических исследованиях, грамматиках целесообразно не только перечень и описание структурно-семантических типов СПП, но и сведения об их употреблении, о коммуникативных целеустановках.

Список литературы: 1. Эйхбаум Г. Н. О текстово-семантических функциях предложений. На материале двукомпонентных предложений без глагола в немецкой монологической речи // Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979. С. 147—156. 2. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986. 201 с. 3. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1966. 518 S. 4. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1974. 629 S. 5. Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. 1976. Вып. 103. С. 60—70. 6. Савченко И. Я. Взаимодействие синтаксиса, семантики и прагматики немецкого сложноподчиненного предложения с условным значением: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1985. 23 с.

Поступила в редколлегия 28.09.86

Л. Н. ПРУДНИКОВ, канд. филол. наук

УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ В РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Статья посвящена рассмотрению особенностей двух новых учебных словарей английского языка и возможностей их применения в работе переводчика. Строгого определения понятия «учебный словарь» пока не существует. Следует предположить, что это — словарь, регистрирующий какое-то количество наиболее употребительной лексики, снабженный примерами сочетаемости и типичного употребления слов и предназначенный для изучающих данный язык. «...словари, изданные специально для изучающих английский язык в качестве иностранного, оказывают последним... более ощутимую помощь, нежели толковые словари для носителей данного языка» [1, с. 44].

Первый из рассматриваемых словарей — это «Словарь современного английского языка» издательства Лонгман [2]. Данный словарь предназначается в первую очередь для тех, кто изучает английский язык в качестве иностранного.

Во многих отношениях словарь издательства Лонгман представляет собой новаторскую работу, так как в нем использованы достижения современной лингвистики, что дает возможность более

полного и точного описания языка, чем то, которое можно найти в традиционных словарях, причем это описание является простым и ясным.

Важной чертой словаря издательства Лонгман является то, что в нем все определения и примеры даются в пределах словника из 2000 слов, отобранных из частотных и учебных списков английских слов. Используются только основные значения и легко понятные производные этих 2000 слов. Словник приведен в конце словаря. Тем самым удовлетворяется один из основных лексикографических принципов: определения должны состоять из более простых слов, чем те слова, которые определяются. Если в определение включаются слова, не входящие в двухтысячный минимум, то применяется система отсылок.

В словаре применяется система помет, указывающих сферу употребления слова или значения.

Почти при каждом слове даются две транскрипции, соответствующие британскому и американскому произношению.

Большой заслугой составителей словаря является отказ от гнездовой системы расположения слов, которая применяется, например, в учебном словаре под редакцией Хорнби [3]. Каждое слово рассматривается в отдельной словарной статье. Это касается и так называемых *phrasal verbs* — глаголов с наречием или предлогом. Благодаря этому такие глаголы, как *make up*, *get away* размещаются рядом со словами, производными от них (*makeup*, *getaway*). Такое расположение применяется в английских словарях впервые.

Идиомы даются под словами, имеющими наиболее идиоматическое значение, или под менее обычным словом. Так, а *bone of contention* дается под словом *bone*, поскольку оно более диоматично в данном выражении. А *a pig in a poke* дается под словом *poke*, так как оно менее обычно.

Значительное внимание уделяется словосочетаниям. Словосочетания даются посредством примеров; посредством объяснений в примечаниях по словоупотреблению; жирным черным шрифтом в круглых скобках, если словосочетание встречается очень часто и стало устойчивым (но не идиоматическим), например, *beyond one's ken* — при слове *ken*.

Новой чертой словаря издательства Лонгман по сравнению со словарем Хорнби являются примечания по словоупотреблению. В них рассматриваются особенности употребления близких по значению слов, например: *high*, *tall*; *solitary*, *lonely*, *alone*.

Даются отсылки к паронимам — словам, близким по форме, которые легко могут быть спутаны, например, *complimentary* — *complementary*.

Словарь включает, по нашим подсчетам, около 40 000 слов. Такое же количество слов содержится и в словаре Хорнби, но объем словаря издательства Лонгман — 250 авторских листов, а словаря Хорнби — 165 авторских листов.

Словарь издательства Лонгман представляет собой ценное пособие не только для изучающих английский язык (разумеется, на продвинутом уровне), но и для переводчиков.

Строгое использование определяющего словника во многих случаях приводит к совершенно новому семантическому анализу, что дает возможность подбирать удачные переводы. Например, слово *eager* на основании данных словаря издательства Лонгман (*keen; full of interest or desire*) можно перевести как «полный интереса». Такой перевод отсутствует в Большом англо-русском словаре [4], где дается: «страстно стремящийся; нетерпеливый; жаждущий; напряженный; энергичный; острый».

В словаре издательства Лонгман имеется значительное количество слов и словосочетаний, отсутствующих в Большом англо-русском словаре [4] и в Дополнении [5], например: *big end (in a car engine) the part of a connecting rod which joins onto the crank* — нижняя головка шатуна. Это словосочетание, отсутствующее даже в Англо-русском политехническом словаре [6], тем не менее встречается и в художественной литературе: *my father is in a bad mood — he thinks his big end is going* [7] — отец в плохом настроении — он считает, что в машине вот-вот сломается нижняя головка шатуна.

Из числа других словосочетаний, отсутствующих в Большом англо-русском словаре [4], можно назвать:

fool's mate — a particular set of moves in the game of chess, by which a player can beat an inexperienced opponent very soon after the start of the game — детский мат;

dusty answer — an answer which is not likely to please or satisfy the questioner — неудовлетворительный ответ.

Словарь издательства Лонгман дает сведения страноведческого характера, отсутствующие в Лингвострановедческом словаре [8], например: *reverse the charges — to make a telephone call to be paid for by the person receiving it* — перевести оплату телефонного разговора за счет вызываемого.

В целом словарь издательства Лонгман может оказать значительную помощь переводчику.

Другим учебным словарем, представляющим значительную ценность для переводчика, является Англо-русский учебный словарь Е. А. М. Уилсон [9]. Данный словарь является совместным изданием издательства «Русский язык» и английского издательства «Пергамон Пресс». Словарь предназначен в первую очередь для англичан, изучающих русский язык. Но как сказано в предисловии, «словарь будет интересен и для русского читателя, изучающего английский язык. Он может быть полезен и преподавателям английского языка», и переводчикам.

Полиграфическое оформление словаря выполнено на очень высоком уровне. В нем достигнуто то, что в введении названо «eloquence to the eye», четкое разделение шрифтов английской и русской части, применение цветной печати.

Словник охватывает наиболее употребительную лексику, а также термины, часто встречающиеся в разговорной и письменной речи.

В словаре широко применяется система стилистических помет.

Почти к каждому слову даются типичные словосочетания и фразеологические выражения. Словарь удобен для переводчика тем, что в нем даются готовые переводы, в том числе целый ряд очень удачных переводов, в особенности разговорных выражений.

Тщательно разработаны и выделены различные значения слов.

В словаре Е. А. М. Уилсон содержится, согласно титульному листу, 75 000 слов и выражений. Подсчет заглавных слов дает около 30 000. Объем словаря — 90 авторских листов.

Несмотря на значительно меньший объем, словарь Е. А. М. Уилсон включает целый ряд выражений, отсутствующих в Большом англо-русском словаре [4] и Дополнении [5], например:

we must count our blessings — но есть и хорошие стороны;

to his lasting shame — к его великому стыду;

the illness caused no lasting damage — болезнь не имела серьезных последствий.

Таким образом, наличие ценных лексикографических пособий [4, 5, 8] могут оказать ощутимую помощь переводчику.

Список литературы: 1. *Ступин Л. П.* Словари современного английского языка. Л., 1973. 66 с. 2. *Longman Dictionary of Contemporary English*. L., 1978. 1303 p. 3. *Hornby A. S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. L., 1974. 1054 p. 4. *Большой англо-русский словарь*. М., 1972. 863 с. 5. *Дополнение к Большому англо-русскому словарю*. М., 1980. 431 с. 6. *Англо-русский политехнический словарь*. М., 1976. 648 с. 7. *Townsend S.* The Diary of Adrian Mole. L., 1983. 187 p. 8. *Великобритания.* Лингвострановедческий словарь. М., 1978. 480 с. 9. *Уилсон Е. А. М.* Англо-русский учебный словарь. М., 1982. 720 с.

Поступила в редколлегию 30.09.86

М. С. РЕТУНСКАЯ, канд. филол. наук

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО И АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПАРАМЕТРОВ СЛОВА

Эмоционально-оценочная лексика, связанная с многочисленными социальными факторами (моралью, этикой, историей, психологией и т. д.), является неременной принадлежностью любого национального языка и представляет собой межъязыковую универсалию. Такие слова, как «головорез», «витийствовать», «пакостник», «лакействовать», «лизоблюд», «гадина» и т. д., обладающие эмоционально-оценочными коннотациями, прочно закреплены в узусе. Наиболее оптимальным способом представления эмоциональной оценки является ее присутствие в дефиниции толкового словаря и в сопроводительных пометах: презр., неодобр., пренебр., ласк., ирон., шутл. и т. д.

Можно констатировать, что четкая и непротиворечивая система эмоционально-оценочных помет в словарях отсутствует: от-

дельные пометы определяются в большинстве случаев традиционными и индивидуальными устремлениями составителей словарей. Тем не менее, появившись в словаре, они приобретают обязательность для языкового коллектива в целом и претендуют на объективность. Весьма часто в фундаментальных толковых и двуязычных словарях эти пометы могут отсутствовать при сохранении помет, намечающих сферу употребления слова — функционально-стилистических: прост., диал., разг., книжн.

Признавая в целом тенденцию к взаимообусловленной манифестации стилистических и эмоционально-оценочных свойств слов, нельзя не отметить, что стилистические пометы не всегда в состоянии отметить эмоционально-оценочные обертоны отдельных слов, налагающие известные ограничения на их употребление и акцентирующие их нетривиальность. Если в отношении субколлоквиальной лексики можно констатировать, что стилистическая маркированность единиц влечет за собой эмоционально-оценочную, то в отношении остальных стилистических регистров, особенно супернейтральных, от такой констатации разумнее воздержаться.

Традиционно считается, что эмоциональная оценка сопровождается, как правило, коллоквиальную и субколлоквиальную лексику. По мнению В. А. Хомякова, общий слэнг имеет ярко выраженный эмоционально-оценочный характер с преобладанием коннотации над денотацией [1]; его можно рассматривать как средство выражения оценки путем стилистической сниженности: в грубоватом характере этой лексики заложены потенциальные возможности выражения эмоциональной оценки (преимущественно пейоративного характера). Это обстоятельство позволило некоторым исследователям [2—4] считать помету «слэнг» наиболее эксплицитной формой выражения оценки в лексикографии. В такой помете, по их мнению, отражается и социальная стратификация, и многообразные речевые ситуации, в которых употребляется лексическая единица. Если вместо *judge, policeman, prison, stomach, nose, drunken, mouth* говорящий употребляет такие неконвенциальные средства выражения, как *beak, crusher, refrigerator, breadbasket, trunk, wall-eyed, potato-trap* — налицо информация не только о лексическом репертуаре говорящего и его социальном статусе, но и отрицательная оценка предметов (их свойств) сквозь призму индивидуального словоупотребления.

Ярко выраженная эмоционально-оценочная коннотация предвещает насмешку над социальными, этическими, эстетическими и другими условностями и авторитетами. Лексикографические данные убедительно свидетельствуют, что эмоциональная оценка закрепляется преимущественно за коллоквиальными и субколлоквиальными лексическими единицами. Эта закреплённость предопределена неофициальным характером общения, его спонтанностью, эмоциональностью, личностной направленностью.

Закрепление узуальных (фиксированных в лексикографии) эмоциональных оценок за супернейтральной лексикой происходит реже: в наборе коннотативных компонентов семантической струк-

туры этих слов (значительную часть которых составляет лексика терминологического характера) преобладают стилистические маркеры. Тем не менее существует немало свидетельств того, что и супернейтральная (книжная) лексика сопровождается эмоциональной оценкой:

ГРОМОГЛАСНЫЙ	— книжн., устар., <i>шутл.</i> ,
ДЩЕРЬ	— <i>ирон.</i> устар.,
МАНЕРНЫЙ	— книжн. <i>неодобр.</i>
РЕНЕГАТ	— книжн., <i>презр.</i> ,
СЛОВОБЛУДИЕ	— книжн., <i>презр.</i> ,
ЭЛОКВЕНЦИЯ	— книжн., устар., теперь <i>шутл.</i> или <i>ирон.</i> ,
ЯСНОВЕЛЬМОЖНЫЙ	— истор., теперь <i>ирон.</i> (Данные СУ) [5]
EXOGITATION	— книжн. <i>неодобр.</i> «выдумывание», «измышление»,
EGERIA	— преим. <i>ирон.</i> «советчица», «вдохновительница»,
PHRONTISTERY	— книжн. <i>ирон.</i> «место для занятий и раздумий»,
NEWSPEAK	— лит. <i>ирон.</i> «неоязык», «бюро- крат. жаргон»,
SANCTIFIED	— книжн. 2) <i>ирон.</i> «ханжеский»,
ABSTRACTION	— эвф. <i>шутл.</i> «кража». (Данные БАРС) [6]
NÜTZLICHKEITAPOSTEL	— <i>ирон.</i> «утилитарист»;
JURISTEREI	— уст. и <i>шутл.</i> «юридические нау- ки», юридическая казуистика»,
ABLSBERTEILUNGK- RÄMER	— ист. <i>презр.</i> «торговец индуль- генциями»,
KOMMAFUCHSEREI	— <i>ирон.</i> «педантичная проверка (правильная расстановка) каж- дой запятой». (Данные БНРС) [7]
MOINERIE	— <i>презр.</i> «монашеская братия»,
PRINCIPICULE	— <i>ирон.</i> «князек»,
RATIOCINATION	— <i>пренебр.</i> «умствования», фило- софствования»,
CAUDATAIRE	— 2) <i>презр.</i> «прихвостень», «угод- ник» (ист. паж, несущий шлейф римского папы или предата). (Данные ФРС) [8].

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что книжная лексика (или лексика, тяготеющая к книжному слою) является достаточно эффективным средством выражения оценки всех оттенков. Как видим, стилистические различия отмечаются между фамильярным и высоким стилем, различия же между литера-

турным языком и диалектами в оценочном плане не представляются существенными.

Средством выражения сугубо отрицательной оценки является лексика, имеющая пометы «груб.», «вульг.», «бран.».

Вопрос об экстремальном эмоционально-оценочном характере этого стилистического регистра лексики является дискуссионным по причине ее номинативной неполноценности и большого количества штампов с нивелированной оценочностью. В этом плане представляет интерес общая характеристика бранного слова, которую дает герой романа И. Шоу «Вечер в Византии» кинорежиссер Дж. Крейг: «...it was neither ugly, nor beautiful in itself, and it was so widespread, that it had almost no meaning or many different meanings that it was no longer a *valid linguistic coin*...».

Номинативные возможности этого разряда лексики, как видим, относительно невелики и, как пишет Ю. М. Скребнев, «употребляя арготизм, говорящий знает, что он употребляет не то слово, которым обычно обозначается данное явление действительности, а суррогат, заменитель этого слова...». Одним из мотивов употребления в качестве средств эмоциональной оценки отдельных единиц бранной лексики может считаться демонстрация «своеобразного негативизма в речевом поведении» [9].

Весьма специфичную роль в сфере эмоциональной оценочности играет лексика, выражающая шутливое или ироническое отношение к обозначаемому. Она демонстрирует нарочитое несоответствие между старой, громоздкой, слегка высокопарной формой и легковесным отношением к слову, обозначающему весьма обыденные, незначительные понятия. Здесь собственно не идет речь о пейоративности, ибо шутят и иронизируют не только над тем, что заслуживает отрицательной оценки — насмешка и ирония могут иметь оттенок легкой пренебрежительности:

sich einbalsamieren	— ирон. «очень сильно надушиться» (нем.),
Erker	— 2. шутл. «нос» (нем.),
Fingerfertigkeit	— ирон. «ловкость рук» (о ворах) (нем.),
budgetivore	— ирон. «живущий за счет государства» (фр.),
doctissime	— шутл. «весьма ученый, ученийший» (фр.),
geniteur	— шутл. «родитель» (фр.),
wiseacre	— ирон. «мудрец», «умник», «всезнайка» (англ.),
belly-worschip	— шутл. «чревоугодие», «обжорство» (англ.),
embriose	— шутл. «пьяный», «подвыпивший» (англ.),
болтология	— ирон.,
богоспасаемый	— разг. шутл.;

козлетон
кейфовать
нескладеха

— разг., ирон., шутл.,
— шутл.,
— просторечн., шутл.

В силу ряда социальных факторов в языке постоянно происходит культурная переориентация аксиологических характеристик слова. С одной стороны, можно наблюдать стремление в целях социального символизма к употреблению «престижных» оценочных номинаций (например, книжных, иронического характера); с другой стороны, расширяется (явно не в номинативных целях) диапазон функционирования субколлоквиальной оценочной лексики с максимальной степенью этической и эстетической сниженности у лиц, в достаточной мере владеющих литературным стандартом.

Интенциональное употребление эмоционально-оценочных суффиксов нейтральных лексических единиц лицами с низким социальным статусом придает некоторую ложную эмфатичность и высокопарность высказыванию, а будучи употреблены не к месту, они вызывают комический эффект. Особый интерес представляют немотивированные оценочные номинации, когда говорящий намеренно употребляет «красивые» книжные слова, не имеющие отношения к ситуации и являющиеся продуктами его словотворчества. Они обладают, по его мнению, особой эмоционально-оценочной экспрессией именно вследствие своей экзотичности:

Сатин: Эй ты, *сикамбр!* Куда? (Свистит вслед уходящему актеру). (М. Горький „На дне“).

Искаженная форма слова с целью придать ему «книжность» также ассоциируется у отправителя речи с добавочной экспрессией при оценке:

Назар (вслед ей): Чувствительно тронут... Ишь, какая... *гордионка*. Подожди... я те хвост прижму! (Уходит). (М. Горький „Дети солнца“).

Список литературы: 1. Хомяков В. А. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. Вологда, 1974. 103 с. 2. Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971. 110 с. 3. Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). М., 1983. 50 с. 4. Розина Р. И. Социальная маркированность слова в современном английском языке. М., 1977. 201 с. 5. Толковый словарь русского языка в 4-х томах/Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. 500 с. 6. Большой англо-русский словарь, ч. I—II/Под ред. И. Р. Гальперина. М., 1971. 310 с. 7. Большой немецко-русский словарь, ч. I—II/Под рук. О. И. Москальской. М., 1980. 280 с. 8. Французско-русский словарь: Сост. К. А. Ганшина. М., 1979. 244 с. 9. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 105 с.

Поступила в редколлегию 21.09.86

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ
И ТЕМПОРАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Плодотворность комплексного подхода к анализу единиц структуры языка, при котором учитывается их формальная организация, особенности содержания и речевого функционирования, состоит в том, что он обеспечивает углубленное изучение не только различных аспектов лингвистических единиц, но и осмысление системной взаимосвязи разных уровней, аспектов и функций языка. Такой подход к исследуемому предмету согласуется с марксистско-ленинским положением «охватить, изучить все его связи и опосредования» [1, с. 290].

Известно, что отдельным уровням и единицам языковой системы, в том числе и ее центральной единице — слову — свойственны не только разграничения их частей, но и возможности таких «сцеплений» между ними, таких областей их взаимодействия, где имеют место объединения разнокачественных, разноуровневых образований на основе отдельных присущих им признаков.

Будучи единицей лексической системы языка, слово не только имеет определенную грамматическую форму, но также включается в грамматические ряды, противопоставленные по значениям выражаемым ими грамматическим категориям и, таким образом, является одновременно единицей двух систем — лексической и грамматической, что прежде всего и обуславливает необходимость изучения соотношения лексического и грамматического начал в слове в их взаимосвязанности и взаимозависимости [2, с. 3].

Характер связи значений, реализуемых в слове, а также значений грамматических категорий с тем обобщенным значением, которое присуще тому или иному классу слов, указывают на то, что любое грамматическое значение в языке может подкрепляться лексическими силами, лексическая семантика способна подхватывать, развивать, модифицировать грамматическую семантику [3, с. 78].

Диалектика взаимосвязи лексики и грамматики проявляется в способности лексической семантики накладывать ограничения на использование грамматических форм, в способности грамматических форм дифференцировать или изменять значения слов, а также во взаимной компенсации, т. е. в использовании лексических средств для выражения грамматических значений, в использовании грамматических элементов в качестве средств словообразования [4, с. 42].

Таким образом, существование проблемы взаимоотношения лексики и грамматики, сводимой к взаимодействию единиц этих языковых уровней, — факт общепризнанный и достаточно изученный в многочисленных лингвистических исследованиях. Однако сама проблема продолжает оставаться в центре внимания язы-

коведов, что свидетельствует о сложности и многоаспектности объекта исследования, а также о недостаточной изученности целого ряда вопросов взаимодействия лексики и грамматики, имеющих важное значение для постижения коммуникативной ценности языковых единиц. Здесь имеются в виду прежде всего проблемы соотношения уровней языка и их единиц, категориальных и некатегориальных значений, прямого и косвенного, имплицитного и эксплицитного означивания, которые имеют самое непосредственное отношение к проблеме взаимодействия лексики и грамматики.

Включение тех или иных значений в число грамматических (и, следовательно, категориальных) базируется прежде всего на формальных особенностях их выражения, противопоставленности друг другу и свойстве обязательности. Однако, как известно, категориальные значения в языке выражаются не только системой их грамматических форм, но и различными некатегориальными способами, что обеспечивает варьирование в передаче идентичного мыслительного содержания. В этой связи важным представляется исследование различных частей речи с точки зрения взаимодействия в их семантике лексических и грамматических значений.

В корпусе кардинальных частей речи выделяются классы слов, которым присущи компоненты значения, изоморфные значениям грамматических категорий. Так, в английском языке к ним относятся, например, значения залога, модальности, темпоральности. Различные способы выражения темпорального значения представляют собой группировки разноуровневых языковых единиц, организованных на семантической основе и выполняющих общее коммуникативное задание. Единицы такого типа принято объединять в поля. Основу поля темпоральности составляет, как известно, выражение категории времени морфологическими формами глагола. В корпусе лексических средств, передающих временные отношения, обращают на себя внимание единицы типа *to want, to decide, to plan, to expect, to order, to be surprised; hope, wish, aim; eager, desirable* и др., семантическая структура которых включает темпоральные компоненты значения. Изучение особенностей функционирования данных глаголов, существительных и прилагательных представляется актуальным для грамматики с точки зрения косвенного выражения грамматических значений, а также для лексикологии, поскольку открывает новый аспект в структурировании лексической системы языка.

Механизм действия темпоральной семы исследуемых единиц проявляется в полипредикатных предложениях, в которых данные части речи выступают в функции синтаксически главного предиката, т. е. в функции предиката модуса, отражающего активное участие субъекта в выражении мысли, и заключается в прогнозировании временной отнесенности зависимой предикации — предиката диктума (термины Ш. Балли), передающего собственно сообщение.

Так, в частности, глаголы *to want, to determine, to wish, to long, to desire, to plan, to dream* и др., а также каузативные глаголы *to allow, to order, to forbid, to make, to let, to recommend* и др., существительные *wish, intention, expectation, attempt, hope, desire, aim, plan, determination* и другие отглагольные существительные с абстрактным лексическим значением, а также прилагательные *desirable, hopeless, useless, willing, ready, anxious, eager, necessary, possible* и другие прилагательные, в большинстве своем либо образованные от глагола, либо связанные с ним семантически, т. е. в целом группа лексических единиц различных лексико-грамматических классов, объединенных общим значением желательности, возможности, предположительности, эмоционального отношения к действию или состоянию и др., обладает способностью предопределять будущее временное значение предиката диктальной части предложения и, следовательно, участвовать в организации темпоральной перспективы высказывания, что обуславливается наличием в их семантической структуре перспективной темпоральной семы. Например: *He wanted to go with his father (G. Greene). I have no wish to take your money from you (A. Christie).*

Синкретизм семантики исследуемой группы единиц состоит в совмещении в их семантической структуре темпоральных и модальных компонентов значения. В приведенных выше примерах мы имеем дело с субъективной модальностью. Диктальная часть высказывания представлена не как реальный, а как потенциальный (возможный, желаемый, требуемый и т. д.) факт, т. е. в форме пожелания, предположения, характеризующегося различной степенью достоверности, облачается субъективная оценка реальности высказываемого со стороны говорящего. Модус, таким образом, имеет отчетливо оценочную прагматическую направленность.

Семантические особенности глаголов, объединенных общим значением попытки совершения действия (*to try, to attempt, to seek* и др.), а также особенности фазисных глаголов (*to begin, to start, to continue* и др.) предопределяют одновременность действий, выраженных глаголами модуса и диктума и, таким образом, здесь мы вправе говорить о наличии контемпоральных временных признаков в семантической структуре указанных глаголов. Например: *Catalina gasped and her heart began to beat like mad. (S. Maugham). I am trying to start from the beginning again. (J. Lowles).*

Наряду с указанными глаголами такие единицы, как *to be surprised, to be astonished, to be startled, to be dissatisfied, to rejoice* и другие, выражающие эмоциональную реакцию по поводу того или иного действия, прогнозируют отнесение действия, выраженного диктальной частью высказывания к относительно прошедшему и, таким образом, характеризуются ретроспективной темпоральной семой. Данное временное соотношение детерминировано различием логических функций обоих процессов: причина пред-

шествует следствию. Например: *I am really surprised that he didn't come.* (I. Murdoch).

Ретроспективные темпоральные компоненты значения анализируемой группы лингвистических единиц совмещаются со значениями ассерторической (фактографической) модальности — действие, выраженное диктальной частью высказывания, представлено как реальное.

Таким образом, наличие в семантической структуре слов кардинальных частей речи грамматически значимого признака временной ориентации, обуславливающего их участие в формировании темпоральной перспективы высказывания, указывает на новые точки соприкосновения лексических и грамматических значений в языке, открывает новые ресурсы исследования их взаимодействия и является еще одним свидетельством возможности выражения значения темпоральности, категориального по своей природе, некатегориальными способами.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Философские тетради//Полн. собр. соч. Т. 29. С. 290. 2. Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 3. 3. Шендельс Е. И. Совместимость/несовместимость грамматических и лексических значений//Вопр. языкознания. 1982. № 4. С. 78. 4. Гак В. Г. Грамматика и тип словаря//Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 42.

Поступила в редколлегию 10.09.86

Е. Н. СТАРИКОВА, д-р филол. наук
И. В. ТРОПИНОВА

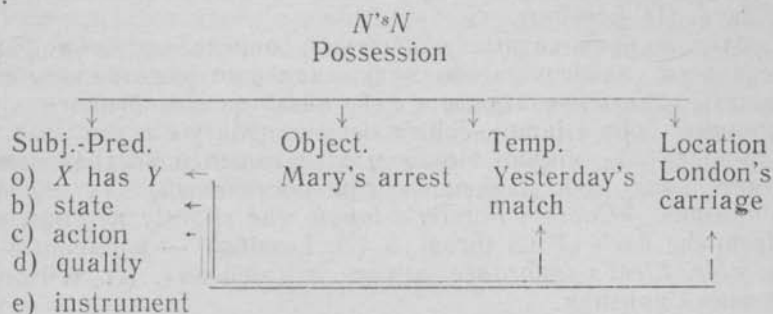
МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПОСЕССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В системе средств выражения посессивности особое место занимает притяжательный падеж, представляющий собой морфологический способ реализации данного значения. Характерной особенностью данной грамматической категории является ее семантическая вариантность, проявляющаяся в том, что инвариантный признак посессивности, представленный здесь в обобщенном, абстрагированном виде как принадлежность, отнесенность одной субстанции другой субстанции, может совмещаться с целым рядом других дифференциальных признаков, составляющих в совокупности с инвариантным признаком денотативное содержание формы посессива: $S_{\text{деп}} = S_{\text{инв}} + S_{\text{диф}}^1 + S_{\text{диф}}^2 + \dots + S_{\text{диф}}^n$.

Форма притяжательного падежа носит релятивный характер: она обычно реализует свое значение на уровне словосочетания при наличии определяемого компонента, лексическое значение которого обуславливает дифференциальные признаки словоформы. В возможных абсолютных формах употребления притяжательный падеж также релятивен: он опирается на определяемое слово в микро- или макроконтексте.

Категориальная сема принадлежности, присущая форме притяжательного падежа, совмещается с четырьмя субкатегориальными признаками: субъектно-предикатными, объектными, темпоральными и локативными отношениями.

В рамках субъектно-предикатных отношений выделяются дифференциальные признаки: конкретной принадлежности, владения (Mary's room, John's house), пребывания в определенном состоянии (Mary's sleep), агентивные отношения (John's arrival), качественный признак (John's courage), инструментальные отношения (knife's stroke). Семантические роли компонента N^1 включают бенефицианта, агенса, носителя состояния, качества, инструмент:

Конкретная принадлежность включает связь субъекта и предмета, а также межсубъектные отношения: husband's wife, Tom's sister. Характерны словосочетания, выражающие отношение части к целому: «She stopped herself, made herself look at the insurance salesman's face against her closed eyelids». (D. Lessing)

Притяжательный падеж стягивает в свою орбиту неодушевленные существительные, наделяя их признаками агентивности, носителя признака, бенефицианта. Это в первую очередь относится к существительным, выражающим небесные тела, планеты, названия газет, кораблей: «Morning Star's analysis, ship's crew, comet's head».

We are of the opinion that this new approach to the security problem is in accord not only with our interests, but with the USA's interests, too — those which the US administration's present policy is trampling under foot. (M. N., N 11, 1986).

Субъектно-предикатные отношения связывают также имена абстрактные:

The Soldier braves death
For a fanciful wreath
In *Glory's* romantic career... (G. Byron)

Разграничиваются словосочетания, выражающие общее и отдельное обладание, отчуждаемую и неотчуждаемую собственность.

Ср.: Hammett's personal code — his characters' personal codes;
Mary's hands — Mary's gloves.

Имя собственное в притяжательном падеже способно приобретать качественное значение, когда оно имплицитно характеризует признаки лица или его деятельность: Galsworthy's way of writing, Hemingway's scepticism и т. п.

Существительное в притяжательном падеже, выражающее носителя состояния, обычно ассоциируется с существительным, выражающим признак транзитивный, имеющий кратковременный характер, или ограниченный определенными временными рамками: «Herr Sholtz scowled, walked across indignantly closed his door as if it were the *Captain's fault* it had been left open ... Almost at once the *Captain's painful jealousy* was eased, for Rosa emerged from that door smiling with perfect indifference, and wished him good day». (D. Lessing)

Субъектно-предикатные отношения, определяемые в рамках посессивного словосочетания, могут, как уже указывалось выше, выражать отношение агенса к действию, представленного в виде субстанции: John's laugh, John's decision, Mary's arrival и т. п.

Компонент N_2 обычно выражен отглагольным абстрактным существительным, обозначающим как постоянный, так и временный признак: «*Captain Forster's laugh* was slightly nervous, emitted from the back of his throat...» (D. Lessing) — временный признак; «*Mr. Fleet's ignorance* always irritated her». (A. Wilson) — постоянный признак.

Качественный признак субстанции, выраженный формой притяжательного падежа, характерен для словосочетания типа John's courage, Mary's softness etc. Совмещение категориальной семы посессивности и качественной характеристики подтверждается трансформационным анализом:

	John has courage
John's courage —	
	John is courageous

Носителем качественного признака могут выступать не только существительные, обозначающие лицо, но и неодушевленные предметы: «As they sat outside on the terrace, sipping Dubonnet, watching the last of the sardine boats being consumed by the orange cauldron of sunset, the effect of the *ocean's vastness* was so great that it held him spellbound, almost embalmed». (H. Bates)

Ср.: the ocean's vastness — the ocean is vast.

В посессивном словосочетании признак качественной характеристики, как видим, может носить разнонаправленный характер. В единицах типа John's courage он выражен компонентом N_2

и относится к компоненту N_1 (John's courage). В сочетаниях же типа Mother's love, student's life в результате ослабления семы принадлежности и обобщения значения компонента N_1 сема качественной характеристики возникает у данного компонента: но-

ситель же признака представлен компонентом N_2 (mother's love). Данные словосочетания сближаются с единицами, в которых ком-

понент N_1 представлен формой общего падежа и которые, надо думать, значения принадлежности уже не выражают: his mother's love — mothers' love — mother love. Сравним в русском языке: любовь его матери, любовь матерей, материнская любовь.

Значение посессивности может совмещаться и со значением инструментальности, когда компонент N_1 , выраженный неодушевленным существительным, наделяется свойством агенса: car's drive, knife's stroke и т. п.

Вторую группу субкатегориальных значений представляют объектные отношения (Mary's arrest, John's invitation). Значение отнесенности, принадлежности двух субстанций (Mary и arrest) совмещается здесь с дифференциальным признаком объектных отношений: X arrested Mary. Таким образом, компонент Mary в сочетании Mary's arrest имеет двойной статус: с одной стороны, он обозначает субстанцию, которой принадлежит, с которой определенным образом соотносится другая субстанция (arrest). С другой стороны, компонент Mary является объектом действия, т. е. выполняет семантическую роль пациенса: X arrested Mary:

принадлежность

Как видим, посессивные отношения раскрываются на уровне абстрактных грамматических значений, а объектные — на уровне субкатегориальных признаков имен и их лексических значений.

Дифференциальный признак темпоральности выражен существительными N_1 , которые обозначают дни, месяцы, времена года: «She walked away, that bare arm, now slightly reddened from yesterday's sun, swinging». (D. Lessing)

Значение темпоральности может переходить в значение качественной характеристики: ср.: to-day's newspaper — «газета, которая вышла сегодня» и «ежедневная газета».

Словосочетания типа London's carriage совмещают значение принадлежности со значением локативности: carriages in London, belonging to London. Здесь, естественно, возможны случаи перехода в единицы, выражающие качественный признак.

Форма притяжательного падежа может быть не связана со значением принадлежности. Так, имена существительные, которые обозначают количество, расстояние, вес, стоимость, меру, не выражают, на наш взгляд, обладание. Существительное N_1 обозначает здесь внутреннее содержание понятия, выраженного компонентом N_1 (A mile's distance, a pound's weight, ten shilling's

worth) и связь между компонентами N_1 и N_2 может быть определена как идентификация: «Then a lad with a cross all let up bruises in and behind him march about eight lads — the candidates — looking their ten dollar's worth». (R. Williams)

Притяжательный падеж в английском языке характеризуется подвижным характером категориальной семы, возможностью ее совмещения с целым рядом дифференциальных сем, что свидетельствует о том, что по своей функциональной значимости притяжательный падеж сближается с общим падежом.

Посессивность, на наш взгляд, не является как считают некоторые лингвисты [1, 2], одним из значений притяжательного (или родительного) падежа; данное значение присуще основным случаям функционирования притяжательной формы в английском языке, что дает основание признать существование в английском языке притяжательного падежа как грамматической категории.

Список литературы: 1. Раєвська Н. М. Теоретична граматика сучасної англійської мови. К., 1976. С. 78—83. 2. Мороховская Э. Я. Основы теоретической грамматики английского языка. К., 1984. С. 124—125.

Поступила в редколлегию 10.09.86

Е. В. ТАРАСОВА, канд. филол. наук

О ВАРИАТИВНОСТИ ФОРМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Признавая антиномию «язык — речь», большинство исследователей видит их диалектическую взаимосвязь, и в этом смысле следует, вероятно, говорить о системе не только языка, но и речи. Системность же речи проявляется прежде всего в ее функционировании, т. е. в репрезентации языковой системы. При функционировании языковых средств в речи происходят различные процессы количественных и качественных преобразований, которые не всегда находят отражение в языковой системе. Многие из этих процессов первоначально носят окказиональный, собственно речевой характер и поэтому нередко игнорируются исследователями, так как не оказывают влияния на языковую систему. Однако окказиональное функционирование языковых единиц может стать узуальным, регулярным, что приводит к количественным изменениям в языке. Увидеть и описать такие явления, разобраться в «хаосе» языковых фактов, представляющих собой речь, — одна из важных задач полевой методики, так как поля в языке (функционально-семантические, грамматико-лексические и др.) складываются, как правило, на основе речевого употребления слов и грамматических форм. В поле зрения, таким образом, неизбежно вовлекаются и коммуникативно-прагматические характеристики изучаемых единиц в конкретных речевых произведениях. Только в речи широко развертывается взаимодействие грамматики и лексики. Мы убеждены поэтому, что полевые концепции языка отнюдь не являются чисто парадигматическими, замыкаясь системой языковых средств как таковых.

Попытаемся показать это на одном конкретном примере из области грамматико-лексического микрополя прошедшего времени в английском языке и поделить на некоторыми частными наблюдениями над вариативностью двух основных его ядерных компонентов — граммем *the Past Indefinite* и *the Past Perfect*.

Изучение в рамках полевой методики как системных свойств данных форм темпоральности, так и их функциональных потенциалов и особенностей их речевого поведения позволяет, как нам кажется, постичь механизм синонимизации *the Past Indefinite* и *the Past Perfect*, изучить возможности их синтагматического сближения в условиях контекста, а также по-новому взглянуть на роль этих форм в обозначении абсолютного и относительного времени.

В специальной литературе высказывались предположения о постепенном вытеснении *the Past Perfect* формой *the Past Indefinite*, о том, что в речи на английском языке любые временные отношения в сфере прошедшего можно в принципе успешно выразить с помощью простого прошедшего, в то время как использование *the Past Perfect* носит все более факультативный характер. С целью проверки данной гипотезы была проанализирована отдельная выборка в 4 000 единиц, иллюстрирующая функционирование обеих граммем в различного типа простых и сложных предложениях. Исходя из утверждения, что «открыто в речи господствует не языковая система, а контекст» [1, с. 66], мы пытались выяснить, как каждая из варьирующих темпоральных форм реагирует на лексическое наполнение и лексическое окружение и каково воздействие семантического компонента на их речевое использование.

Общий количественный анализ показал, что как в ВЕ, так и в АЕ простое прошедшее встречается главным образом в простых, независимых предложениях — 79,2 % случаев, в то время как *the Past Perfect* функционирует преимущественно в различного типа придаточных в рамках сложного предложения — 65,8 %. Данное наблюдение, разумеется, полностью соответствует традиционной точке зрения.

Однако проанализировав «нетипичные» случаи, т. е. оставшиеся 34,2 % употребления *the Past Perfect* в независимых предложениях вместо нормативного *the Past Indefinite*, мы получили довольно неожиданные результаты.

Теоретически *the Past Perfect* занимает, как известно, особое место в системе английских прошедших времен. Его особый характер вытекает из того, что это — единственная форма собственно относительного времени, обозначающая *priority-in-the-Past*.

Эта форма относительного времени весьма часто (в нашей выборке в 34,2 % от общего числа использования) встречается именно в независимых предложениях, т. е. в контекстах, характерных для абсолютного прошедшего времени.

Оказывается, в частности, что в таких случаях граммема *the Past Perfect* почти всегда сопровождается лексическими индикаторами

торами прошедшего времени — «временными уточнителями» [2] или «ситуантами» [1], причем такими, которые нормативная грамматика чаще связывает с употреблением простого прошедшего. То есть даже ближайшее языковое окружение варьирующих форм в этих случаях качественно совпадает.

Можно высказать предположение, что the Past Perfect приобретает в такого рода контекстах особое, не свойственное данной форме в парадигматике значение, а именно, значение «дистантного прошедшего», подчеркивая значительную удаленность прошедшего события от момента речи в настоящем.

Особо следует выделить и способность данной формы (the Past Perfect) создавать в простых, независимых предложениях ретроспективные отступления, и тогда the Past Perfect можно рассматривать как своеобразный структурнообразующий элемент художественного текста: 1. He had not expected it at all. She had become the darling of the press (Shaldon). 2. Some of the glow had faded from Sonan's eyes. (Susan)

Способность перфектных форм прошедшего времени устанавливать катафористические связи в тексте отмечается, например, И. В. Докучаевой, которая на основе статистического анализа фактического материала 18—20 вв. констатирует, что именно в композиционно-стилистической, текстообразующей функции «частотность употребления перфектных форм в произведениях новоанглийского периода резко возрастает» [3, с. 21]. А поскольку использование the Past Perfect в независимых предложениях в абсолютном темпоральном значении всегда связано с определенным целевым назначением, например, с привлечением внимания читателя к отдельным эпизодам, выделением их из ряда других и т. д., то можно, вероятно, говорить о прагматическом использовании the Past Perfect в художественном тексте.

Так как семантика претерита как доминантной формы соответствующего микрополя, основного члена временной оппозиции в английском языке характеризуется чрезвычайно широким временным спектром, охватывающим всю практически неограниченную временную зону, предшествующую моменту речи в настоящем, то в синтагматике, в конкретном речевом акте иногда возникает необходимость в более четкой дифференциации («эшелонизации») сферы прошедшего. Так как сама по себе форма простого прошедшего в силу «размытости» своих семантических границ не в состоянии эту дифференцированность адекватно отразить, возникает необходимость в «перераспределении» речевой нагрузки между имеющимися формами грамматического прошедшего. В результате the Past Indefinite как бы передает the Past Perfect одну из своих функций, а именно, функцию выражения «дистантного прошедшего». При этом основная парадигматическая сема the Past Perfect — предшествование в прошедшем — нейтрализуется.

Относительно вариативности простого и перфектного прошедшего в придаточных предложениях наши наблюдения сводятся

к следующему. Известно, что значение предшествования, завершенности действия по отношению к другому моменту в прошлом закреплено парадигматически за the Past Perfect. Однако выражение относительного прошедшего времени может успешно обходиться и без the Past Perfect с помощью простого прошедшего. Прагматически релевантными в этих случаях выступают элементы внешнего вербального контекста, семантика временных союзов и т. д., которые актуализируют значение предшествования или завершенности действия. На долю временных придаточных, например, приходится 35 % от общего числа случаев передачи относительного прошедшего с помощью the Past Indefinite. Е. г.: «She did not stop until she rounded a curve». (Mitchell)

Та же тенденция «вытеснения» граммемы the Past Perfect из сферы своего нормативного употребления прослеживается и в придаточных дополнительных.

1. «Charles knew again that he made an error. (Chicks)

2. «Then I realized that all active fighting was long ceased». (Susan)

Вариативность the Past Perfect и the Past Indefinite широко представлена также в придаточных дополнительных, выражающих косвенную речь, вводимых главным образом глаголами say и tell в главном предложении, где мы имеем дело с нарушением правила согласования времен — 22 % случаев:

1. «He said he didn't know before what she was able to weedle out of you». (Bradford)

2. «I said it as I never said it or meant it before». (Robins)

Имеются также случаи (9,3 %) предпочтительного использования простого прошедшего в дополнительных придаточных предложениях после претерита глаголов типа suppose, expect, hope и т. д., т. е. глаголов, несущих модальный оттенок предположительности в главном предложении. Получается, следовательно, что семантика глаголов предположительности как бы «отвергает» употребление в придаточном the Past Perfect ввиду обязательно конкретного характера, выражаемого этой граммемой действия. Ведь парадигматическое значение the Past Perfect всегда предполагает вполне определенный факт, реально свершившееся действие, исключающее всякую предположительность. Именно поэтому в предложениях типа «She expected Charles told him about it» (Bradford) простое прошедшее в придаточном предложении оказывается предпочтительным в нарушение традиционного правила согласования времен.

Полученные данные, таким образом, свидетельствуют о том, что ни одна из противоборствующих структур не оказывается в состоянии вытеснить свою соперницу и взять на себя целиком задачу оформления соответствующего временного содержания. Есть основания говорить не о вытеснении одной формы другой, а, скорее, о своеобразном перераспределении коммуникативных ролей между ними, об их синтагматической конкуренции, которая и находит выражение в вариативности.

Описанные выше дополнительные функционально-коммуникативные характеристики рассматриваемых форм лингвистического времени могут быть сформулированы в виде прагматических правил, регулирующих их речевое употребление.

Возникает вопрос, как соотносятся эти прагматические правила с системными значениями соответствующих форм. Мы считаем, что на коммуникативном уровне может проявляться только то, что уже изначально заложено в системе, и прагматическим правилам на коммуникативном уровне всегда соответствует некоторое лингвистическое основание на системном уровне. Это лингвистическое основание носит, по-видимому, семный характер, т. е. на уровне языка прагматические правила выступают в форме определенных семантических признаков — сем. Эти «побочные», второстепенные, выводимые из контекста семы и определяют комбинаторные потенции единицы, накладывают ограничения на ее речевое использование. В нашем представлении формулировка этих ограничений и есть прагматическое правило. Мы говорим о прагматических правилах, чтобы подчеркнуть функциональную значимость наблюдаемых явлений и речевой, текстовой характер методики выявления этих правил. Необходимо отметить возможность их применения в дидактических целях, в частности, необходимо обращать внимание студентов на процессы, происходящие при переходе от языка как системы и структуры в область речи.

Список литературы: 1. Савченко А. Н. Лингвистика речи/Вопр. языкознания. 1986. № 3. С. 11—27. 2. Демченко И. Г. Лексические уточнители временных отношений в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 24 с. 3. Докучаева И. В. Употребление перфектных форм общего и продолженного видов в языке новоанглийского периода (18—20 вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 20 с.

Поступила в редколлегию 02.09.86

И. А. ТАТАРИНЦЕВА

ПРОБЛЕМА НАРЕЧИЯ КАК ЧАСТИ РЕЧИ

Частной проблемой разделения словарного состава языка на определенные классы является проблема выделения и определения среди других такого класса, как наречия. Л. В. Щерба называет наречия «своего рода складочными местами, куда сваливают вперемешку все лишнее, что никуда не подходит» [1, с. 23].

Подобным образом обстоит дело с наречиями и в английском языке. По образному определению составителя известного американского словаря сочетаемости Дж. Родейла, наречие в английском языке есть безответственный гуляка — плейбой грамматики.

Категория наречия — постоянный объект спора для различных ученых-лингвистов. Существует огромное количество определений наречия как части речи. Именно поэтому анализ рассматривае-

мой категории наречия необходимо связывать с разграничением частей речи, так как до сих пор не существует единого мнения о том, как трактовать наречные образования: как своеобразную форму прилагательного, необходимую ему для характеристики действий и признаков [2], как самостоятельное производное наречие, мотивированное прилагательным [3], как промежуточную категорию слов *adjectiv-abverbia* [4, 5].

Как известно, в отечественной лингвистике наречие подразделяется на две группы: к первой группе относятся слова типа «then», «now» и т. п., ко второй — типа «greatly», «happily». Вследствие своих семантических особенностей слова первой группы получили название наречий обстоятельственных, а слова второй группы — наречий качественных. Но нетрудно заметить, что слова этих двух типов резко различаются как семантически, так и грамматически.

Как видим, наречия как отдельный класс слов в данной трактовке не обладают единой категориальной семантикой.

Наречия на *-ly*, которые характеризуют процесс с качественной стороны, вступают в очень тесные связи с качественными прилагательными. В лингвистике качественные прилагательные являются выражением логико-понятийной категории качества. Наречия, следовательно, также являются специализированным средством выражения данной категории. А. А. Шахматов считал, что наречия и прилагательные по своему существу — тождественны [6]. А. И. Смирницкий указывал, что совпадение семантических, синтаксических и морфологических признаков качественных наречий и прилагательных в английском языке позволяет поставить вопрос о том, не являются ли качественные наречия не отдельными словами, а лишь той грамматической формой, которую прилагательное принимает тогда, когда оно относится не к существительному, а к глаголу или другим прилагательным. Если это так, то следует признать, «что в английском языке в качестве определения при существительном, глаголе и прилагательном выступает одна часть речи — прилагательное, и, что образование на *-ly* следует вообще исключить из разряда наречий» [2, с. 175].

Однако такое решение проблемы представляется неправомерным по следующим причинам. Если бы качественные наречия являлись лишь формой прилагательного, то процесс образования наречий от качественных прилагательных с помощью суффикса *-ly* (а иногда и без него) в английском языке являлся бы лишь процессом формообразования, а не словообразования. В таком случае необходимо было бы признать, что у прилагательных наряду с формами степеней сравнения имеется еще одна форма, существующая для согласования прилагательных с глаголами и другими прилагательными.

Для решения этого вопроса необходимо четко разграничивать различные типы деривационных процессов в сфере морфологии. Процесс образования качественных наречий в современном английском языке представляет собой процесс словообразования

и тем самым — пример не грамматической, а словообразовательной транспозиции. Подтверждение этому находим в исследовании Е. Ю. Жарких [7], в котором рассматривается и определяется тип деривационного процесса, связывающего однокорневые прилагательные и наречия в английском языке. В результате исследования было установлено, что деривационные отношения, складывающиеся в парах качественных прилагательных и коррелятивных им наречий, нужно рассматривать как отношения между разными частями речи и поэтому как отношения транспозиции из одного класса в другой.

Основываясь на конкретных языковых данных автор приходит к выводу, что не все прилагательные образуют коррелятивные им наречия. Следовательно, наличие деривационной асимметрии ставит под сомнение возможность рассмотрения качественного наречия как подлинной формы прилагательного, так как для формообразования типичны регулярность образования вторичных единиц.

Не может наречие быть формой прилагательного еще и потому, что при переходе прилагательного в наречие значение качественности иногда утрачивается, а суффикс *-ly-* не всегда свидетельствует о парности прилагательного и наречия (например, «hard» — твердый, но «hardly» — едва). По этим причинам слова на *-ly-* являются собственными наречиями.

Что же касается второго типа слов, традиционно относимых к наречиям, то они семантически и грамматически отличны от наречий. Общим у этих двух типов слов является только функция обстоятельства, однако общность выполняемой функции не является критерием отнесения слова к определенной части речи. (Так, например, существительное может выполнять функцию атрибута, которая является характерной для прилагательного). На этом основании слова второй группы должны быть исключены из наречий. Таким образом, наречие в собственном смысле слова является классом слов, сближающимся с качественными прилагательными и характеризующимся категориальным значением качества.

Части речи, как известно, обладают полевой структурой. Это означает наличие *центральной зоны*, которую составляют слова первообразные, моносемантические и монофункциональные, которые выражают категориальное значение данной части речи и *периферии*, которая состоит из слов производных; в указанных словах категориальное значение сочетается со значением той части речи, от которой они образованы.

В современной лингвистике существует мнение, что наречие, как и другие части речи, характеризуется полевой структурой. Так, В. Я. Плоткин считает, например, что поле наречия и поле прилагательного имеют особо тесные взаимосвязи. «В отличие от глаголов и существительных, где только периферийные зоны приближаются к другим частям речи, у прилагательных и наре-

чий весьма близки и сами ядра, что объясняется однотипностью ядерной семантики качества у обеих частей речи. Близость полей проявляется в наличии у них общего сегмента, а также и в широком распространении немаркированной (a fast train-to run fast) и маркированной (a quick movement-to move quickly) транспозиции [8, с. 17].

Соглашаясь с В. Я. Плоткиным в том, что категориальной основой наречия, как и прилагательного, является значение качества, мы не можем согласиться с тем, что наречие имеет полевую структуру, так как качественные наречия являются полностью словами производными.

Итак, наречие как часть речи можно определить как класс слов, выражающий общее категориальное значение качества (действий и состояний), имеющий сходство структуры (наличие словообразующего суффикса -ly-), имеющий грамматическую категорию степеней сравнения и выполняющий функцию обстоятель-ства.

Список литературы: 1. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 188 с. 2. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959. 440 с. 3. Курилович Е. Очерки по лингвистике/Сб. статей. М., 1962. 456 с. 4. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. 5. unver. Auflage. Berlin, 1961. 226 S. 5. Jung. Grammatik der deutschen Sprache/Neufassung der «Kleinen Grammatik». Leipzig, 1966. 518 S. 6. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925. 211 с. 7. Жарких Е. Ю. Типы соотношений прилагательных и коррелятивных им наречий в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1983. 110 с. 8. Плоткин В. Я. Грамматические системы в английском языке. Кишинев, 1975. 127 с.

Поступила в редколлегию 10.12.86

Р. Г. ТКАЧЕНКО, канд. филол. наук,

О. И. ДАВЫДОВ, канд. ист. наук, И. А. КОЗУБЕНКО

ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ГЛАГОЛОВ ВВОДА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРОТЯЖЕНИИ XVIII—XX ст.

Сопоставительное изучение языков, их макро- и микроструктур способствует более глубокому постижению их структуры и функционирования и решает ряд важных прикладных задач. С полным основанием Е. С. Кубрякова пишет, что «мы тем больше узнаем о содержательном плане языка и различиях в этой сфере, чем пристальнее и детальнее изучаем способы выражения этого плана в языке» [1, с. 61].

Выбор объекта исследования — глагола авторского ввода (ГВ) обусловлен рядом факторов: широкой распространенностью конструкций для передачи чужого слова во всех европейских языках и, главным образом, возрастающим разнообразием способов

введения чужой речи в русской, английской и французской художественной литературе на протяжении последних столетий, а также важностью знания ГВ в прикладных целях — для теории и практики перевода, в том числе машинного, и для преподавания иностранного языка. Исследование проводилось на речевом материале ряда столетий именно потому, что контрастивное исследование, как справедливо говорит Ю. А. Жлуктенко, не должно «відображати тільки статистику мови, обмежуючись порівнянням інвентаря різних мов і визначенням наявності чи відсутності в ньому певних одиниць» [2, с. 16], причем анализ представляется более основательным, если анализируются не отдельные факты, а системы процессов [3, с. 167].

Синтаксическая конструкция прямой речи (в дальнейшем СКПР) рассматривается нами как сложное синтаксическое образование, отличающееся особым типом коммуникативности — транскоммуникативностью и наличием двух текстурально сопряженных предикативных центров — и состоящее из двух компонентов: авторского ввода (АВ) и прямого высказывания (ПВ) [4, с. 5]. Глагол ввода (в подавляющем большинстве случаев ПВ вводится именно глагольным элементом) является структурно-семантическим центром изучаемой конструкции, с помощью которого не только устанавливаются показатели предикативности обоих компонентов СКПР, но и в значительной степени определяется функциональная и прагматическая характеристика ПВ (ср., например: «Молодец!», — воскликнул
— возмутился
— позвал
— похвалил он).

Результаты анализа глаголов ввода в английском, русском и французском языках позволяют обнаружить ряд межязыковых тождеств и различий в этой тематической группе глаголов.

1. Во всех трех сопоставляемых языках в классе ГВ выделяются два больших подкласса, для характеристики которых мы оперируем терминами «эксплицитные» и «имплицитные» ГВ. Термин «эксплицитный ГВ» применяется к различным VERBA DICENDI, обладающим способностью вводить ПВ. Термин «имплицитные ГВ» относится к глаголам, которые не обозначают говорения непосредственно, но получают это значение лишь в определенных контекстуальных условиях: в составе АВ в рамках СКПР. Это явление подтверждает высказанное Н. А. Паниной утверждение о том, что имплицитность как языковое явление «распространяется только на высказывание, т. е. на конструкции, имеющие форму предложения. Не может быть имплицитности в области морфем, слов, словосочетаний» [5, с. 58].

2. В сопоставляемых языках номенклатура семантических групп, входящих в состав обоих подклассов ГВ, одинакова. К подклассу эксплицитных глаголов относятся глаголы, обозначающие а) речь в общем виде: говорить, say, tell, dire, parler; б) способ произнесения речи: кричать, шептать, cry, whisper, crier, murmurer.

ter; в) вопрос: спрашивать, ask, demander, interroger; г) связь с предыдущим изложением: ответить, продолжать, answer, reply, répondre, répliquer; д) целевую направленность речи: объяснить, обвинять, explain, accuse, expliquer, accuser. В подклассе имплицитных глаголов выделяются глаголы а) восприятия: услышать, hear, entendre; б) обозначающие эмоции и внутреннее состояние говорящего: сердиться, волноваться, rage, exult, se fâcher; в) мимики, жеста, движения: улыбаться, хмуриться, smile, frown, sourire, s'approcher.

3. Наибольший удельный вес по числу глаголов во всех трех языках имеет группа глаголов, обозначающих целевую направленность речи (русский — 32 %, английский — 35, французский — 35 %).

4. Наиболее часто употребляющимся глаголом во всех трех языках является глагол говорить, to say, dire. Употребительность этих глаголов в настоящее время составляет в русском языке 30 %, во французском — 46, в английском — 64 %.

5. Число русских, английских и французских ГВ постоянно возрастает, что свидетельствует о более стилистически маркированном оформлении АВ.

6. Во всех трех сопоставляемых языках класс ГВ увеличивается в основном за счет одинаковых семантических групп: а) глаголов, передающих целевую направленность речи, удельный вес которых увеличился с XVIII по XIX ст. во французском языке в три раза, в английском языке — в шесть, в русском — в восемь раз; б) глаголов, обозначающих способ произнесения речи. Эта группа глаголов возросла вдвое в русском языке, втрое — в английском и французском; в) глаголов, обозначающих мимику, жесты, движение.

Эта группа глаголов, которая в XVIII ст. была только намечена в русском (1 гл.) и французском (2 гл.) языках, а в английском отсутствовала, в настоящее время представлена в нашей выборке в английском языке — 11, во французском — 26, в русском — 60 лексическими единицами.

В процессе анализа зарегистрировано весьма своеобразное использование глагола faire в качестве ГВ, что не отмечено ни в русском, ни в английском языках, как в случаях: «Quel fromage? fit l'aubergiste». (Г. Флобер). «Je ne peux plus, fit le petit prince tout tougissant». (А. Сент-Экзюпери). «Passe-moi une cigarette», — fait paresseusement, elles sont de ton côté». (Ф. Саган), причем такое употребление обнаруживает тенденцию к увеличению. В XIX в. в нашей выборке в 1000 единиц — 26 конструкций, в XX — 61 (конструкции).

Наиболее существенное различие в классе ГВ в русском, английском и французском языках касается общего числа ГВ и соотношения эксплицитных и имплицитных глаголов.

1. На всех этапах изучаемого периода глаголов ввода в русском языке было больше, чем во французском и английском. Для XX ст.

при одинаковом объеме выборки в русском языке выделено в 2,5 раза больше ГВ, чем в двух других сопоставляемых языках (рус. — 240 гл., англ. — 106, фр. — 107).

Что касается английского и французского языков, то здесь обращает на себя внимание поразительное единообразие в численности их ГВ во всех трех столетиях: XVIII ст.: англ. — 39, фр. — 35; XIX — англ. — 56, фр. — 64; XX — англ. — 106, фр. — 107, что заставляет искать причину такого явления в общестроевых характеристиках этих аналитических языков, отличающих их от русского языка. Значительное численное превосходство русских ГВ, вероятно, частично объясняется особенностями видовой системы русского языка. Видообразующие эффиксы не только изменяют видовую характеристику русского глагола, но и создают новые лексемы. Ср.: говорить—проговорить—заговорить—уговорить—договорить—отговорить (как в «отговорила роща золотая»), а также в значении «заставить изменить решение».

2. Что касается соотношения эксплицитных и имплицитных глаголов, то здесь каждый язык обнаруживает индивидуальные характеристики. В настоящее время в русском языке эти подклассы приблизительно равны по объему (128 эксплицитных и 111 имплицитных глаголов на 1000 случаев), во французском число эксплицитных ГВ вдвое, а в английском в четыре раза превышает число имплицитных (фр. эксплиц. — 70, имплиц. — 34; англ. эксплиц. — 82, имплиц. — 24).

Вероятно, известные ограничения в развитии подкласса имплицитных ГВ объясняются своеобразием структуры выражения подобных понятий. В состав подкласса имплицитных ГВ входит группа глаголов, обозначающих эмоции, которым в английском языке и в меньшей степени — во французском соответствуют аналитические образования: ср.: возмутиться — *to be indignant, to be exasperated, être indigné*;

заинтересоваться — *to get/become interested, prendre intérêt à qch, porter attention à qch*;

рассвирепеть — *to fly into a rage, become furious, devenir furieux, entrer en fureur*;

поразиться — *to be surprised/astonished, être frappé to be upset, être affecté, perdre sa belle humeur*.

Вторая причина преобладания русских имплицитных ГВ, возможно, связана с характером лексических единиц, входящих в группу вводов мимики, жеста, движения. В русском языке чрезвычайно широко распространен способ введения ПВ не отдельными глаголами, а глагольно-именными группами и фразеологическими сочетаниями типа «вздернуть брови, всплеснуть руками, тряхнуть головой, пожать плечами, топнуть ногой, захлопать в ладоши, стукнуть кулаком по столу. Такая структура вводящего элемента, вероятно, ограничивает возможность их употребления с обратным порядком слов при постпозиции и интерпозиции французских и английских АВ.

Наконец, последнее из отмечаемых нами различий — употребительность основного глагола ввода: говорить, say, dire. Несмотря на большое разнообразие лексических единиц, входящих в класс ГВ, во всех трех сопоставляемых языках наиболее частотным на протяжении исследуемого периода является глагол говорить (say) dire. Естественно, что в современном русском языке с его гораздо большим числом ГВ частота употребления глагола «сказать» ниже, чем «say» в английском глаголе, «dire» — во французском. Этот глагол вводит около 30 % всех СКПР. Частота употребления «dire» гораздо больше — он оформляет 46 % СКПР в современном французском языке. Что же касается английского языка, то здесь глагол to «say» употребляется в 63 % от общего числа случаев.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать рост ГВ во всех сопоставляемых языках, свидетельствующий о тенденции к стилистической дифференциации введения ПВ, и существование на фоне целого ряда сходных черт в развитии класса ГВ в сопоставляемых языках, что закономерно в свете их генетической общности и значительных особенностей как количественных, так и качественных. В первую очередь следует отметить большие соответствия в характере глаголов ввода в английском и французском языках и своеобразие русского языка, что, по-видимому, обусловлено лексико-грамматическими особенностями категории вида русского глагола и более высокой степенью синтетизма русского языка.

Зарегистрировано также известное расхождение между английским и французским языками, главным образом, количественного порядка, за исключением весьма своеобразного использования глагола faire во французском языке в качестве имплицитного глагола говорения.

Список литературы: 1. Кубрякова Е. С. Морфонологические характеристики и их роль в типологическом описании языков // Лингвистич. типология. М., 1985. С. 56—64. 2. Жлуктенко Ю. О. Основы контрастивного исследования грамматики английской, украинской, российской мов. К., 1983. 120 с. 3. Клычков Г. С., Демусяк М. А. Типологические трансформации в функциональной грамматике // Пробл. функцион. грамматики. М., 1985. С. 162—171. 4. Ткаченко Р. Г. Синтаксические конструкции прямой речи в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1978. 28 с. 5. Панина Н. А. Имплицитность языкового выражения и ее типы // Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979. С. 48—60.

Поступила в редколлегию 30.09.86

Л. Н. ФЕДОРОВА, канд. филол. наук

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ РЕТРОСПЕКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Одной из объективно присущих категорий текста является ретроспекция, под которой понимается не только введение новой содержательно-фактуальной информации, но и свойство текста, об-

ращающее читателя к ранее сообщенной в тексте информации [1]. Выделяются два основных типа ретроспекции: композиционно-текстовая и отсылочная [2]. Первый тип ретроспекции предполагает введение новых не упоминавшихся в тексте фактов. Второй тип определяется как необходимость возвращения читателя к ранее сообщенной содержательно-фактуальной информации.

Целостность и непрерывность текста определяют ретроспективные и проспективные отношения. Структура художественного произведения двумерна, развивается во времени и в каждом моменте, являясь результатом взаимодействия и интеграции предшествующих и последующих элементов [3].

В настоящей статье ставится задача рассмотреть различные аспекты мотивации ретроспекции и особенности корреляции между композиционно-текстовой ретроспекцией и предретроспективным отрезком текста. Мотивированность трактуется как создание необходимых лингвистических предпосылок для развертывания ретроспективного повествования. Предшествующий ретроспекции отрезок текста, который подготавливает читателя к изменению временного плана повествования, содержит мотивирующий фактор (МФ). Под последним мы понимаем такую смысловую нагрузку предшествующих сверхфразовых единств (СФЕ), которая создает определенные предпосылки для введения ретроспекции именно в данной части текста, определяет тематику и структуру ретроспективной части.

СФЕ могут подводить к ретроспекции прямо или косвенно, через ассоциативные связи. В первом случае отмечается маркированность их нижних границ: МФ заканчивается определенными типами предложений, которые сигнализируют переход к новой теме. В их состав включается лексика семантически сопряженных полей (употребление глаголов *tell*, *relate* в сочетании с существительным *story*). Внутритекстовые ассоциации возникают на основе смыслового параллелизма и охватывают разные языковые уровни. Связь между МФ и ретроспективной частью осуществляется на основе внутритекстовой прогрессивной ассоциации. Картины прошлого возникают в памяти как реакция на увиденное или услышанное. Мгновенность, внезапность временных смещений подчеркивается лингвистическими и графическими средствами: «... But you must know Rabbi Gohen», cried the President. Rabbi Gohen in America!» said Mr. Broomlight rather impatiently. But in your district ... only two or three years ago...» (G. Charles)

Временной показатель устанавливается контакт с иной временной плоскостью: «Mr. Broomberg started to speak then stopped. Rabbi Gohen ... the year his wife died. Grief stricken, he had paid no attention whatever to communal affairs. But even so, something had percolated. Something had happened, not in his district ... but in the neighbouring one. Some trouble, criticism, high words ... a strong feeling in town» (ibid.).

В приведенном отрезке текста отчетливо проявляется изображение самого процесса реконструкции прошлого. Лингвистические

средства (some, something), перерывы в повествовании демонстрируют активную мыслительную работу.

Предваряющие ретроспекцию отрезки текста по их смысловой нагрузке можно подразделить на три группы: 1) пейзажные зарисовки; 2) психологическое состояние персонажа в момент коммуникации; 3) описание внешности персонажа.

Предваряющие ретроспекцию отрезки текста, тематически связанные с описанием пейзажа, выполняют в структуре текста две основные функции, а именно: непосредственно мотивируют ретроспекцию и создают эмоциональный фон для последующего ретроспективного повествования. В зависимости от выполняемой функции изменяется характер корреляции ретроспективной части и МФ. При предшествующей ретроспекции пейзажной зарисовки, которая непосредственно мотивирует ее введение в текст, между МФ и ретроспективной частью повествования устанавливаются отношения, основу которых составляют ассоциативные связи. Происходит резкое смещение временного плана, ослабляется маркированность конца МФ и, как правило, отсутствуют индикаторы ретроспекции. Резкий переход повествования в план прошлого, установление ассоциативной связи между двумя отрезками текста подчеркивается лексическими единицами, которые в контексте произведения реализуют семы «внезапность», «мгновенность». Окружающая обстановка, ассоциативно трансформируясь в сознании персонажа, «уводит» его в прошлое.

МФ, создающие эмоциональный фон, в известной степени определяют тематику ретроспективного отрезка текста: ... They sat on the verandah. In order not to attract insects they put out the lamp in the sitting room. At their feet, with a mighty formidable sluggishness, silent, mysterious and fatal, flowed the river. It had the terrible deliberation and the relentlessness of destiny.

Doris, I've got something to say to you», he said suddenly.

His voice was very strange. Was it her fancy that he had difficulty in keeping it quite steady? She felt a little pang in her heart because he was in distress, and she put her hand into his.

Приведенный отрезок текста двояко подводит к ретроспекции. Прямая речь персонажа, где имеются индикаторы ретроспекции, эксплицирует ее введение в текст. Имплицитно подводит к ретроспекции МФ, граница которого совпадает с абзацем. Мотивирующее СФЕ настраивает читателя на ожидание чего-то таинственного, тревожного. Этому способствует концентрация слов с семой отрицательной оценки: formidable, fatal, mysterious, relentlessness of destiny.

Выделение отрезков текста, тематически связанных с показом внутреннего состояния персонажа, опирается на особенности их организации. В этом случае учитывается, прежде всего, выбор лексики. Номинация тематического поля «внутреннее состояние» способствует не только выражению индивидуальных особенностей персонажа, но и обуславливает развитие сюжета. Употребление специальной лексики помогает автору создать необходимую атмо-

сферу для предъявления ретроспективной информации. Читатель воспринимает МФ как имеющий положительную или отрицательную окраску и переносит сложившееся представление на последующее описание.

Выделенная группа МФ, тематически связанных с раскрытием психологического состояния персонажа, непосредственно соотносится с тематическим планом композиционно-текстовой ретроспекции. Ретроспективный отрезок текста воссоздает важные, поворотные пункты в жизни героев. Особенность употребления лексики, своеобразная интонация повествования продиктованы переживаниями героев, мысли которых обращены в прошлое.

Внутреннее состояние персонажа может раскрываться в тексте непосредственно путем указания на его внешнее проявление или косвенно через обозначение действий персонажей. При прямой передаче состояния героя используется лексика, которая отражает результат его внутреннего движения (*cry, sigh, tremble, blush, tears*). Было установлено, что в МФ номинацию получают прежде всего отрицательные переживания. МФ имплицитно подводит к ретроспекции.

Функция МФ не ограничивается только созданием фона для введения ретроспекции. Смысловое построение мотивирующих СФЕ — употребление определенной лексики в плане субъекта, его намерений рассказать о прошлом и включение индикаторов ретроспекции — эксплицитно ее введение в текст: *Her blush had the wild rose tint of a young girl's. She constricted her smile to the limits of formal propriety then she became confidential again. It was evident that she was as ravenous for talk as a long-starved man before his first dish of food.*

Смысловым ядром мотивирующего СФЕ служит сочетание *ravenous for talk*. Словарное значение прилагательного — «прожорливый», «жадный» усиливается сравнением *she was as ravenous for talk as a long-starved man*. Употребление прилагательного *confidential* также подводит читателя к восприятию ретроспективного повествования. Эмфатическая конструкция *did dine* с предшествующим наречием эксплицитно указывает на желание героини поделиться с автором своими воспоминаниями. Лингвистические средства, таким образом, подготавливают читателя к переходу в иной пространственно-временной континуум.

МФ по способу передачи содержательно-фактуальной информации статичны, их статичность логически оправдана предоставлением читателю возможности осмыслить предъявленную информацию и подготовиться к восприятию ретроспективной информации. Темп повествования замедляется, наблюдаются перерывы в коммуникации. В немалой степени этому способствует включение в МФ глаголов, выражающих неподвижность (*stare, stop, gaze, peer*). Эти глаголы, с одной стороны, характеризуют действия персонажа, а с другой — создают необходимую информационную паузу для введения новой информации. На фоне замедленного действия включение индикаторов ретроспекции прямо указывает на то,

что последует описание, относящееся к прошлому. Таким образом, предшествующие ретроспекции отрезки текста, тематически связанные с раскрытием внутреннего состояния персонажа в момент коммуникации, создают высокую степень ожидаемости появления ретроспекции.

Описание внешности в художественном произведении выдвигает на первый план сюжетно важные и вместе с тем выразительные детали. СФЕ, тематически связанные с описанием внешности персонажа, содержат информацию, которая «преломляется» и получает дальнейшее развитие в ретроспективной части текста. Портретная зарисовка героя, которая дается автором, может контрастировать с его описанием в ретроспективной части или, наоборот, получать дальнейшее развитие за счет введения новых характерологических деталей.

Выделенная группа МФ непосредственно не подводит к изменению временной перспективы повествования, но создает необходимый фон для восприятия ретроспективной содержательно-фактуальной информации. Система лингвистических средств, участвующая в передаче содержательно-фактуальной информации МФ, помогает читателю выделить релевантные для раскрытия характера персонажа детали его внешности: ... A large studio portrait of Dick Coleman showing the face of an effeminately good-looking man, stared at him from a side table. It had been taken 17 years before, when Dick was 23 and Max thought that even then he had looked completely insane.

Основную смысловую нагрузку несут слова *effeminately* и *insane*. Первое отражает некоторые аномальные особенности во внешности героя. В последующем предложении, которое по своему характеру ретроспективно, употребляется прилагательное *insane*, усиленное наречием *completely*. Это сочетание еще больше подчеркивает необычность внешности героя. МФ формирует пресуппозицию читателя. Подчеркивание в дальнейшем главной героиней в ретроспективной части внешности Дика (*very handsome, wonderful*) контрастирует с его описанием, данным в МФ, и выделяет деталь его внешней характеристики, которая несет основную смысловую нагрузку (*looked completely insane*). МФ, включающий описание внешности персонажа, способствует тому, что все поступки Дика воспринимаются как свойственные душевнобольному.

В качестве основного критерия выделения МФ в статье принимается его монотематичность. Если МФ политематичен, то тематика не выходит за пределы того, что определено для подобных отрезков текста.

Проведенное исследование дает основания утверждать, что появление композиционно-текстовой ретроспекции в художественном тексте лингвистически мотивировано, оно подготавливается системой языковых средств предшествующего СФЕ.

Поступила в редколлегию 30.09.86

И. Е. ФРОЛОВА

НЕКОТОРЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ НОМИНАТИВНЫХ ПОВЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Номинативные повелительные предложения реализуют в речи различные оттенки прагматических значений и представляют в этом плане значительный интерес для исследования. Такое исследование является актуальным, поскольку прагматический аспект номинативных повелительных предложений, как и номинативных предложений вообще, является наименее изученным, а адекватный анализ языковых единиц возможен лишь при учете не только формальной, но и содержательно-коммуникативной стороны исследуемого объекта.

Ряд лингвистов, например Е. В. Падучева [1, с. 31], придерживаются мнения, что рассмотрение предложения в коммуникативном процессе требует перехода от предложения к высказыванию. Нам представляется возможным использовать термин «предложение», подразумевая «гибрид предложения и высказывания» (термин М. М. Бахтина), исходя из того, что исследование проводится в пределах определенного структурно-грамматического типа.

Номинативные побудительные предложения являются почти абсолютными синонимами глагольных повелительных предложений, отличаясь от них лишь большей степенью эффатичности, экспрессивности. В ряде речевых ситуаций номинативные повелительные предложения стали привычными формулами, «вытеснив» двусоставные глагольные предложения (например, заказы блюд).

Особо важное значение имеет в номинативных повелительных предложениях интонация, так как именно она определяет грамматический и коммуникативный статус предложения. В случае письменной речи эти данные выводятся из контекста.

Не столь многочисленная, как группа номинативных предложений констативного или квеситивного типа, группа номинативных директивов разнообразна по характеру содержания и своим коммуникативным функциям.

По характеру содержания номинативные директивы рематичны, тема не получает в них эксплицитного выражения, а имплицуруется контекстом или экстралингвистической ситуацией. Это соответствует одному из «коммуникативных постулатов» Х. П. Грайса — «постулату количества» — «Не делай твой вклад в разговор более информативным, чем это требуется».

Эксплицитное выражение в номинативном повелительном предложении может получать:

1. Агенси (в том случае, когда имплицитруется действие): «Beginners, please». (W. S. Maugham)

2. Действие (агенси имплицитруется, происходит номинализация действия): «No interruptions, please». (A. Christie)

3. Объект: «Some sandwiches, please, for Mr. Howden». (A. Hailey)

4. Инструмент: «The handle!». (A. Hailey)

5. Локатив: «Police headquarters», — Mason said. (E. S. Gardner). «She turned to the taximan and said «National Gallery»». (A. Merdok)

6. Номинативное повелительное предложение может также содержать условный сигнал к действию: «Fire!»

Как известно, основное коммуникативно-интенциональное содержание директива состоит в побуждении к действию, точнее, исходная интенция предложений данного типа заключается в сообщении адресату информации о том, что говорящий хочет побудить его совершить некоторое действие, конечная же интенция состоит в совершении этого действия. Директив как прагматический тип обычно подразделяют на инъюнктив и реквестив. Это деление правомерно и для номинативных директивов:

«Brandy», said Mr. Pinfold. «Large one». (E. Waugh)

«The white meat, please, Father». (P. S. Buck).

И приказ, и просьба содержат одну и ту же пресуппозицию — адресат способен совершить некоторое действие, но не совершит его без побуждения со стороны говорящего. Общими для них являются как исходная, так и конечная интенция. Различие же состоит в том, что, употребляя инъюнктив, 1) говорящий предполагает, что адресат должен совершить то, что хочет от него говорящий; 2) употребление инъюнктива соответствует положению говорящего и адресата (их социальному положению, полу, возрасту, характеру их взаимоотношений и экстралингвистической ситуации); 3) говорящий не стремится к смягчению своего коммуникативного намерения.

Отсутствие одного из этих факторов приводит к замене инъюнктива реквестивом. Формальными показателями их различий являются интонация в устной речи, а в письменной — наличие слова «please» и контекст.

Но формально выраженный реквестив может в некоторых случаях употребляться с иллокутивной силой инъюнктива (например, при обращении начальника к подчиненному). Такая замена инъюнктива реквестивом обусловлена действием «постулата вежливости» Х. П. Грайса.

Одной из общих черт инъюнктива и реквестива является и то, что бенефициантом действия, к которому побуждает говорящий, является он сам. Принимая во внимание этот фактор, нам представляется возможным выделить в номинативных повелительных предложениях еще один прагматический подтип, а именно — адвексиф.

Адвеситив содержит совет, рекомендацию. А. Вежбицкая отмечает тот факт, что советы, как правило, имеют повелительную форму, причем эта черта свойственна многим языкам. Имея общую с инъюнктивом и реквестивом пресуппозицию и коммуникативную интенцию, адвеситив отличается тем, что бенефициантом действия, к которому стремится побудить говорящий, является не он сам, а адресат (реже — какое-либо третье лицо):

«Courage!» cried Poirot, clapping him on the back. (A. Christie)
Встречаются, хотя и не часто, случаи, когда говорящий и адресат — одно и то же лицо, и совет обращен к самому себе. Это происходит в случае эгоцентрической речи:

«Patience — only patience», he thought. (A. Christie)

Номинативные повелительные предложения, как и всякие предложения директивного типа, всегда инициативны, они побуждают адресата к совершению какого-либо действия (речевого или материального). Но это не значит, что адресат совершит именно то действие, к которому его пытается побудить говорящий. Реакцией на предложение данного типа может быть как совершение требуемого действия, так и отказ от его выполнения, а также контрпредложение, вопрос о возможности замены действия другим и т. д.

Таким образом, предложения, произнесенные с одной и той же иллокутивной силой, могут вызвать различный перлокутивный эффект и, наоборот, один и тот же перлокутивный эффект (выполнение требуемого действия) может быть достигнут произнесением предложений различных прагматических типов:

No water. = Bring some.

No water. = Bring some.

В этом случае мы имеем дело с использованием косвенной речевой тактики или прагматическим транспонированием предложений.

Рассмотрим прагматическую транспозицию типа констатив → директив. Наиболее характерными примерами констатива, приобретающего иллокутивную силу директива, являются предложения, сообщающие 1) о темпоральных явлениях: «Fea time», she told the maid. (M. Stewart); 2) о наличии чего-либо, что вызывает или может вызвать дискомфорт у говорящего: «The window». (-Close it) (A. Hailey). Если же аналогичное предложение сообщает о чем-либо, что вызывает или может вызвать дискомфорт у адресата, то мы имеем дело с предостережением: «Be careful», called Battle, «Weeds». (A. Christie)

Транспозиция констатив → директив является наиболее распространенной, но встречаются и случаи транспозиции квеситив → директив. Необходимо отметить, что эта транспозиция является неполной. При переносном (в прагматическом отношении) употреблении исходное прямое значение (запрос информации) не устраняется. Переносное добавочное прагматическое значение на-

слаивается на прямое основное. Выбор прямых либо косвенных средств побуждения определяется интонацией говорящего.

Некоторые рассмотренные выше аспекты прагматики номинативных повелительных предложений не исчерпывают всех особенностей их функционирования в языке. Однако они «достаточно убедительно свидетельствуют о том, что номинативные единицы языка, находящиеся в системных связях с глагольными образованиями, выступают в речи их полноправными конкурентами, существенно пополняющими систему номинативных средств языка сжатыми, экономными способами выражения простого и сложного содержания» [2, с. 41].

Список литературы: 1. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985. 120 с. 2. Старикова Е. Н. Односоставные имен-ные предложения в современном английском языке//Номинализация в современном английском языке. К., 1982. С. 7—77.

Поступила в редколлегию 26.09.86

В. В. ХИМЕНКО, канд. филол. наук

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ НЕПОЛНОЙ ПРЕДИКАЦИИ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

В англистике словосочетания $V + V_{inf}$ неоднократно подвергались анализу в работах О. Есперсена, В. В. Бурлаковой, Г. Г. Почепцова и других авторов. Однако они изучались с позиции системы языка (пропозициональной модели). На настоящем этапе развития языкознания предпочтение отдается исследованию коммуникативной модели, обусловленной конкретными ситуативными заданиями. Следовательно, темой исследования являются речевые характеристики синтаксически сложных сказуемых, имеющих в современной лингвистике статус одноядерного глагольного словосочетания с правым распространением, т. е. прогрессивной структуры [1]. Выбор темы исследования объясняется возросшим за последнее время интересом лингвистов к проблемам семантического синтаксиса и избирательной сочетаемости языковых единиц в зависимости от характера текста.

В работе анализировались инфинитивные словосочетания в текстах политической хроники, диалогической речи художественной прозы и научной прозы по радиофизике и электронике.

Глаголы, способные присоединять зависимый инфинитив, относятся к подгруппе глаголов неполной предикации и характеризуются специфической семантикой — «информативной недостаточностью» [2]. Главным аспектом языковой семантики признаются не значения сами по себе, а смысловые отношения между ними. Сеть синтагматических отношений между семантическими группами глаголов, или «семантические реляции» [3], велика и разнообразна. Изучение иерархической системы сочетаемостных характе-

ристик компонентов глагольного словосочетания на уровне синтагматики позволяет выявить закономерности их семантического сложения в процессе коммуникации. В частности, в нашей работе изучены отношения между семантическими классами управляющего и зависимого компонентов модели [4], установлена мера их связи, а также иерархии синтагматических лексических связей наиболее частотных конкретных глаголов.

Семантическая сочетаемость изучалась по следующим параметрам: 1) отдельно в каждом из текстов для выявления присущей им специфики; 2) в текстовом противопоставлении для выявления типов семантической связи, не зависящих от характера текста; 3) на основе исследования лексических связей конкретных глаголов с целью обнаружения наиболее типичных повторов — рекуррентных пар в текстах и их иерархии.

На основе количественно-качественных характеристик установлены типы синтактико-семантической связи между компонентами словосочетания: положительный (первого и второго рода), отрицательный и нейтральный.

Наиболее устойчивыми связями в текстах политической хроники характеризуются глаголы эмоционального отношения с глаголами знания, мышления, чувственного восприятия. Среди них преобладающее большинство составляют глаголы волеизъявления в сочетании с глаголами, обозначающими процесс познания путем зрительного или слухового восприятия. Это словосочетания *want to know, want to see, hope to see, wish to know, expect to see*, например: «We want to know precisely what the situation was all over the country» или «What these millions want to see is the fact of peace on earth...» (*Morning Star*). Для семантических классов глаголов интеллектуальной деятельности наиболее характерны связи с инфинитивом, обозначающим присоединение, приобретение: «Every one who possibly decided to join the torchlight procession will start to-morrow at 6 pm». Глаголы коммуникативной деятельности обладают четко выраженным тяготением к глаголам информации: «The company refused to discuss the closure». (*Daily World*)

Изучение семантических связей фазовых глаголов свидетельствует о том, что в текстах политической хроники они могут реализовать тройные связи (первого и второго рода): с экзистенциальными глаголами: *continue to be, cease to be* (глаголы *begin* и *start* неконгруентны к глаголу *to be*); с глаголами интеллектуальной деятельности (*begin to understand, begin to think, begin to realise* и др.); с глаголами изменения состояния: *continue to rise, begin to come down* и др.

Семантический класс глаголов кажимости характеризуется ярко выраженным тяготением к глаголам бытия (главным образом, + имя) и менее характерными связями с глаголами мышления и эмоционального восприятия.

В целом находит проявление понятийная соотнесенность между содержательными свойствами «ядерного» и зависимого элементов словосочетания.

Спецификой диалогической речи являются глаголы интеллектуальной деятельности, которые (в отличие от текстов политической хроники) реализуют положительные связи с глаголами информации, присоединения и движения: 1. In fact he practically told me that h intend to ask her to marry her (Ayres, 75); 2. He's anxious in case you've been forgetting to take your insulin (Spark, 67); 3. I didn't mean to go back any more (Ayres, 14).

К специфике функционирования глаголов коммуникативной деятельности относятся их устойчивые связи не только с глаголами сходной семантики (promise to talk, refuse to answer), но и с глаголами приобретения и движения: 1. Cassey knew Lyman had refused to buy it (Knebel, Beiley, 28); 2. I've already offered to walk home, if you object to my company (Ayres, 111).

В текстах электроники и радиофизики наблюдались те же закономерности сочетаемости семантических классов, что и в политической хронике и диалогической речи.

Сопоставление характеристик семантического согласования компонентов исследуемой модели в трех текстах дало возможность установить общие закономерности их семантического тяготения. Во-первых, каждый семантический класс тяготеет, главным образом, к одной семантической группе зависимого инфинитива. При этом семантика восполняющего компонента коррелирует с семантикой восполняемого слова. Это явление можно определить как семантическое равновесие.

Таким образом установлено, что независимо от характера текста поддерживаются регулярные синтактико-семантические связи: а) глаголов эмоционального отношения с глаголами мышления, чувственного восприятия; б) глаголов фазы процесса с глаголами движения, изменения состояния; в) глаголов интеллектуальной деятельности с глаголами присоединения, приобретения; г) глаголов кажмости с экзистенциальными и копулятивными глаголами.

К нерегулярным, периферийным синтактико-семантическим связям относится сочетаемость семантических классов глаголов: а) эмоционального отношения и экзистенциальных; б) кажмости и информации; в) кажмости и движения; г) фазы процесса и присоединения, приобретения.

Эти наблюдения свидетельствуют о том, что сочетаемость семантических классов компонентов словосочетаний в текстах характеризуется высокой степенью общности, что, в свою очередь, доказывает системный характер семантической сочетаемости.

Установлена также иерархия синтагматических лексических связей наиболее частотных конкретных глаголов. Например, лексическая сочетаемость глаголов refuse (в политической хронике), want (в диалогической речи), appear (в электронике и радио-

физике): refuse to provide (38)*; refuse to accept (33); refuse to negotiate (20) и др.; want to see (247); want to know (226); want to be (81) и др.; appear to be (813); appear to howe (59) и др.

Анализ лексических связей исследуемых словосочетаний в текстах показал, что каждый из стилей и жанров характеризуется специфическим набором рекуррентных пар.

Список литературы: 1. Иванов И. П. и др. Теоретическая грамматика современного английского языка/И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. М., 1981. С. 106. 2. Шведова Н. Ю. Категориальные свойства на службе его синтаксических связей//Prague Komisji slowianznawstwa. 1971. № 3. С. 18. 3. Городецкий Б. Ю. Проблема инвентаризации синтагматической семантики//Пробл. семантики. М., 1974. С. 136—143. 4. Хименко В. В. Сочетаемость глаголов с инфинитивом в текстах современного английского языка (поверхностная структура и семантика): Дис. ... канд. филол. наук. Х., 1984. 134 с.

Поступила в редколлегию 10.09.85

Н. В. КОНОНЕНКО

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА ФАКУЛЬТЕТАХ ТОЧНЫХ НАУК

На процесс усвоения грамматики иностранного языка оказывают влияние разнообразные факторы: объем и организация материала, количество учебных часов, уровень подготовки обучаемых и т. д. В данной статье мы хотели обратить внимание на фактор, оказывающий также определенное влияние на восприятие и усвоение грамматического материала.

Речь идет о знании изучающими иностранный язык грамматической терминологии. Мы уже затрагивали этот вопрос ранее и отмечали, что предлагаемая в [1] методика может компенсировать в той или иной степени не всегда достаточные знания грамматических терминов, но мы не исследовали собственно уровень этих знаний. Данная же работа посвящена специально этому вопросу.

При изучении любой дисциплины знание специальной терминологии обязательно. Совершенно очевидно, что человек, не знающий названий основных понятий (либо, наоборот, знающий собственно названия, но не понимающий, что они означают), не может успешно усваивать учебный материал. К сожалению, как это будет показано ниже, знания грамматической терминологии студентами факультетов точных наук недостаточны и даже неудовлетворительны.

Мы составили перечень из 40 пунктов — грамматических терминов. При этом примерно четвертая часть перечня (условно называемого анкетой) освещала глагол и глагольные формы:

* В скобках приведена абсолютная частота повторения в тексте, содержащем 5 000 глагольных словосочетаний указанного типа.

1) корень	18) простое время глагола
2) суффикс	19) сложное время глагола
3) окончание	20) изъявительное наклонение
4) основа	21) условное наклонение
5) частица	22) повелительное наклонение
6) союз	23) морфология
7) предлог	24) простое нераспространенное предложение
8) артикль	25) простое распространенное предложение
9) местоимение:	26) подлежащее
а) личное местоимение	27) сказуемое
б) притяжательное местоимение	28) определение
г) безличное местоимение	29) дополнение:
10) склонение	а) прямое дополнение
11) спряжение	б) косвенное дополнение
12) глагол:	30) обстоятельство
а) переходный глагол	31) главные члены предложения
б) непереходный глагол	32) второстепенные члены предложения
в) вспомогательный глагол	33) однородные члены предложения
г) смысловой глагол	34) прямой порядок слов
д) модальный глагол	35) обратный порядок слов
13) инфинитив	36) сложносочиненное предложение
14) причастие:	37) сложноподчиненное предложение
а) действительное причастие	38) главное предложение
б) страдательное причастие	39) придаточное предложение
15) деепричастие	40) синтаксис
16) активная форма глагола	
17) пассивная форма глагола	

Отвечающим на анкету студентам было предложено объяснить в письменной форме значение этих терминов и привести пример на русском или изучаемом иностранном языке; те, кто затруднялся дать определение термину, могли ограничиться примерами.

На анкету отвечали студенты первого курса физического и механико-математического факультетов (43 человека). Из них 21 изучали английский язык, 12 — немецкий и 10 — французский. Ответы были проанализированы, и сделан подсчет в процентах правильных, неправильных и «нулевых» ответов (последние означают отсутствие ответа). Ниже мы даем цифры по нескольким, на наш взгляд, наиболее важным понятиям; что же касается остальных пунктов, предлагаем следующий комментарий:

1) 100 % правильных ответов наблюдалось в одном единственном случае — п. 1 («корень»);

2) более 90 % правильных ответов было дано по п. 2 («суффикс»), п. 3 («окончание»), п. 4 («основа»), п. 26 («подлежащее»), п. 31 («главные члены предложения»);

3) менее 25 % правильных ответов дано по п. 16 («активная форма глагола»), п. 17 («пассивная форма глагола»), п. 18 («простое время глагола»), п. 19 («сложное время глагола»), п. 20 («изъявительное наклонение»);

4) наиболее распространенные ошибочные ответы:

а) смешение понятий — частей речи с понятиями — членами предложения;

б) путаница между понятиями причастие—деепричастие, склонение—спряжение, неопределенно-личное местоимение—безличное местоимение;

в) подавляющее большинство опрошенных путают служебные части речи — принимают предлоги за союзы, частицы за предлоги и т. д.;

5) велик процент «нулевых» ответов — по очень многим пунктам случаев отсутствия ответов гораздо больше, чем случаев неправильных ответов;

6) необходимо также отметить следующее обстоятельство: очень часто правильный ответ был неполным. Например, определяя глагол (п. 12), все написали, что он обозначает действие, но никто не указал, что он также обозначает состояние. По п. 27 («сказуемое») ни разу не было примера с именным составным сказуемым. В качестве примера в п. 5 («частица») большинство привело только отрицательную частицу «не». В п. 37 («сложноподчиненное предложение») примеры представляют собой либо сложноподчиненное предложение с придаточным определительным (союз «который»), либо с обстоятельственным временным (союз «когда»); не было ни одного примера с придаточными причины, цели или уступительным. Таким образом, ответы, хотя и правильные, но не полные и в какой-то мере примитивные.

Ниже мы приводим таблицы по п. 9 («местоимение»), п. 12 («глагол»), п. 14 («причастие») и п. 29 («дополнение»). Знак «+» в таблицах означает правильный ответ, «—» — неправильный, «0» — отсутствие ответа.

Как видно из табл. 1—4, удовлетворительными можно считать только ответы по пп. 9а и 9б, знания же всех остальных понятий внушают серьезное беспокойство, поскольку все эти термины употребляются на занятиях преподавателем и используются в грамматических разделах каждого урока в учебных пособиях. Таким образом, качественного усвоения грамматического материала у значительной части учащихся может не произойти из-за буквального непонимания того, что написано в учебнике или произносится преподавателем.

То обстоятельство, что студенты неязыковых факультетов, в частности факультетов точных наук, плохо знают грамматическую терминологию, должно быть учтено и как-то скомпенсировано

п. 9 — «местоимение»

Таблица 1

№	Название понятия	+	—	0
9а	личное местоимение	84 %	5 %	11 %
9б	притяжательное —,,—	70 %	11 %	19 %
9в	указательное —,,—	42 %	37 %	21 %
9г	безличное —,,—	9 %	47 %	44 %

№	Название понятия	+	—	0
12а	переходный глагол	16 %	14 %	70 %
12б	непереходный —,—	14 %	14 %	72 %
12в	вспомогательный —,—	40 %	9 %	51 %
12г	смысловый —,—	30 %	2 %	68 %
12д	модальный —,—	30 %	7 %	63 %

Таблица 3

№	Название понятия	+	—	0
14а	действительное причастие	49 %	2 %	49 %
14б	страдательное причастие	49 %	5 %	46 %

Таблица 4

№	Название понятия	+	—	0
29а	прямое дополнение	12 %	12 %	76 %
29б	косвенное —,—	16 %	2 %	82 %

в процессе обучения иностранному языку [2]. Пути для этого могут быть различны. В частности, в [1] мы показали, что математические символы помогают обойти трудности, связанные с недостаточным знанием грамматической терминологии, поскольку в формульной записи глагольных форм различные грамматические понятия условно обозначаются буквами и при этом не возникает необходимости вспоминать их названия и определения. Но, конечно, возможны и другие варианты, например, повторение терминологии, известной из школьного курса, выполнение упражнений с анализом предложений по частям речи и членам предложения и т. д. Этот вопрос должен решаться самим преподавателем в соответствии с его индивидуальным стилем работы.

Список литературы: 1. Кононенко Н. В. Исследование математической символики при обучении грамматике иностранного языка студентов и специалистов в области точных наук//Иностр. яз. в высш. шк. 1985. Вып. 21. С. 10—20. 2. Бейдер Е. И., Кононенко Н. В. О некоторых особенностях обучения грамматике специалистов в областях точных наук//Вести. ХГУ. 1985. № 5. Романогерман. филол. С. 101—104.

Поступила в редколлегию 22.09.86

УЧЕБНО-РОЛЕВАЯ ИГРА КАК ФОРМА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Успешное развитие системы высшего образования, ее гибкость и восприимчивость к новому, высокое качество подготовки специалистов — все это в решающей степени зависит от квалификации преподавателей.

Исследователи проблем высшей школы связывают перспективы подготовки и переподготовки специалистов с обобщением и распространением передового опыта разработки и применения активных методов обучения, среди которых все более широкое распространение как в СССР, так и за рубежом получают учебно-ролевые игры.

Современная методика рекомендует использование учебно-ролевых игр главным образом при формировании практических умений и навыков, например: при общении на иностранном языке, решении задач по русскому языку, в экономике и управлении промышленным производством, социологии, истории, праву, математике и т. д. [1].

Учебно-ролевая игра (или имитационная игра) — условное воспроизведение ее участниками реальной практической деятельности людей. Степень условности воспроизведения определяется целями, которые преследует такая игра. Обязательным же элементом является исполнение ролей. Подчеркивая это обстоятельство, можем воспользоваться термином «ролевая игра», а принимая во внимание обучающий ее характер, назовем ее дидактической (учебной) игрой [2].

Нами разработана методика проведения семинара-практикума, нацеленного на повышение эффективности преподавания через получение преподавателями нового представления о сущности своей собственной деятельности и проводимого в форме игры.

Мы понимаем и используем учебно-ролевую игру как активное занятие [3], на котором приобретаются навыки применения методических приемов. В соответствии с классической теорией игры наши учебно-ролевые игры включают три этапа: подготовительный (предусматривающий создание плана-сценария, распределение ролей); игровой; заключительный (включающий подробный разбор, а именно: анализ способа организации учебного занятия как педагогического общения, определение степени достижения поставленной цели, оценку различных приемов и решений, предложенных в процессе педагогического общения, отбор наиболее удачных приемов и решений, формулирование общих выводов и рекомендаций по занятию).

Мы используем такую особенность деловой игры, как способность воспроизводить игровую модель существующих в реальности процессов производственной деятельности, в данном случае —

учебного процесса. Так как модель никогда не является эквивалентом реально существующего явления, то в характеристику модели включаем черты, свойственные учебному процессу, в той степени и только в той, в какой возможно обеспечить адекватные условия обучения в рамках системы методических приемов, предлагаемой ведущим игры. Итак, основные черты модели учебного процесса сводятся к следующему.

Количество участников игры должно приближаться к реальному количеству студентов в учебной группе данного вуза. Участники игры разделяются на три-четыре группы в соответствии с заданным уровнем подготовки по иностранному языку, имитирующему как можно ближе к реальному уровень подготовки студентов данного вуза. При этом ведущий, который играет роль преподавателя и демонстрирует разработанный им методический прием, в одном случае (когда модель имитирует знакомую по успеваемости для преподавателя группу) сам задает уровень подготовки для каждого участника. В другом случае (если моделируется занятие с незнакомой для преподавателя — ведущего группой) участники распределяют уровни между собой, не ставя в известность ведущего. В первом случае мы наблюдаем способность ведущего и его методики рационально опираться на хорошо изученную аудиторию, во втором — раскрываются возможности (или отсутствие таковых) вовлечения всех участников игры в активную деятельность, и уровень их раскрывается перед ведущим только в процессе игры. Таким образом могут ставиться самые разнообразные задачи с достаточной степенью непредсказуемости учебных действий участников, чтобы увидеть творческие возможности ведущего и его методики.

Мы видим роль и назначение такой учебно-ролевой игры в следующем. Игра позволяет ее участникам понять и испытать на себе, как на модели учащегося, весь механизм предлагаемой методической системы или приемов, дать им внутреннюю оценку и решить для себя каждому участнику вопрос о возможности применения предлагаемой системы в своей дальнейшей педагогической деятельности. Во-вторых, так как в качестве модулируемых студентов участники могут играть активную роль в учебном процессе, они, как правило, стремятся создавать типичные ситуации, связанные с трудностями, которые мешают в реальном учебном процессе. Этим участники игры создают непредсказуемые для ведущего ситуации, что дает возможность оценить степень эффективности методического приема ведущего с тем, чтобы в случае удачных и экономичных способов решения применить их затем в своей преподавательской деятельности [4].

Итак, мы используем учебно-ролевую игру как своеобразный испытательный стенд для отработки и формирования цепи действий со значительным уровнем непредсказуемости их хода. Анализ эффективности применения дидактической игры позволяет сделать выводы об определенных ее преимуществах перед существующей

практикой обмена опытом (индивидуальные взаимопосещения, открытый урок, теоретический семинар). Эти преимущества заключаются в следующем.

1. Предложенная методика обеспечивает возможность формирования способностей к оперативному реагированию на ситуацию без риска, связанного с возможными методическими ошибками в студенческой аудитории.

2. Указанная методика способствует формированию у ведущего умения объединить слушателей в работоспособный коллектив, который стремится к достижению намеченных целей.

3. Обеспечивает массовый характер ознакомления с тем или иным методическим приемом без имеющего место при традиционных способах обмена опытом психологического дискомфорта.

4. Обеспечивает обмен опытом применения различных методических приемов при значительной экономии времени.

5. Реализует возможность формирования конкретных педагогических навыков у молодых преподавателей.

Список литературы: 1. *Научно-методические вопросы внедрения деловых игр*// НИИ ВШ, 1983. № 10. С. 78. 2. *Общие методические рекомендации по применению в учебном процессе вузов дидактической игры «экзамен»*. К., 1984. 80 с. 3. *Вербицкий А. А.* Деловая игра как метод активного обучения//Совр. шк. 1982. 13 (39). С. 129. 4. *Жуков Р. В.* В помощь организации деловых игр//Вестн. Высш. шк. 1982. № 9. С. 10—27.

Поступила в редколлегию 18.09.85

В. Г. ПАСЫНОК

К ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩИХСЯ НА ПРОФЕССИЮ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Решением проблемы подготовки учителя иностранного языка в настоящее время занимаются не только вузы, но и школы, в которых организуются *педагогические* классы, куда отбирают детей, желающих стать учителями и имеющих педагогические склонности. Отбор в такие классы должен быть подготовлен в ходе систематических занятий учащихся сначала в школе «Будущий педагог», а затем непосредственно в педагогических классах (IX—X классы).

С этой целью в некоторых общеобразовательных школах г. Харькова (СШ № 12, СШ № 129) были созданы школы «Будущий педагог». Цель таких школ — отобрать способных детей и сформировать у них необходимые будущему учителю качества. В школы «Будущий педагог» принимают, как правило, учащихся, VI—VIII классов. Отбор учащихся, начиная с IV класса, не случаен, так как именно в этом возрасте наблюдается большое стремление к самоутверждению, ярко выражено чувство взрослости и критическое восприятие деятельности других. Используя воз-

растные особенности, легче вовлечь учащихся в систематическую социально-значимую деятельность и через нее формировать педагогические умения, развивать педагогические способности в свете требований, вытекающих из основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы*. При отборе в школы «Будущий педагог» учитываются интересы, склонности, способности к педагогической и профессиональной деятельности учащихся. Занятия в этой школе проводятся во внеаудиторное время.

Умения, как известно, формируются в процессе различных видов деятельности. Одним из них является внеаудиторная работа по иностранному языку, в процессе которой проводится ориентация не просто на профессию учителя, а учителя иностранного языка.

Работа на основе интереса способствует совершенствованию умений устной речи и чтения, развивает интерес к более глубокому овладению изучаемым языком, формирует положительные мотивы учебно-воспитательной деятельности учащихся, стимулирует их самостоятельную работу над языком, углубляет знания о социально-экономической, политической и культурной жизни народов мира, оказывает большое воспитательное влияние на учащихся. Иными словами, развивает очень важное качество личности учителя вообще и иностранного языка в частности — эрудицию. Следовательно, учащиеся школы «Будущий педагог» не только проверяют себя на способность стать учителем, но и формируют, развивают педагогические качества.

В процессе деятельности этой школы определяются темы, содержание и объем материала по языку, формы и методы занятий. Система таких занятий позволяет проводить естественный отбор учащихся. Если столкнувшись с трудностями, испытуемый перестает посещать школу, то, очевидно, причина кроется либо в самой системе организации учебы, либо у ученика отсутствует четко выраженная педагогическая направленность. Анализ содержания занятий с этой точки зрения позволяет нам внести некоторые коррективы по их совершенствованию.

Занятия в школе обычно начинаются с ознакомления учащихся с профессией учителя иностранного языка, требованиями общества к его личностным качествам, формированием необходимых качеств у желающих стать учителем иностранного языка, оказания помощи в овладении путем решения системы специально созданных ситуаций самими учащимися под непосредственным руководством педагогов и студентов факультета иностранных языков. Ведущий занятия в школе учит учеников четко и связано выражать свою мысль на иностранном языке, показывает приемы письма на доске, ведения урока и т. д.

Наша методика организации и проведения занятий в школе «Будущий педагог» предполагает решение следующих задач:

* См.: Экономическая газета, 1984. № 17. С. 11—14.

сформировать у учащихся умение стать на место другого ученика, проявить рассудительность, доброжелательность, терпимость, уважение к личности другого человека. Занятия в школе включают три основных момента:

1) проведение в течение 10—15 мин ролевой имитационной игры (например, розыгрыш сценки прихода учителя в класс и его приветствия учащихся на французском языке);

2) самостоятельные решения разнообразных бытовых ситуаций, не требующих специальных знаний, что способствует формированию у учащихся соответствующих умений, а также позволяет им наблюдать за собственными личностными качествами;

3) передача учителем знаний по языку слушателям.

При организации занятий в школе «Будущий педагог» учитываются возрастные особенности детей, уровень их подготовки по иностранному языку с целью формирования ряда педагогических умений. Так, у учащихся различных классов формируются следующие педагогические умения: *VI класс*: проверка правильности выполнения домашнего задания; оказание помощи при выполнении задания по иностранному языку; умение объяснить своему товарищу непонятный грамматический материал, правила чтения и деления текста на смысловые группы;

работа с ТСО; *VII класс*: оказание помощи учителю при проверке контрольных работ: изготовление наглядных пособий к занятиям; подготовка сообщений по заданной теме; введение модельных фраз и лексических единиц; составление плана урока; *VIII класс*: запись текста на магнитофонную ленту; проведение опроса учеников; составление диалога и вовлечение учащихся в беседу по изучаемой теме; подбор тем для клуба интернациональной дружбы и проведение его заседаний;

объяснение правил реферирования текста; привитие навыков работы с газетой на иностранном языке. Формы занятий в школе «Будущий педагог» могут быть различные: дидактическая игра, имитационная ролевая игра и т. д. Развитие педагогической направленности и педагогических способностей в VII—VIII классах организуется через вовлечение учащихся в воспитательную работу с учениками младших классов (вечера солидарности, пресс-конференции, вечера-встречи и т. д.).

На первом этапе обучения основное внимание уделяется показу («как надо», «делай как я»), затем включение слушателей в самостоятельную работу (подготовка фрагментов занятий по языку и выступление с ним в роли учителя на уроке: опрос, беседа, объяснение и т. п.), а также организация и проведение «мини-урока»). Обучение ведется по такой методике: первую часть занятия проводит педагог, а вторую — несколько подготовленных к этому занятию учеников. Это создает учащимся определенные условия для творческого подхода к отбору приемов, средств, методов раскрытия предлагаемой темы.

После заслушивания на занятии фрагментов урока, разработанных разными учениками, предлагается анализ их с элементами

самоанализа в соответствии с «Критериями оценки качеств личности будущего учителя», разработанными на кафедре педагогики ХГУ (эти критерии известны учащимся). Затем педагог демонстрирует лучшее построение данного фрагмента урока.

Такая методика обучения будущих преподавателей французского языка способствует формированию у них двух видов умений:

общепедагогических (передача знаний учащимся, заинтересованность их изучением иностранного языка; требовательность, доброжелательность, педагогический такт, индивидуальный подход, справедливость и др.);

необходимых непосредственно для преподавания иностранного языка (объяснение лексического и грамматического материала, реферирование текста, работа с газетой, свободное употребление разных типов реплик, выражающих просьбу, приказание, дополнение, уточнение, анализ текста с точки зрения грамматики, лексики и др.).

Поступила в редколлегию 18.09.85

В. А. УЖИК, канд. пед. наук, Н. И. ЧЕРКАШИНА

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Задача современного вуза состоит как в вооружении студентов системой общих и специальных знаний, умений и навыков, так и в формировании личности будущего специалиста. Ученые считают, что «личность» — это человек, совокупность свойств которого позволяет ему жить в обществе; в нем общие социальные свойства находят индивидуальное неповторимое выражение [1, с. 53]. В модели личности будущего специалиста одним из важнейших свойств является *познавательная самостоятельность*, которую можно определить как качество личности, предполагающее единство интеллектуальных и волевых характеристик обучающегося, позволяющее овладевать общими и специальными знаниями, умениями и навыками, а также способами приобретения знаний. Это свойство обеспечивает операционную и психологическую готовность студентов к решению возникающих задач. Представляется целесообразным остановиться на следующих компонентах самостоятельной познавательной деятельности: умении обучающегося четко определять цель учебной деятельности; рациональном отборе и выполнении учебных действий для достижения цели; осуществлении самоконтроля; планировании работы: рациональном использовании учебного времени, а также умении извлекать информацию из текста (выделять главное, обнаруживать смысловые вехи, обобщать материал).

Особое значение имеет уровень сформированности данных характеристик для студентов первых курсов. Как показывает опыт

различных вузов и результаты наших экспериментов, у большинства первокурсников указанные компоненты познавательной самостоятельности недостаточно сформированы. Так, более 55 % обследуемых студентов, изучающих иностранный язык на неязыковых факультетах, не могут определить конкретную цель своей деятельности; 84 % не знают, с помощью каких учебных действий можно выполнить задания по различным видам речевой деятельности; 88 % не работают без отвлечений; около 97 % не осуществляют самоконтроль и не знают способов его реализации; большинство студентов не умеют планировать свою учебную работу. Нам удалось проследить связь уровня сформированности познавательной самостоятельности с успеваемостью обучаемых: студенты, владеющие некоторыми умениями самостоятельной деятельности, имеют более высокую успеваемость, и затраты времени на выполнение работы у них близки к планируемым. В связи с этим возникает проблема разработки способов управления процессом формирования познавательной самостоятельности студентов. Под управлением следует понимать определенную организацию действий обучаемого обеспечивающую формирование заданных характеристик (качеств). Поскольку качества личности формируются в деятельности, именно в процессе индивидуальной работы должны формироваться те или иные стороны самостоятельности. Под самостоятельной работой нами понимается вся интеллектуальная и организационная учебная работа, выполняемая студентами в аудиторное и внеаудиторное время, которая считается средством формирования самостоятельности личности. Для успешного управления самостоятельной работой студентов необходимо разработать комплекс мероприятий, включающий в себя психологическую подготовку как студента, так и преподавателя, ибо для достижения цели любой деятельности каждый из ее участников должен отвечать конкретным требованиям и обладать определенными качествами.

Преподавателю необходимо осознать, что весь учебно-воспитательный процесс, все виды учебных занятий должны быть направлены на формирование у студентов внутренней установки на овладение *способами* самостоятельной познавательной деятельности. Изучение иностранного языка имеет свои особенности, заключающиеся в сложности развития механизмов порождения иноязычной речи и изучаемого материала, специфике способов организации учебной работы по различным аспектам языка и видам речевой деятельности. Поэтому особое значение приобретает необходимость привития студентам навыков учиться. Один из плодотворных способов решения этой задачи — вооружение студентов методологическими знаниями, предворяющими специальные предметные. Данный процесс можно условно разделить на четыре этапа: психологическая подготовка студентов к самостоятельной деятельности; методологическая подготовка к обучению; упражнения и тренировки в самостоятельной учебной работе; деятельность в условиях, приближенных к будущей профессии.

По мере перехода студента с курса на курс формы и содержание этой работы меняются. Особое значение имеет психологическая подготовка студентов первых курсов, когда они впервые оказываются изолированными от семьи. У студентов могут резко обостриться такие состояния, как чувство неуверенности в себе, застенчивость, и страх выступления перед аудиторией, стремление к независимости с одновременной потребностью общения в группе, повышенная чувствительность к оценке своих достижений или неудач группой и др. [2, р. 7]. Следовательно, основная задача преподавателя на этом этапе состоит в создании дружного, доброжелательного коллектива в учебной группе, так как самостоятельная работа не предполагает деятельность в изоляции. Важно также определить, какие виды работы по изучению иностранного языка являются более интересными и производительными для каждого студента и на этой основе укрепить веру студента в свои возможности, в способность успешного обучения в вузе. Обсуждение мотивов учебной работы, трудностей, возникающих у студентов, их пожеланий и конкретных предложений по организации учебного процесса, успехов в учебе способствуют созданию необходимой психологической подготовки студентов к самостоятельной познавательной деятельности.

Цель методологической подготовки — усвоение способов познавательной деятельности. В дидактике «самостоятельность» считается многоуровневым динамичным явлением, а первым ее уровнем служит репродуктивная самостоятельность, без которой невозможна творческая. Смысл репродуктивной деятельности заключается в том, что обучающийся, имея образец того, как надо поступать, выполняет задание сознательно и целенаправленно. На этом уровне считаем возможным формировать следующие стороны познавательной самостоятельности: умения и навыки определения цели деятельности, выбор учебных действий с учетом вида речевой деятельности, выполнение самоконтроля и рациональное использование времени. Для управления такой деятельностью мы подготовили инструкции студентам по организации их внеаудиторной самостоятельной работы. В инструкциях указана цель выполнения заданий; дан перечень учебных действий по изучению грамматического материала, извлечению информации из текста, развитию навыков подготовленного говорения; предложены задания для самоконтроля; указаны ориентировочные затраты времени на выполнение каждого задания; рекомендованы таблицы по грамматике для самостоятельного анализа. Особенностью самостоятельной работы является то, что она носит опережающий характер относительно аудиторной.

Следующий этап подготовки студентов к самостоятельной учебной деятельности предполагает тренировку. Для этого демонстрируются образцы выполнения заданий; организуется выполнение фрагментов заданий в присутствии преподавателя; осуществляются методические указания по самостоятельной работе на аудиторных занятиях; проводятся дополнительные занятия и консульта-

ции. Степень сформированности указанных компонентов самостоятельности доводится до такого уровня, когда большая часть студентов может успешно выполнить любое задание без опоры на инструкцию. Количественной оценки этого уровня нет, отмечается лишь степень соответствия запланированным характеристикам.

На заключительном этапе осуществляется познавательная деятельность в ситуациях, отражающих будущую профессиональную деятельность. Студентам предоставляется возможность самостоятельно выбирать литературу, обрабатывать материал для подготовки к выступлению на собрании, конференции. Сроки выполнения планируемой работы устанавливаются самими студентами. Большую помощь в организации и проведении данного этапа оказывают ролевые игры.

Опыт показывает, что предложенные способы управления формированием познавательной самостоятельности студентов при постоянно действующем механизме обратной связи, позволяющем корректировать данный процесс, обеспечивают формирование определенных сторон самостоятельности на различных уровнях.

Список литературы: 1. Демин М. В. Проблемы теории личности. М., 1977. 156 с. 2. Adams-Smith D. E. ESL and Applied Psychology in Junior High School// English Language Teaching Journ. 1980. 35, № 1. P. 7—15.

Поступила в редколлегию 30.08.84

Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ, канд. пед. наук

СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Если рассматривать методику обучения иностранным языкам как систему [1], то содержание обучения можно считать составным элементов такой системы. Несмотря на важность этого элемента для функционирования системы в целом, даже в его трактовке наблюдаются значительные расхождения. Термин «содержание обучения» рассматривается либо как синонимичный «содержанию учебного предмета» [2, с. 52], либо как более широкий, включающий в себя последний как целую часть [1]. При этом количество компонентов содержания обучения колеблется от одного до семи. Некоторые авторы считают, что содержание обучения суть учебные упражнения [3], другие же полагают, что под содержанием обучения следует понимать языковой материал, тематику, изучающие тексты, тексты в традиционной орфографии, языковые понятия, не свойственные родному языку учащихся, речевые навыки, а также умения обращаться со справочной литературой [2]. В ряде определений [4—7] общей чертой является попытка объединить в качестве однородных такие разнородные понятия, как языковой материал, тексты, навыки и умения. Возникает интуитивное ощущение неадекватности определения.

Определение понятия «содержание обучения» по форме представляет собой суждение, которое по своим качественным и количественным характеристикам подчиняется закономерностям, присущим общеутвердительным суждениям. В качестве субъекта здесь

выступает термин «содержание обучения», связки — «включает, является» и предиката — часть суждения справа от связки. В суждениях анализируемого типа понятие, которое находится на месте субъекта, должно быть всегда распределенным, т. е. взятым во всем объеме. С этой точки зрения рассматриваемые определения удовлетворяют таким требованиям. Термин, занимающий место предиката, может быть либо распределенным, либо нераспределенным. В первом случае субъект входит в предикат как вид в род, т. е. составляет часть объема предиката, например: «Все пионеры — школьники», а во втором — объект предиката равен объему субъекта: «Квадрат — прямоугольник с равными сторонами» [8, с. 55—58].

Анализ определения понятия «содержание обучения» показывает, что их нельзя отнести к первому типу суждений, так как объем предиката мало соотносится с объемом субъекта. Во всяком случае, объем предиката не является подчиняющим по отношению к объему субъекта. Данное определение понятия нельзя отнести и ко второму типу суждений, так как в этом случае субъект и предикат должны обладать равным объемом и быть взаимозаменяемыми. В нашем случае объем суммы компонентов предиката не равен объему субъекта, т. е. нельзя утверждать, что совокупность языкового материала, тематики, изучаемых текстов, текстов в орфографии, речевых навыков, языковых понятий, отсутствующих в родном языке, и умений пользоваться справочной литературой образует содержание обучения, если понимать обучение как процесс. Поскольку определения содержания обучения не удовлетворяют ни одному из двух типов рассматриваемого суждения, можно говорить только об их некорректности. Содержание любого процесса, в том числе и обучения, определяется только как род действия, а не совокупность вещественных понятий, которые в сумме могут образовать только еще одно вещественное понятие.

Анализируемые определения содержания обучения не удовлетворяют и требованиям к ним как к логическому приему, раскрывающему содержание понятия, т. е. сущность определяемого предмета и его отличие от всех других предметов [8, с. 147]. Цель определения заключается в установлении пределов содержания и объема понятия [8, с. 153]. Наиболее широко применяемым типом дефиниции является определение через указание рода и вида. Формой данного типа определения служит суждение, в котором субъект и предикат имеют одно и то же содержание: $S = Abcd$, где S — субъект суждения; $Abcd$ — предикат; A — родовой признак; bcd — видовые признаки. Из формул следует, что предикат суждения в определении выступает в расчлененном виде, включая в себя указание на всеобщность (род) и особенность (видовое отличие). При определении любого понятия следует соблюдать ряд правил, важнейшим из которых для данного случая является правило соразмерности, т. е. требование одинакового содержания и объема субъекта и предиката [8, с. 152]. В определении понятия «содержание обучения» это правило нарушается, так как ни объем,

ни содержание предиката не равны аналогичным величинам субъекта. Не соблюдается и принцип определения через указание деления отсутствует, а остальные компоненты предиката настолько разнородны, что их трудно рассматривать как видовые признаки.

Наиболее общее определение содержания любого обучения — это его трактовка как процесса формирования навыков и умений, а также усвоения необходимой суммы знаний. Указанная характеристика составит родовой признак в нашей дефиниции. Кроме того, необходимо учитывать также видовые признаки рассматриваемого понятия (иностранный язык, наличие учителя, средняя школа). Установив родовой и видовые признаки понятия «содержание обучения иностранному языку в средней школе», попытаемся дать его определение.

Содержание процесса обучения иностранному языку в средней школе представляет собой управление формированием навыков и умений иноязычной речи, а также усвоение некоторой суммы знаний по теории языка в условиях, определенных программой.

Данная дефиниция представлена в наиболее общей форме и не претендует на универсальность и законченность. Ее можно детализировать, поскольку не все видовые признаки выражены в ней с достаточной степенью эксплицитности. Так, видовой признак «в средней школе» можно дополнить указанием на сетку часов, наполняемость учебных групп и т. д. Однако такое уточнение вряд ли целесообразно, поскольку вся эта информация, имплицитно содержащаяся в словосочетании «в средней школе», достаточно четко осознается и без эксплицитного выражения.

Исходя из определения содержания обучения, приведенного выше, возникает естественный вопрос о месте тех компонентов, которые приписывались содержанию обучения ранее (языковой материал, умения и навыки, тексты, темы и т. д.). Для решения этой проблемы представляется приемлемой точка зрения ряда авторов [1], предлагающих различать «содержание процесса обучения» и «содержание иностранного языка как учебного предмета». Под последним понимается «содержание и структура иноязычного учебного материала, которые обусловлены целями обучения и находят опредмеченную форму в средствах обучения» [1, с. 35]. Такая позиция соответствует и положениям общей дидактики: в содержание каждого учебного предмета должны войти знания, умения и навыки, опыт творческой деятельности [9, с. 69].

Так как содержание учебного предмета включает в себя все то, чему следует учить, безусловным компонентом этого содержания является языковой (фонетический, грамматический, лексический) материал, усвоение которого предполагается в рамках данного курса. Подобное усвоение предполагается не как простое запоминание изолированных единиц, а как овладение действиями по использованию этих единиц в языковой коммуникации. Такие действия могут входить в содержание учебного предмета только в качестве абстрактных действий, потенциально существующих в языке, независимо от степени их усвоения учащимися. Поэтому навы-

ки и умения нельзя включать в содержание учебного предмета, так как они представляют собой качественные уровни выполнения действий. Достижение таких уровней происходит в ходе учебного процесса, посредством которого реализуются цели обучения. Следовательно, навыки и умения, вероятно, должны рассматриваться как компоненты практических целей обучения. Поскольку действия по употреблению языкового материала выполняются только в устной (письменной) форме, первый компонент содержания учебного предмета можно определить так: языковой материал и действия по его употреблению в устной и письменной речи. Отбор языкового материала для формирования содержания учебного предмета нельзя реализовать без заранее установленных границ такого отбора, очертив круг тем, усвоение которых признано целесообразным в рамках данного курса. Характер тем определяется целями обучения и, в свою очередь, диктует содержание языкового материала. Поэтому тематика, вероятно, также должна рассматриваться в качестве составного компонента учебного предмета.

При усвоении действий по употреблению языкового материала в учебных целях неизбежно использование сведений, касающихся оптимальных способов выполнения этих действий. Такие сведения составляют третий компонент предмета «иностранный язык».

Языковой материал и сведения по теории языка, необходимые для усвоения действий по усвоению этого материала, включаются в учебник, в котором такой материал организуется в темы, тексты и упражнения. Совокупность этих средств, на основе которых содержание учебного предмета получает материальное воплощение, можно объединить термином «средства обучения» и рассматривать его в качестве отдельного элемента методики как системы. Сюда же, вероятно, следует отнести и программу обучения.

Кроме упомянутых понятий, в состав содержания обучения иногда включают также «языковые понятия, отсутствующие в родном языке учащихся» [2, с. 54; 4, с. 36], рассматривающиеся в качестве отдельного компонента. Вместе с тем содержание таких понятий поглощается компонентами «языковой материал» и «сведения о способах выполнения действий по употреблению языкового материала». Поэтому не возникает необходимости выделения таких понятий в качестве отдельного компонента содержания учебного предмета.

Список литературы: 1. Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М., 1977. 228 с. 2. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1982. 373 с. 3. Шубин Э. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М., 1972. 350 с. 4. Общая методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1967. 504 с. 5. Рогова Г. В. Методика обучения английскому языку на английском языке. Л., 1975. 311 с. 6. Содержание обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1984. 142 с. 7. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1981. 455 с. 8. Формальная логика. Л., 1977. 357 с. 9. Дидактика средней школы. Некоторые проблемы современной дидактики. М., 1975. 303 с.

Поступила в редколлегию 10.09.84

СОДЕРЖАНИЕ

Адамский В. И. К вопросу о языковом влиянии в условиях профессионального билингвизма	3
Бейдер Е. И. Проблема однозначного описания значения слова	6
Белогуб А. Л. К вопросу о миграции терминологии	9
Говердовский В. И. Аффиксальное выражение иронии в немецком языке.	13
Денисов О. И. О некоторых особенностях употребления именных фраз в художественной прозе	14
Джандоева П. В. К вопросу о соотношении длины термина, относительной частоты употребления и числа его значений	17
Дмитренко В. А. Структурно-семантические особенности сложных синтаксических конструкций в диалогических единствах современного английского языка	20
Дородных А. И. О сходстве и различиях между текстом и диалогом	23
Ейгер Г. В. О структуре оценочно-регулятивной деятельности	27
Зиновьева В. Л. Механизм порождения смыслов глагола	34
Кедова Л. А. К вопросу о полинегативности древнеанглийского языка	37
Киприч К. К. Роль кавычек в формировании прагматической направленности газетной статьи (на материале современного английского языка).	40
Костина Н. А. Диалогические единства с побудительной доминантой	42
Кривенко В. П. К вопросу о соотношении аналитических и синтетических глагольных форм в современном немецком языке	45
Липко З. Н., Липко И. П. Варьирование структуры отрицательных предложений с глаголом have в модальном значении в британском и американском вариантах английского языка (XIX и XX ст.)	48
Маевская Л. Д. Усилительные сложные прилагательные современного немецкого языка в рекламных текстах ГДР и ФРГ.	53
✓ Мартынюк А. П. Прагматические особенности текста в зависимости от пола автора	56
Маслова Н. И. Опыт исследования функционирования системы финитного глагола в английском языке Индии в сопоставлении с функционированием аналогичных систем в языке Великобритании и США	60
Морозова Е. И. Коммуникативно-стилистические аспекты варьирования имени прилагательного и глагола в современном английском языке	63
Поповянец Э. Г. Факторы, определяющие границы синонимического ряда предложений качественной характеристики	66
Подминогин В. А. Перфектные формы и значение завершенности действия	71
Прокончук А. А. Контекстуальные условия употребления немецких сложноподчиненных предложений	74
Прудников Л. Н. Учебные словари в работе переводчика	79
Ретунская М. С. Взаимосвязь стилистического и аксиологического параметров слова	82
Савенко А. В. Взаимодействие лексики и грамматики и темпоральная перспектива высказывания	87
Старикова Е. Н., Тропинова И. В. Морфологический конституент функционально-семантического поля посессивности в современном английском языке	90
Тарасова Е. В. О вариативности форм лингвистического времени	94
Татаринцева И. А. Проблема наречия как части речи	98
Ткаченко Р. Г., Давыдов О. И., Козубенко И. А. Опыт сопоставительного анализа глаголов ввода в русском, английском языках на протяжении XVIII—XX ст.	101

Федорова Л. Н. Особенности мотивации ретроспекции в художественном тексте	105
Фролова И. Е. Некоторые коммуникативные аспекты номинативных повелительных предложений	110
Хищенко В. В. Избирательная валентность глаголов неполной предикации в коммуникативном аспекте	113
Кононенко Н. В. Некоторые аспекты обучения грамматике иностранного языка на факультетах точных наук	116
Навальная С. Т., Ясинская В. Р. Учебно-ролевая игра как форма повышения квалификации преподавателей	120
Пасынок В. Г. К ориентации учащихся на профессию учителя иностранного языка	122
Ужик В. А., Черкашина Н. И. О некоторых способах управления формированием познавательной самостоятельности студентов	125
Черноватый Л. Н. Содержание обучения как элемент методики обучения иностранным языкам	128

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 322

Структурно-семантические и прагматические особенности речи
и коммуникативная направленность обучения

Редактор *Н. С. Калинина*
Художественный редактор *В. А. Рияка*
Технический редактор *Л. Т. Ена*
Корректор *В. Л. Светличная*

ОИБ № 12782

Сдано в набор 20.11.87 г. Подписано в печать 25.08.88. Формат 60×90/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 8,25. Кр.-отт. 8,5. Уч.-изд. л. 9. Тираж 500 экз. Изд. № 1600. Зак. 1766. Цена 1 р. 30 к. Заказное.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Выща школа».
310003 Харьков, ул. Университетская, 16.
Харьковская городская типография № 16.
310003 Харьков, ул. Университетская, 16.